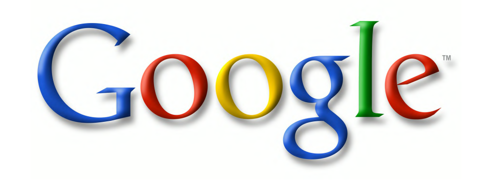

STANFORD UNIVE
LIBRA

От автора

П. Г. МИЖУЕВЪ.

ВЕЛИКІЙ РАСКОЛЪ
ЛО-САКСОНСКОЙ РАСЫ

АМЕРИКАНСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

(ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ФАКТОРОВЪ)

O thou, that sendest out the man
To rule by land and see,
Strong mother of a Lion-line,
Be proud of those strong sons of thine
Who wrench'd their rights from thee!

Tennyson.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Л. Ф. Пантелѣева.
1901.

Типо Литографія **Б. М. Вольфа**, Разъѣзжая, 15.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
	Предисловіе	V—VIII
Глава I.	Характеръ американской революціи	1
Глава II.	Колоніальная политика Англіи въ XVII и XVIII. вѣкахъ и первыя попытки строгаго примѣненія ея въ Америкѣ	8
Глава III.	Проектъ введенія гербоваго сбора въ Америкѣ и вызванный имъ литературный протестъ (1764—1765)	15
Глава IV.	Выступленіе въ литературу т. наз. лойялистовъ	22
Глава V.	Литературная агитація по поводу введенія гербоваго сбора (1765) и отмѣна послѣдняго (1766)	30
Глава VI.	Новыя посягательства парламента на самоуправленіе американскихъ колоній и вызванный ими литературный протестъ	34
Глава VII.	Обостреніе отношеній между метрополіей и колоніями и литературно-политическая дѣятельность Сам. Адамса.	41
Глава VIII.	Литература въ періодъ созванія т. назыв. перваго континентальнаго конгресса (1774)	51
Глава IX.	Кто были во время америк. революціи т. наз. лойялисты. Первый континен. конгрессъ и начало коммерческой борьбы съ Англіей	60
Глава X.	Лойялистская литература въ началѣ революціоннаго движенія (1774—1775)	71
Глава XI.	Лойялистская литература въ началѣ революціоннаго движенія: Джозефъ Галлоуэй	83
Глава XII.	Геніальный юноша въ роли литературнаго защитника правъ колонистовъ (Ал. Гамильтонъ)	91
Глава XIII.	Знаменитая рѣчь Патрика Генри на конвентѣ колоніи Виргинія (1775) и достопамятный „билль о правахъ“ того же конвента (1776)	95

Стр.

Глава XIV. Сатирическія произведнія виговъ наканунѣ объявленія независимости (1775—1776) 105
Глава XV. Томасъ Пэнъ и обстоятельства появленія его знаменитаго памфлета (1776). 110
Глава XVI. Главное литературное производеніе эпохи революціи (Памфлетъ Пэна „Здравый Смыслъ“) 118
Глава XVII. Вліяніе памфлета Пэна по отзывамъ современниковъ. 139
Глав. XVIII. Томасъ Джефферсонъ объ обстоятельствахъ составленія Деклараціи Независимости. 144
Глава XIX. Декларація Независимости 149
Глава XX. Литератуная дѣятельность Т. Пэна послѣ объявленія независимости. 155
Глава XXI. Лойялистская литература послѣ начала борьбы за независимость 161
Глава XXII. Фрэнсисъ Хопкинсонъ—сатирикъ революціонной партіи. 174
Глав. XXIII. Поэтическія и другія литературныя произведенія революціоной эпохи послѣ объявленія независимости . . . 185
Глав. XXIV. Американскій солдатъ о своемъ заключеніи въ англійской плавучей тюрьмѣ въ Нью-Іоркѣ 197
Глав. XXV. Церковная проповѣдь, какъ одинъ изъ литературныхъ факторовъ американской революціи 203
Глав. XXVI. Церковная проповѣдь, какъ одинъ изъ литературныхъ факторовъ американской революціи (окончаніе) 212
Глав. XXVII. Ретроспективный взглядъ на американскую революцію Какъ понимаютъ эту революцію современные англичане и американцы 225
Приложеніе I. Первая декларація правъ колонистовъ и причинъ ихъ неудовольствій (1765) 230
Приложеніе II. Протестъ англичанина противъ обложенія американскихъ колоній англійскимъ парламентомъ (1766). Рѣчь В. Питта 234
Приложеніе III. Вторая декларація правъ и соглашеніе о прекращеніи торговыхъ сношеній съ Англіей 240
Декларація правъ 241
Соглашеніе (Приложеніе IV). 247

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ концѣ XVIII столѣтія совершилось великое для міровой исторіи событіе—расколъ англо-саксонской расы на два независимыхъ политическихъ цѣлыхъ. Движеніе, которое привело къ этому расколу, извѣстное подъ названіемъ американской революціи, мало знакомо русскому обществу. Можно даже сказать, что наше общество имѣетъ по поводу этого движенія совершенно невѣрныя представленія. Русское общество—даже болѣе образованные представители его—склонно представлять себѣ американскую революцію, какъ *массовое* движеніе всего народа, доведеннаго до крайности *нестерпимыми притѣсненіями* правительства метрополіи.

Между тѣмъ такое представленіе находится въ очевидномъ и рѣзкомъ противорѣчіи съ достовѣрными фактами исторіи.

Весьма значительная часть американскаго народа до самого послѣдняго момента формальнаго и безповоротнаго разрыва съ Англіей и даже нѣкоторое время послѣ этого разрыва стремилась найти какой нибудь компромиссъ для возстановленія прежней связи и прежнихъ отношеній съ все еще дорогой метрополіей.

Равнымъ образомъ совершенно невѣрно и существующее у многихъ представленіе о якобы нестерпимыхъ притѣсненіяхъ, которые испытывали американцы отъ англійскаго правительства и его мѣстныхъ агентовъ.

Напротивъ того, можно съ большими основаніями утверждать, что въ XVIII вѣкѣ нигдѣ въ мірѣ не было народа болѣе свободнаго, имѣвшаго частью *de jure* и частью *de facto* большихъ политическихъ и гражданскихъ правъ, чѣмъ населеніе американскихъ колоній Англіи. Для доказательства общей справедливости высказываемаго здѣсь взгляда, можетъ быть, достаточно указать на два неподлежащихъ сомнѣнію факта, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ извѣстенъ даже людямъ сравнительно мало знакомымъ съ исторіей развитія политическихъ учрежденій.

Для наиболѣе выдающихся политическихъ мыслителей XVIII вѣка (см. напр. соч. Монтескье) Англія представляла собой примѣръ наи-

болѣе свободнаго въ то время государства, населеніе котораго сумѣло наилучшимъ образомъ обезпечить свои права и вольности. Между тѣмъ американскія колоніи (это второй изъ нашихъ фактовъ)—по крайней мѣрѣ большинство изъ нихъ—уже въ то время пошли гораздо дальше своей метрополіи въ демократизаціи общественнаго строя, въ подчиненіи теченія общественныхъ дѣлъ верховному и дѣйствительному контролю общественнаго мнѣнія.

Такимъ образомъ американская революція не началась и не могла начаться вслѣдствіе какого либо порабощенія колоній Англіей; такое выраженіе, сказанное жителемъ какого бы то ни было континентальнаго государства Европы XVIII вѣка *), звучало бы такъ же странно, какъ странно звучали бы въ наши дни негодующіе возгласы турецкихъ, персидскихъ и болѣе близко знакомыхъ намъ публицистовъ по поводу недостатковъ парламентарнаго режима во Франціи или слишкомъ аристократическаго строя современной Англіи, тѣмъ болѣе, что представленія той публики, къ которой эти публицисты обращаются, представленія этой публики о нормальномъ теченіи общественныхъ дѣлъ въ названныхъ странахъ не многимъ правильнѣе тѣхъ представленій, которыя имѣли народы континентальной Европы XVIII вѣка о порядкахъ, господствовавшихъ въ американскихъ колоніяхъ Англіи.

Эти народы не понимали—да по своему развитію и не могли понимать,—что великій расколъ англо-саксонской расы произошелъ не изъ-за притѣсненій и тѣмъ болѣе не изъ-за нестерпимыхъ притѣсненій, а главнымъ образомъ изъ-за *принципа*: изъ-за нежеланія американцевъ признать за англійскимъ парламентомъ право облагать ихъ даже самыми малыми налогами безъ ихъ на то согласія. Огромному большинству населенія тогдашней Европы было почти такъ же трудно понять эту основную причину великой распри, побудившую къ возстанію *значительную часть* американскихъ колонистовъ, какъ трудно слѣпому понять явленія свѣта. Для того, чтобы читателямъ не казалось такое сравненіе тогдашней Европы и Америки гиперболическимъ, достаточно, можетъ быть, сопоставить населеніе англійскихъ колоній Америки, возставшее изъ-за принципіальнаго разногласія съ метрополіей, съ населеніемъ великаго герцогства Гессенскаго, безропотно поставлявшаго солдатъ, по приказу своего повелителя, для отправленія на отдаленный и невѣдомый самимъ солдатамъ заокеанскій материкъ. Эти солдаты жертвовали затѣмъ своей жизнью для усмиренія возмутившихся подданныхъ иностраннаго государя, заплатившаго за кровь этихъ вѣрныхъ подданныхъ нѣмецкаго герцога ихъ повелителю, вполнѣ произвольно распоряжавшемуся какъ

---

*) И даже нѣкоторой части континентальныхъ странъ Европы *въ наши дни,* т. е. спустя болѣе столѣтія послѣ признанія независимости Америки и спустя почти 150 лѣтъ послѣ начала раздора между Англіей и ея американскими колоніями.

этими, такъ и всѣми другими добываемыми потомъ и кровью народа деньгами. (Извѣстно, что герцогъ гессенскій поставилъ такимъ образомъ Англіи до 18,000 наемныхъ солдатъ)...

Держась уже давно такого взгляда на характеръ и происхожденіе американской революціи, мы были весьма рады, что цитируемое ниже сочиненіе *американскаго* ученаго Тайлера дало намъ случай, пользуясь огромнымъ и достовѣрнымъ матеріаломъ, собраннымъ названнымъ ученымъ, нарисовать русскимъ читателямъ картину борьбы— не столько между англичанами и американцами, сколько между сторонниками и противниками наиболѣе рѣшительныхъ формъ протеста противъ посягательствъ метрополіи на права ея американскихъ колонистовъ,—борьбы, долгое время выражавшейся по преимуществу въ горячей полемикѣ враждующихъ фракцій американскаго народа на страницахъ періодической печати, въ то время уже сравнительно многочисленной и совершенно свободной въ Америкѣ, и въ цѣломъ потокѣ брошюръ, вызванномъ возбудившимъ народныя страсти вопросомъ о взаимныхъ правахъ метрополіи и колоній.

Оставляя нашу работу приблизительно въ томъ видѣ, въ какомъ она появились на страницахъ «Русскаго Богатства *)» мы сочли полезнымъ для болѣе всесторонняго выясненія этого великаго освободительнаго движенія *дополнить* наше прежнее изложеніе присоединеніемъ ряда документовъ **), освѣщающихъ сравнительно мало затронутую проф. Тайлеромъ отрасль политической литературы того времени, а именно литературу важнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ, въ которыхъ американцы, указывая англійскому королю причины своего недовольства, вмѣстѣ съ тѣмъ напоминали ему объ основныхъ правахъ человѣка вообще и о правахъ англійскихъ граждань—и въ томъ числѣ англійскихъ гражданъ, живущихъ въ Америкѣ—въ частности. Включеніе этого рода документовъ въ политическую литературу тѣмъ болѣе умѣстно, а изученіе ея тѣмъ болѣе важно, что американцы старались придать своимъ торжественнымъ и формальнымъ протестамъ противъ посягательствъ на ихъ права самое широкое распространеніе, вслѣдствіе чего идеи, выраженныя въ нихъ, оказали свою долю вліянія на подготовку умовъ къ окончательному разрыву съ метрополіей.—Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаетъ билль о правахъ колоніи Виргинія, почему мы сочли болѣе умѣстнымъ помѣстить этотъ билль не въ приложеніи, а въ текстѣ (см. глава XIII).

Не меньшее значеніе, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, имѣетъ и знаменитая Декларація независимости, составляющая особую (новую) главу въ послѣдующемъ изложеніи. Для болѣе правильной оцѣнки обстоятельствъ составленія и объявленія Деклараціи мы привели характеристику этихъ обстоятельствъ, заим-

---

*) 1900, № 5—8 „Литературные факторы американской революціи".
**) См. приложенія въ концѣ книги.

ствовавъ ее изъ записокъ самого автора Декларацiи—Томаса Джефферсона.

Особую главу въ послѣдующемъ изложенiи составляетъ извлеченiе изъ самаго замѣчательнаго литературнаго произведенiя эпохи американской революцiи—изъ памфлета Т. Пэна „Здравый Смыслъ". На страницахъ «Русскаго Богатства», не смотря на всю важность памфлета, мы могли помѣстить лишь самыя незначительныя выдержки изъ него.

Въ той же главѣ (XIII), гдѣ читатель найдетъ упомянутый выше билль о правахъ колонiи Виргинiя, помѣщена и одна изъ самыхъ знаменитыхъ рѣчей по поводу конфликта съ Англiей, произнесенная величайшимъ изъ американскихъ ораторовъ и однимъ изъ вождей сепаратистскаго движенiя Патрикомъ Генри. Наконецъ, мы сочли также полезнымъ привести почти цѣликомъ историческую рѣчь одного изъ величайшихъ ораторовъ и государственныхъ людей Англiи Питта или графа Чатама—рѣчь, представляющую интересъ и значенiе не только для характеристики отношенiя болѣе здравой и болѣе дальновидной части англичанъ къ требованiямъ американскихъ колонистовъ, но также и для характеристики свободы, съ которой общественныя дѣла обсуждались полтораста лѣтъ тому назадъ въ родоначальникѣ всѣхъ существующихъ парламентовъ (или, какъ англичане говорятъ про свой парламентъ—«mother of parliaments» т. е. буквально «матери парламентовъ»).

I.

Характеръ американской революціи.

„Въ завоеваніи независимости Америки перо сослужило службу не менѣе важную, чѣмъ мечъ... Не легко было поднять и объединить народъ и затѣмъ убѣждать его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ переносить терпѣливо неудачи и лишенія въ надеждѣ на будущія блага... Все это было сдѣлано въ значительной мѣрѣ живою рѣчью и литературными трудами извѣстной части гражданъ; усилія ихъ обусловливали самый успѣхъ военныхъ дѣйствій“.

D. Ramsay, The History, of Amer. Revolution.

Людямъ, не занимавшимся американской исторіей, трудно представить себѣ, какъ велико богатство американской исторической литературы и какъ велики ея достоинства. Достоинствамъ американской исторической литературы соотвѣтствуетъ и увлекательность самой американской исторіи, по крайней мѣрѣ для всѣхъ тѣхъ, кто сколько нибудь интересуется великими политическими и соціальными вопросами, надъ разрѣшеніемъ которыхъ такъ много трудилось и такъ много еще будетъ трудиться человѣчество.

Кромѣ богатства и необыкновеннаго изящества изложенія, американская историческая литература поражаетъ и своимъ безпристрастіемъ: лишь въ исключительныхъ случаяхъ можно найти у европейскихъ историковъ такое-же стремленіе быть справедливымъ въ оцѣнкѣ враждовавшихъ партій и ихъ руководителей, попере-

мѣнно дававшихъ направленіе теченію общественной жизни, и въ особенности въ изложеніи критическихъ періодовъ національной исторія, когда ставилась на карту вся судьба націи или когда все общество было потрясаемо до основанія гражданскими смутами и междоусобіями.

Примѣромъ такого безпристрастнаго изложенія американской исторіи, такого стремленія американскихъ историковъ возвыситься надъ страстями, волновавшими ихъ предковъ, представить каждую изъ враждовавшихъ сторонъ и партій, на которыя дѣлилось американское общество, въ возможно болѣе благопріятномъ для нея свѣтѣ и тѣмъ дать возможность современнымъ поколѣніямъ судить болѣе справедливо своихъ предковъ,—примѣромъ всего этого, какъ намъ кажется, можетъ служить вышедшее въ 1897 г. двухтомное сочиненіе „Литературная исторія американской революціи“ *) профессора американской исторіи въ одномъ изъ лучшихъ американскихъ университетовъ (Cornell university) Тайлера, извѣстнаго уже своей классической „Исторіей американской литературы въ колоніальную эпоху“.

„Литературная исторія американской революціи“ (т. е. борьбы съ Англіей за независимость) представляетъ собой попытку—и, по нашему крайнему разумѣнію, попытку, въ высшей степени удачную—изложить борьбу, которая подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ мѣръ англійскаго правительства, ограничившихъ самоуправленіе американскихъ колоній, происходила въ американской литературѣ между представителями тѣхъ элементовъ американскаго общества, которые были склонны къ болѣе рѣзкимъ формамъ протеста противъ указанныхъ посягательствъ метрополіи и впослѣдствіи явились даже сторонниками полнаго разрыва съ Англіей, и тѣми, которые стояли за строго легальную форму оппозиціи и болѣе или менѣе рѣзко осуждали слова и поступки своихъ радикальныхъ соотечественниковъ, а впослѣдствіи, съ началомъ фактической борьбы съ метрополіей, частію даже открыто перешли на сторону послѣдней.

Эта литературная борьба двухъ теченій, господствовавшихъ въ американскомъ обществѣ, началась по крайней мѣрѣ лѣтъ на десять раньше, чѣмъ началась борьба за независимость на полѣ

*) The Literary History of American Revolution (1763—1783) by Moses Coit Tyler, New York. Putnam, 1897.

брани и въ значительной степени обусловила исходъ послѣдней. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы это увидимъ ниже, литературой въ значительной степени были созданы и затѣмъ были поддерживаемы тѣ нравственныя силы, та горячая преданность дѣлу освобожденія американскаго народа отъ англійскаго владычества, которыя однѣ только могли доставить побѣду совершенно неподготовленному въ военномъ отношеніи и малочисленному американскому народу надъ вооруженными силами одной изъ могущественнѣйшихъ въ то время державъ міра.

Выдающееся значеніе, которое имѣла литература въ движеніи, извѣстномъ подъ названіемъ „американской революціи", побудила проф. Тайлера написать, какъ онъ выражается „*Литературную* исторію американской революціи", т. е. взглянуть на событія этой замѣчательной эпохи съ точки зрѣнія литературныхъ силъ, создавшихъ ее или служившихъ ей выраженіемъ.

„Кажется, что мы безъ преувеличенія можемъ сказать",—читаемъ мы въ предисловіи къ труду проф. Тайлера,—„что настоящее сочиненіе представляетъ собой нѣчто новое по методу историческаго изслѣдованія. Во всякомъ случаѣ этотъ методъ до сихъ поръ никогда еще не примѣнялся въ такихъ размѣрахъ къ критическому изложенію американской революціи. Внѣшняя исторія этого великаго движенія была описана много разъ... Въ настоящемъ же сочиненіи въ первый разъ въ систематическомъ и достаточно полномъ видѣ излагается внутренняя исторія революціи—исторія идей, настроеній, увлеченій, страстей участвовавшихъ въ ней дѣятелей, насколько все это выразилось въ литературныхъ произведеніяхъ партій, содѣйствовавшихъ или противодѣйствовавшихъ великому движенію".

„Мы стремились при этомъ",—продолжаетъ проф. Тайлеръ,—„предоставить обѣимъ партіямъ—вигамъ и тори, или, какъ ихъ иначе называли, революціонерамъ и лойялистамъ, говорить самимъ за себя, цитируя ихъ собственныя слова; мы воздерживались оскорблять память дѣятелей той и другой стороны своими подозрѣніями въ ихъ искренности, великодушіи, патріотизмѣ или мужествѣ"...

„Въ цѣляхъ исторической интерпретаціи мы нашли цѣнными какъ болѣе серьезныя, такъ и болѣе легкія формы литературы и потому удѣлили значительное вниманіе пѣснямъ, балладамъ, сати-

рамъ, эпиграммамъ, шуткамъ"... „Мы сдѣлали обзоръ всей американской литературы между 1763 и 1783 годами, какъ серьезной, такъ и шутливой, какъ прозаической такъ и стихотворной, и привели наиболѣе любопытные примѣры самыхъ разнородныхъ литературныхъ произведеній, чтобы, по возможности, полнѣе характеризовать разныя состоянія мысли и чувства, которыя пережилъ американскій народъ въ теченіе двадцатилѣтней агитаціи и борьбы, завершившейся политической самостоятельностью Америки" *).

„Въ предлагаемомъ вниманію читателя опытѣ изложенія американской революціи мы ставимъ въ иную перспективу, чѣмъ это дѣлается обыкновенно, силы, породившія революцію, средства, которыми она была совершена, преемственность событій, равно какъ и самыя событія и руководившихъ ими лицъ. Не игнорируя вовсе дѣйствій законодательныхъ собраній, министровъ и вообще лицъ, облеченныхъ властію, указывая иногда и на военныя операціи, мы всему этому отводимъ второстепенное мѣсто; если мы упоминаемъ о томъ или другомъ изъ подобныхъ фактовъ, то не иначе какъ въ связи съ характеристикой идей и настроеній, которыя скрывались за ними, которыя породили ихъ или сами были ими вызваны. Въ результатѣ получается совершенно новое распредѣленіе внѣшняго выраженія крупной исторической роли,—т. назыв. славы,—между лицами, участвовавшими въ этой великой драмѣ".

„Вмѣсто того, чтобы, какъ это дѣлается обыкновенно, направлять наши взоры почти исключительно на государственныхъ людей и генераловъ, на армію и флотъ, на американскій конгрессъ и англійскій парламентъ, на министровъ психически ненормальнаго короля или даже на самаго короля; вмѣсто того, чтобы смотрѣть на всѣхъ этихъ лицъ, какъ на единственныхъ или какъ на главныхъ дѣятелей революціи,—мы по большей части сосредоточиваемъ

*) Какъ извѣстно, провозглашеніе независимости С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, равносильное оффиціальному объявленію войны съ Англіей, состоялось въ 1776 г., а ратификація мирнаго договора между воевавшими сторонами въ 1783 г.; на самомъ же дѣлѣ первыя серьезныя попытки ограничить самоуправленіе американскихъ колоній и начало болѣе или менѣе рѣшительныхъ протестовъ американцевъ относятся къ 1763 г. Въ теченіе тринадцати лѣтъ между этимъ послѣднимъ годомъ и 1776,—годомъ объявленія независимости,—отношенія метрополіи и колоній были большею частію очень обостренныя, и вотъ въ это то время литература подготовила умы къ окончательному разрыву съ Англіей и войнѣ.

все свое вниманіе на другихъ лицахъ, историческая дѣятельность которыхъ оставалась до сихъ поръ въ большомъ пренебреженіи или даже совершенно забыта; на тѣхъ лицахъ, которыя въ качествѣ писателей (независимо отъ того, занимали ли они выдающееся положеніе въ иныхъ отношеніяхъ или нѣтъ) создавали нравственныя силы этого великаго движенія, формировали и направляли общественное мнѣніе своихъ согражданъ. Это были люди, владѣвшіе лишь духовнымъ оружіемъ, и примѣръ ихъ дѣятельности въ высшей степени убѣдительно доказываетъ великое значеніе идей, созидательное и рѣшительное значеніе нравственныхъ силъ въ развитіи историческаго процесса“...

„Такимъ образомъ, въ настоящей исторіи американской революціи герои ея являются таковыми не потому, что они были могущественными министрами, законодателями или генералами: нѣтъ, наши герои являются таковыми главнымъ образомъ потому, что они были писателями:—авторами газетныхъ и журнальныхъ статей, брошюръ (памфлетовъ), пѣсенъ, разсказовъ, сатиръ и, наконецъ, проповѣдей въ церквахъ *). Изученіе трудовъ этихъ лицъ, какъ мы думаемъ, можетъ познакомить насъ съ болѣе тонкими (delicate), менѣе уловимыми, но не менѣе глубокими или менѣе дѣйствительными силами, создававшими независимость американскаго народа“.

Переходя далѣе къ характеристикѣ тяжелыхъ, ужасныхъ событій того критическаго времени, крайнихъ физическихъ и нравственныхъ страданій, которыя переживалъ тогда американскій народъ, Тайлеръ обращаетъ вниманіе своихъ читателей на огромную литературную производительность революціонной эпохи. „Этотъ фактъ первое время удивляетъ и даже поражаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это возможно?... Мы всѣ склонны думать, что

---

*) Какъ извѣстно, одной изъ наиболѣе серьезныхъ причинъ, побудившихъ извѣстную часть англичанъ выселиться въ XVII вѣкѣ въ Сѣв. Америку были религіозныя преслѣдованія въ Англіи. Религіознымъ энтузіазмомъ первыхъ переселенцевъ можетъ быть объяснена та крупная—а въ первое время и особенно даже доминирующая роль—роль, которую духовенство играло въ американской общественной жизни, сохранивъ отчасти это вліяніе и до настоящаго времени. Въ эпоху революціи вліяніе духовенства было еще весьма значительно, какъ читатель увидитъ [illegible] въ этомъ изъ послѣднихъ главъ настоящаго труда.

то было время, когда долженъ былъ дѣйствовать мечъ, а не перо... Между тѣмъ, если вникнуть серьезно въ вопросъ, то окажется, что мы даже должны были ожидать такой усиленной литературной производительности въ столь тревожную, полную волненій и страданій эпоху. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь литературная дѣятельность зависитъ отъ глубины мысли и чувства, а что можетъ такъ сильно возбуждать мысль и чувства людей, какъ не война, особенно гражданская война, особенно война революціонная“.

„Правда, гражданскія смуты могутъ принять такой характеръ, что люди потеряютъ всякое чувство безопасности, всякую возможность для сосредоточенія мысли, но и тогда результатомъ такого положенія дѣлъ будетъ лишь прекращеніе всякихъ, если такъ можно выразиться, спокойныхъ формъ литературнаго творчества и ограниченіе послѣдняго формами, пригодными для рѣзкой борьбы враждующихъ общественныхъ теченій“.

„Ко всему этому надо прибавить, что во время американской революціи можно было съ особеннымъ основаніемъ ожидать усиленной литературной производительности, такъ какъ эта революція въ самой сильной степени (preeminently) *была порождена* (caused by) идеями *и никогда не переставала быть борьбой идей* (pivoted on ideas). Правда, то же самое можно въ нѣкоторомъ смыслѣ сказать обо всѣхъ революціяхъ; однако въ большинствѣ изъ нихъ идейныя причины въ общемъ сознавались мало, а потому эти причины начинали дѣйствовать лишь тогда, когда онѣ уже чувствовались осязательно въ видѣ реальныхъ страданій и притомъ обыкновено послѣ того, какъ эти страданія длились продолжительное время. Такъ было, напр., съ французской революціей“.

„Не такъ развивалась революція американская. Американскій народъ не ждалъ, пока идейныя, возможныя въ будущемъ бѣдствія и страданія обратятся въ бѣдствія и страданія дѣйствительныя, настоящія. Достигнувъ уже въ то время сравнительно высокаго политическаго развитія, обладая такой политической прозорливостью, которая позволяла ему предвидѣть бѣдствія, возможныя хотя бы даже въ далекомъ будущемъ, американскій народъ *возсталъ не противъ фактической тиранніи, а противъ тиранніи, ожидаемой въ будущемъ* (anticipated). *Американцы произвели свою революцію не потому, что они дѣйствительно уже были*

страдальцами, а потому что, будучи хорошими логиками, они оказались въ состояніи предвидѣть, что, если они тотчасъ не окажутъ сопротивленія, то впослѣдствіи дѣло дойдетъ до фактическихъ страданій, если не для нихъ самихъ, то для ихъ дѣтей. Какъ удачно выразился одинъ, жившій въ то время, великій государственный мужъ самой Англіи (Эдм. Боркъ), американцы судили „о степени тягостности мѣръ англійскаго правительства по ихъ принципіальному значенію". Они „распознавали задатки дурного управленія въ самыхъ его зародышахъ" и обнаружили поразительное чутье ко всякимъ теченіямъ въ англійскихъ правящихъ сферахъ, въ которыхъ было сколько нибудь замѣтно расположеніе къ тиранначескимъ мѣрамъ противъ Америки".

„Такимъ образомъ, продолжаетъ проф. Тайлеръ, наша революція болѣе, чѣмъ какая-либо другая представляетъ борьбу идей, долгій логическій споръ по вопросу о политическихъ отношеніяхъ, рядъ изъ года въ годъ повторявшихся литературныхъ кампаній, причемъ эти словесныя схватки, борьба аргументами не только предшествовала схваткамъ и борьбѣ на полѣ брани, но часто превосходила послѣднія по своему вліянію на окончательный исходъ распри".

II.

Колоніальная политика Англіи въ XVII и XVIII вѣкахъ и первыя попытки строгаго примѣненія ея въ Америкѣ.

Въ приведенной выше длинной цитатѣ изъ сочиненія проф. Тайлера намъ важно отмѣтить признаніе американца, что возстаніе противъ Англіи было вызвано не столько дѣйствительными угнетеніями, сколько угнетеніями ожидаемыми, возможными. Въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи политической свободы большая часть англійскихъ колоній въ Америкѣ пользовались почти полной самостоятельностью; всѣ онѣ имѣли представительныя учрежденія, вездѣ налоги опредѣлялись законодательными собраніями, получавшими свои полномочія путемъ избранія мѣстнымъ населеніемъ (правда, что въ этихъ выборахъ, вообще говоря, участвовала лишь болѣе или менѣе зажиточная часть населенія). Въ рукахъ колонистовъ же была въ значительной мѣрѣ и исполнительная власть, такъ какъ лишь немногія должностныя лица назначались правительствомъ метрополіи. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ (Коннектикутъ, Родъ Айлендъ) даже губернаторы были выборные, а не назначаемые правительствомъ Англіи. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ эти колоніи представляли собой „чистыя представительныя демократіи (simple representative democracies) съ полной законодательной самостоятельностью *при отсутствіи какого бы то ни было представителя власти, назначаемаго короной* (т. е. правительствомъ Англіи). Политическая организація этихъ двухъ колоній представляла собой примѣръ наивысшаго выраженія самостоятельности, которой стремились достичь и другія колоніи англичанъ въ Америкѣ“ (Johnston. United States. 1890, стр. 9).

Слѣдуетъ замѣтить также, что въ колоніяхъ была полная свобода религіозная, полная свобода печати, ассоціацій, сходокъ и

т. п.; вѣрнѣе было бы сказать, что все это было предоставлено на полное усмотрѣніе самихъ колонистовъ, и тѣ сравнительно незначительныя ограниченія, которыя существовали въ тѣхъ или иныхъ колоніяхъ въ указанныхъ отношеніяхъ, являлись результатомъ желанія самихъ колонистовъ, законодательныхъ актовъ избранныхъ ими же властей.

Всѣмъ извѣстно, какъ мало похожаго такимъ порядкомъ представляло отношеніе Испаніи или Франціи къ своимъ колоніямъ: деспотизмъ, безгранично царившій въ метрополіи, переносился въ еще болѣе рѣзкой формѣ и въ колоніи, результатомъ чего и оказалась полная утрата колоній одной и жалькое состояніе колоніальныхъ владѣній другой, нѣсколько улучшившееся лишь на глазахъ нынѣ живущаго поколѣнія,

Въ одномъ только отношеніи англичане XVIII вѣка въ своей колоніальной политикѣ сравнительно мало отличались отъ другихъ народовъ. Подобно другимъ народамъ они смотрѣли на колоніи, какъ на средство обогащенія метрополіи и стѣсняли ихъ нормальное экономическое развитіе для вящшаго матеріальнаго преуспѣянія метрополіи *). Еще въ 1651 году былъ изданъ знаменитый Navigation Act, которымъ запрещалось ввозить колоніальные продукты въ Англію или подвластныя ей территоріи иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ или (эта прибавка значительно ослабляла суровость акта) на корабляхъ, построенныхъ въ самихъ колоніяхъ. Черезъ десять лѣтъ этотъ актъ былъ дополненъ другимъ, которымъ запрещалось нѣкоторые поименованные въ актѣ товары (табакъ, сахаръ, мѣха; впослѣдствіи число этихъ „поименованныхъ", „enumeratd", предметовъ увеличивалось) возить куда бы то ни было кромѣ Англіи. Этимъ англичанѣ обезпечивали себѣ роль и прибыли посредниковъ при продажѣ колоніальныхъ продуктовъ въ странахъ Европы. Въ теченіе XVIII столѣтія англійскій парламентъ издалъ рядъ законовъ, стѣснявшихъ развитіе въ Америкѣ шерстяной, желѣзодѣлательной и сталелитей-

*) Какъ извѣстно, въ настоящее время многія англійскія колоніи пользуются полными правами самоуправленія; такія колоніи свободны въ своей экономической и таможенной политикѣ, каковой иногда и пользуются, облагая значительными пошлинами товары, привозимые изъ Англіи, и тѣмъ ограждая тѣ или иныя отрасли промышленности отъ конкурренціи метрополіи.

ной промышленности, чтобы обезпечить болѣе вѣрный сбытъ англійскимъ товарамъ на американскомъ рынкѣ.

Наконецъ, въ половинѣ XVIII стол., англійское правительство посягнуло уже болѣе прямо на американскіе карманы, обложивъ *пошлиной* сахаръ и ромъ, ввозимый въ американскія колоній изъ другихъ колоній, *не принадлежащихъ* Англіи. Правда, правительство вмѣстѣ съ этимъ заявляло, что дѣлаетъ это не изъ фискальныхъ цѣлей, т. е. не для взиманія извѣстнаго дохода съ колонистовъ, а лишь для покровительства англійскимъ колоніямъ, производящимъ сахаръ, и для огражденія ихъ отъ конкурренціи колоній соперничествующихъ державъ. Такимъ образомъ и эта мѣра, съ извѣстной точки зрѣнія, не была посягательствомъ на исключительное право колонистовъ облагать себя налогами черезъ посредство выборныхъ законодательныхъ собраній. (Смот. Thaites. Colonies. New York, 1891).

Надо сказать, что всѣ эти мѣры не вызывали особенно рѣзкаго протеста со стороны колонистовъ, отчасти по той простой причинѣ, что онѣ весьма плохо выполнялись.... Чиновники, которые должны были слѣдить за ввозомъ обложенныхъ пошлиной предметовъ, не всегда рѣшались преслѣдовать виновныхъ и возбуждать противъ себя смѣлое, рѣшительное и самостоятельное населеніе; къ тому же трудно было найти лицъ, готовыхъ засвидѣтельствовать въ судѣ фактъ контрабанды, да и судьи не были расположены осуждать провинившихся въ преступленіи, котораго не считало таковымъ мѣстное общественное мнѣніе. Однако колонисты не желали прямо и рѣшительно протестовать противъ такихъ посягательствъ метрополіи на ихъ экономическую самостоятельность, такъ какъ крайне непріятное для нихъ господство французовъ въ Канадѣ заставляло ихъ дорожить могущественнымъ покровительствомъ англійскихъ военныхъ и морскихъ силъ Это же обстоятельство, т. е. существованіе французской колоніи въ Канадѣ, сдерживало и англійское правительство въ его отношеніяхъ къ своимъ американскимъ колоніямъ.

Но вотъ въ 1763 г. закончилась Парижскимъ миромъ продолжительная война между Франціей и Англіей, и Франція должна была уступить Канаду Англіи, а такъ наз. въ то время Луизіана, т. е. области къ западу отъ Миссиссипи, перешли къ Испаніи. Война стоила Англіи большихъ денегъ, и уже въ 1764 г.

она рѣшила привлечь къ участію въ имперскихъ расходахъ и свои американскія колоніи, начавъ съ болѣе строгаго взиманія пошлинъ съ обложенныхъ товаровъ и даже нѣсколько увеличивъ самыя эти пошлины.

„Всѣ эти признаки перемѣны политики по отношенію къ колоніямъ были сейчасъ же замѣнены болѣе проницательной частью американскаго общества и произвели крайне тягостное впечатлѣніе на всѣхъ колонистовъ вообще... Хуже всего было то, что теперь не считалось даже нужнымъ стремленіе взимать извѣстный налогъ съ колонистовъ прикрывать благовиднымъ предлогомъ регулированія внѣшней торговли имперіи. Въ первый разъ со времени основанія американскихъ колоній въ относящемся до нихъ актѣ парламента было прямо сказано, что цѣлью этого акта было обезпечить имперіи извѣстный доходъ съ колонистовъ. Одно изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ финансоваго управленія въ Англіи, писало даже въ оффиціальной бумагѣ: „этихъ новыхъ пошлинъ, конечно, недостаточно, чтобы въ должной мѣрѣ привлечь Америку къ участію въ имперскихъ расходахъ: она можетъ и должна платить больше. Впослѣдствіи придется ввести еще новые налоги“. Въ самомъ дѣлѣ, въ это время былъ уже поставленъ на очередь вопросъ о введеніи въ С.-Америкѣ знаменитаго гербоваго сбора» (Tyler. vol. I, 46—47).

Первымъ литературнымъ протестомъ противъ такого направленія колоніальной политики Англіи былъ вышедшій уже въ іюлѣ 1764 г. и имѣвшій громадный успѣхъ памфлетъ подъ названіемъ «Права британскихъ колоній», написанный однимъ изъ самыхъ выдающихся юристовъ колоніи Массачузетсъ и Америки вообще, Дж. Отисомъ, уже ранѣе пріобрѣвшимъ извѣстность въ качествѣ смѣлаго защитника народныхъ правъ.

Мы не будемъ касаться здѣсь теоріи происхожденія и значенія верховной власти вообще, развиваемой Отисомъ въ его памфлетѣ, и остановимся лишь на наиболѣе любопытныхъ мѣстахъ, относящихся къ характеристикѣ правъ колоній по отношенію къ метрополіи. Колоніи, говоритъ Отисъ, не составляютъ какого-нибудь совершенно чуждаго или маловажнаго придатка имперіи, которой онѣ принадлежатъ. «Колонія есть общество гражданъ, живущихъ на территоріи, не соединенной непосредственно съ территоріей метрополіи, или находящейся отъ нея въ далекомъ

разстоняніи». Новѣйшіе колонисты представляютъ собой «благородныхъ изслѣдователей и поселенцевъ новаго свѣта, который въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій доставилъ Европѣ столь много богатства, величія, силы»... Въ то же время «эти колоніи, кромѣ колоній Англіи, не получили взамѣнъ отъ своихъ метрополій... ничего, кромѣ дурного управленія, порабощенія и цѣпей»... Между тѣмъ «колонисты имѣютъ право претендовать на ту же свободу, тѣ же привелегіи и вольности, какъ и жители метрополіи; въ нѣкоторыхъ отношніяхъ ихъ права должны быть даже болѣе значительны».

Во всякомъ случаѣ, каково бы ни было положеніе колоній другихъ народовъ, колоніи Англіи не могутъ носить никакихъ знаковъ политическаго рабства... Всякій британскій подданный, въ какой бы части Британской имперіи онъ ни находился, «по закону Божію и по закону природы, по обычаю и по парламентскимъ актамъ... долженъ пользоваться всѣми естественными, основными, неотъемлемыми правами, которыя обезпечиваетъ всѣхъ англійскимъ гражданамъ ихъ славная конституція». Далѣе Отисъ, допуская, что англійскій парламентъ въ качествѣ верховнаго имперскаго законодательнаго собранія «имѣетъ несомнѣнное право издавать законы, одинаково обязательные для всѣхъ частей Великобританіи», въ то же время доказываетъ, что «никакое законодательное собраніе какъ высшее, такъ и подчиненное (колоніальное), не можетъ брать отъ человѣка какой либо части его собственности (здѣсь разумѣется взиманіе налоговъ) безъ его на то согласія, выраженнаго лично или черезъ представителей», что поэтому „нигдѣ во владѣніяхъ его королевскаго величества нельзя брать съ народа налоговъ безъ согласія самого народа“ что „всякое общество англійскихъ гражданъ имѣетъ право избирать представительное собраніе, которому одному принадлежитъ право обложенія налогами; отказывать въ этомъ колоніямъ значитъ фактически нарушать англійскую конституцію въ самыхъ существенныхъ ея частяхъ“. При современномъ положеніи вещей, доказываетъ далѣе Отисъ, „колонисты должны имѣть не только свои собственныя подчиненныя законодательныя собранія, но и должны соразмѣрно своему богатству и населенности пользоваться правомъ представительства въ верховномъ законодательномъ собраніи королевства, такъ какъ только при такихъ условіяхъ

можно [illegible] частей [illegible] враговъ [illegible]

[illegible]

[illegible]

въ арсеналѣ, нѣкоторыя изъ самыхъ лучшихъ орудій борьбы съ посягательствами метрополіи.

Едва ли нужно прибавлять, что одновременно съ памфлетомъ Отиса появилось нѣсколько аналогичныхъ произведеній другихъ авторовъ, которымъ, однако, не удалось въ той же мѣрѣ привлечь общественное вниманіе.

III.

Проектъ введенія гербоваго сбора въ Америкѣ и вызванный имъ литературный протестъ (1764—1765).

Въ томъ же 1764 году, когда появился памфлетъ Отиса, англійское правительство рѣшило держать впредь въ Америкѣ небольшое постоянное войско (около 10,000 солдатъ) и, чтобы хотя отчасти привлечь колонистовъ къ возмѣщенію издержекъ по содержанію этого войска, рѣшило также обложить гербовымъ сборомъ разнаго рода документы, удостовѣрявщіе коммерческія сдѣлки и и вообще всякаго рода легальные акты. Предполагалось, что этотъ гербовый сборъ дастъ возможность покрыть около одной трети стоимости содержанія войска.

Согласно заявленію министерства (лорда Гренвиля), англійскіе гарнизоны въ Америкѣ назначались для защиты колонистовъ отъ нападеніи краснокожихъ и отъ возможнаго вторженія иноземной арміи въ случаѣ войны Англіи съ однимъ изъ народовъ Европы. Колонисты отнеслись подозрительно къ такимъ заботамъ метрополіи, предпочитая разсчитывать лишь на свои силы; они опасались, какъ бы англійскіе гарнизоны не стали орудіемъ для ограниченія свободы самихъ американцевъ. Однако это недовольство, вѣроятно, скоро улеглось бы, если бы вмѣстѣ съ обѣщаніемъ посылки гарнизоновъ въ американскіе города не было объявлено и о предпологаемомъ введеніи гербоваго сбора.

Теперь для всѣхъ стало очевиднымъ желаніе Англіи распространить и на Америку компетенцію парламента по обложенію населенія налогами. Въ глазахъ колонистовъ, это уже въ корнѣ нарушало основныя права англійскихъ граждaнъ вообще и ихъ, колонистовъ, въ особенности. Первыя же извѣстія о предполагаемомъ введеніи гербоваго сбора вызвали всеобщій и рѣшительный протестъ во всей странѣ и заставили усиленно работать печатный станокъ.

Однимъ изъ наиболѣе раннихъ выраженій новаго общественнаго настроенія было появленіе въ лучшей изъ газетъ, выходившихъ въ колоніи Родъ Айлендъ *) (Providence Gazette), разсказа, передававшаго въ формѣ шутливой аллегоріи событія, переживаемыя Америкой. Американцы уже тогда отличались стремленіемъ къ юмору, стремленіемъ выразить въ какомъ нибудь съ виду просто забавномъ анекдотѣ или разсказѣ свои серьезныя жизненныя заботы и думы. Такъ и въ данномъ случаѣ разсказъ яко бы исходилъ отъ простого бѣднаго колониста, который, по его собственнымъ словамъ, не могъ похвалиться даже и образованіемъ, такъ какъ не читалъ ничего, кромѣ Библіи и Bunyan's Pilgrim Progress" **).

Недавно, такъ разказываетъ колонистъ, я какъ-то вечеромъ заговорился съ сосѣдомъ часовъ до 11 вечера, обсуждая такъ поразившую насъ всѣхъ необыкновенную новость о введеніи гербоваго сбора... Придя домой, я легъ спать, тотчасъ же крѣпко заснулъ и увидалъ замѣчательный сонъ. „Мнѣ снилось, что законъ о штампованіи всѣхъ дѣловыхъ бумагъ (надо сказать, что въ прошломъ столѣтіи не было еще ни гербовыхъ, ни почтовыхъ марокъ, и достоинство гербовой бумаги означалось наложеніемъ извѣстной печати или штампа, который находился у лицъ, которымъ была поручаема продажа гербовой бумаги П. М.) былъ распространенъ на всѣхъ нашихъ вьючныхъ животныхъ, и что въ Америку пришелъ корабль со штамповальнымъ чиновникомъ и цѣлой свитой помощниковъ. Чиновникъ послалъ къ намъ въ село

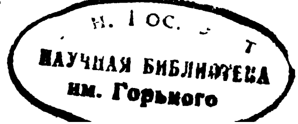
---

*) Надо сказать, что душою агитаціи противъ притязаній Англіи—и впослѣдствіи душою возстанія—были сѣверо-восточныя американскія колоніи, носящія общее названіе „Новой Англіи". Новая Англія состоитъ изъ колоній (нынѣ штатовъ) Массачузэтсъ, Коннектикутъ, Родъ Айлендъ, Нью Гемпширъ и Мэнъ. Эти колоніи, въ противоположность центральнымъ и въ особенности южнымъ, образовались безъ всякаго содѣйствія англійскаго правительства или аристократіи и твердо сохраняли демократическій духъ, господствовавшій, какъ извѣстно, въ самой Англіи въ то время, когда состоялась эмиграція въ эти колоніи.

**) Сочиненіе, носящее религіозный характеръ, вышедшее въ XVII вѣкѣ въ Англіи и сразу пріобрѣвшее огромную популярность сначала въ Англіи, а затѣмъ и въ Америкѣ. Оно переведено на всѣ главные языки міра, не исключая японскаго. На русскій языкъ переведено въ 1878 г. (Буніанъ. Путешествіе пилигримма).

приказъ привести весь нашъ домашній скотъ въ назначенное имъ мѣсто. На другой день въ самомъ дѣлѣ лошади со всего села были загнаны на лугъ къ моему сосѣду, при чемъ всѣ загородки, окружавшія лугъ, были передъ этимъ тщательно исправлены. Между множествомъ приведенныхъ лошадей оказалось и шестьословъ — всѣ, сколько ихъ у насъ было. Вотъ съ большой важностью является самъ штамповальный чиновникъ со свитой, при чемъ одинъ изъ этой почтенной компаніи несъ большой штампъ въ формѣ буквы S (здѣсь ясный намекъ на слово slave — рабъ). Они тотчасъ начали клеймить штампомъословъ, которые при этомъ не выказали ни малѣйшаго сопротивленія. Затѣмъ они перешли къ лошадямъ и готовы уже были наложить клеймо на одну чудную гнѣдую лошадь, какъ вдругъ она, испугавшись, должно быть, сверкнувшаго на солнцѣ штампа, фыркнула, лягнула своими задними ногами и убѣжала прочь, обдавъ при этомъ грязью все лицо почтеннаго джентльмена, какъ я это замѣтилъ къ большому своему неудовольствію. Испугъ одной лошади сообщился другимъ, и черезъ минуту всѣ онѣ съ такой же поспѣшностью пустились прочь, перескочили черезъ загородку, а затѣмъ и вовсе скрылись изъ вида".

„Все это произошло такъ быстро, что почтенная компанія чиновниковъ была совсѣмъ озадачена и стала выражать крайнее изумленіе по поводу такого необычайнаго происшествія, но тутъ къ нимъ подошелъ кто-то изъ нашихъ самыхъ захудалыхъ мужичковъ и съ легкой усмѣшкой на лицѣ сказалъ, что онъ всегда думалъ, что всякому англичанину хорошо извѣстно, что только одни ослы будутъ стоять смирно, когда ихъ станутъ клеймить. Среди краснорѣчиваго молчанія, наступившаго послѣ этого замѣчанія нашего мужичка, одинъ изъ чиновниковъ подошелъ къ стоявшему поодаль человѣку, имѣвшему видъ барина и державшему за узду своего прекраснаго коня, и попросилъ у него позволенія воспользоваться его скакуномъ, чтобы пригнать назадъ убѣжавшій табунъ. Господинъ согласился, но сказалъ при этомъ чиновнику, чтобы тотъ снялъ свои шпоры, такъ какъ конь его не станетъ держать на сѣдлѣ всадника съ такимъ вооруженіемъ. Пока чиновникъ снималъ шпоры, господинъ ему объяснилъ, что едва-ли ему удастся чего нибудь достигнуть, такъ какъ лошади въ табунѣ чистой англійской породы и большая часть изъ нихъ проис-

ходить отъ одного, жившаго давно, очень замѣчательнаго коня, по имени Old Noll (старый Ноль) *). Этотъ конь, не казистый на видъ, былъ за то крѣпкій и смѣлый и могъ бы въ свое время сослужить своему хозяину хорошую службу, если бы хозяинъ, заразившись примѣромъ французовъ, не вздумалъ ѣздить на немъ со шпорами. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только конь почувствовалъ шпоры у хозяина, онъ такъ его подбросилъ, что тотъ сломалъ себѣ шею, послѣ чего Old Noll и вся его порода были высланы сюда въ Америку и здѣсь сильно размножились (это, очевидно, намеки на неудачныя попытки англійскихъ королей перенести въ Англію французскій произволъ и на происхожденіе американскихъ колоній П. М.)".

„Послѣ этого непріятнаго сообщенія чиновникъ рѣшилъ не брать коня у господина, и вся компанія стала придумывать какое нибудь иное средство вернуть лошадей. Изъ всѣхъ ихъ разговоровъ, однако, ничего не вышло... Тогда одинъ изъ нашихъ стариковъ подошелъ къ чиновникамъ и далъ имъ такой совѣтъ: „Развѣ не знаете, что клеймить можно только свою собственность? Теперь вы пришли клеймить нашъ скотъ, а потомъ вы станете его у насъ отбирать. Взаимное довѣріе можетъ обезпечить нашему хозяину (master) большій, а главное болѣе вѣрный доходъ съ того, что мы имѣемъ, чѣмъ какое бы то ни было клейменіе. Когда же наступаетъ взаимное недовѣріе и раздоръ, ничего хорошаго ожидать нельзя: всегда найдется случай—для хозяевъ притѣснять своихъ слугъ, а для слугъ дать хорошаго пинка своимъ хозяевамъ". Тутъ всѣ мы трижды крикнули ура, выражая полное согласіе съ нашимъ старикомъ; я самъ такъ гаркнулъ, что добрая женщина, лежавшая рядомъ со мной, сильно толкнула меня локтемъ и спросила, что со мной не животъ ли у меня схватило — тутъ я уже проснулся, и мой сонъ кончился".

Нѣсколько недѣль спустя послѣ появленія этого разсказа, описывавшаго въ аллегорической формѣ начинающійся разладъ между метрополіей и ея американскими колоніями, въ той же колоніи Родъ Айлендъ вышелъ обратившій на себя всеобщее

---

*) Old Noll или Старый Нолль прозвище, которое дали Оливеру Кромвелю его политическіе противники.

вниманіе памфлетъ подъ названіемъ „Права колонистовъ“. Памфлетъ былъ анонимный, но скоро всѣмъ стало извѣстно, что онъ написанъ самимъ губернаторомъ колоніи Стеф. Хопкинсомъ *) (напоминаемъ, что въ колоніяхъ Коннектикутъ и Родъ Айлендъ губернаторъ избирался народомъ; губернаторъ Коннектикута около этого же времени также выпустилъ памфлетъ, о содержаніи котораго можно судить по его заглавію: „Причины, по которымъ англійскій парламентъ не долженъ облагать налогами американскія колонія).

Подобно многимъ другимъ политическимъ писателямъ того времени, Хопкинсъ подходитъ къ вопросу о власти парламента послѣ разсмотрѣнія вопроса о происхожденіи общества, природы правительства, основъ британской конституціи и правъ обезпечиваемыхъ ею англійскому гражданину. Но принадлежатъ ли америнскимъ колонистамъ всѣ права англійскихъ гражданъ? Хопкинсъ въ этомъ не сомнѣвается, утверждая, что колоніи въ новѣйшіе времена „всегда пользовались такой же свободой, какая была въ метрополіи“. Британскія колоніи не могутъ составлять исключенія, „какъ колоніи государства, славнаго своей конституціей, колоніи народа, наиболѣе ревниво оберегающаго свои права“.

Одно извѣщеніе о предполагаемомъ введеніи гербоваго сбора „болѣе, чѣмъ что либо и когда либо взволновало американскій народъ, и взволновало вполнѣ основательно... Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь никто не станетъ спорить противъ того, что тѣ, кого можно по произволу облагать налогами, не могутъ имѣть прочной собственности.,. а кто не имѣетъ собственности, тотъ не имѣетъ и свободы, ему грозитъ полное порабощеніе“...

Дѣло не измѣняется отъ того, что, какъ говорятъ, „тѣ, кто облагаетъ колоніи налогами (т. е. члены англійскаго парламента), люди извѣстные своимъ умомъ, справедливостью, честностью... такъ какъ тотъ, кто вынужденъ повиноваться волѣ другого, будетъ все-таки рабомъ, какъ бы ни былъ хорошъ его хозяинъ“...

Не легче колонистамъ и отъ того, что взимаемыя съ нихъ

---

*) Есть основаніе думать, что авторомъ ранѣе приведеннаго аллегорическаго разсказа „Сонъ“ надо считать того же Хопкинса. См. Tyler. цитир. сочин. томъ I, 61.

деньги, „составятъ особый фондъ и будутъ затрачиваться лишь на ихъ защиту. Этимъ еще болѣе подчеркивается рабское состояніе народа. Народы свободные всегда думали и всегда будутъ думать, что ихъ защита вѣрнѣе всего обезпечена тогда, когда необходимыя на нее деньги находятся въ рукахъ у самого народа до тѣхъ поръ, пока не наступитъ дѣйствительная нужда ихъ тратить“...

Говорятъ, что Англія затратила много денегъ на свои колоніи и теперь въ правѣ получать съ нихъ какой нибудь доходъ. Что такое Англія тратила на колоніи? спрашиваетъ Хопкинсъ. Не вѣрнѣе ли было бы сказать, что американскія колоніи не стоили Англіи ни копѣйки; съ самаго своего возникновенія имъ пришлось самимъ выносить наибольшее бремя расходовъ на свою защиту, а во время войнъ Англіи съ Франціей американцы, можетъ быть, больше, чѣмъ это слѣдовало бы по ихъ числу и богатству, тратили силъ, денегъ, человѣческихъ жизней...

Не основательны утвержденія и тѣхъ, кто говоритъ, что если освободить колоніи отъ обложенія налогами англійскимъ парламентомъ, то „этимъ колоніи будутъ освобождены отъ несенія справедливой доли бремени содержанія правительства. Одно изъ другого вовсе не слѣдуетъ Развѣ колоніи не содержатъ каждая свое правительство, которое обходится имъ не дешевле, чѣмъ жителямъ метрополіи ихъ собственное? Развѣ колоніи отказывались когда нибудь, когда это предлагалъ имъ сдѣлать король, выдавать извѣстныя субсидіи англійскому правительству, развѣ они не дѣлали это съ такой же охотой, съ какой англійскій парламентъ вотируетъ деньги по требованіямъ министровъ короля? Развѣ такой способъ полученія денегъ съ колоній—не есть способъ наиболѣе естественный и въ то же время наиболѣе согласный съ англійской конституціей? Зачѣмъ требовать отъ колонистовъ способами, противными конституціи, того, что они никогда не отказывались давать по доброй волѣ“ *).

---

*) Выражаясь такимъ образомъ, Хопкинсъ въ сущности предлагалъ англійскому правительству и впредь держаться того же способа получать деньги съ колоній, какъ это всегда дѣлалось до тѣхъ поръ. Министерство, нуждаясь въ денежной помощи по тому или иному случаю, обращалось именемъ короля къ губернаторамъ колоній, которые сообщали о такомъ желаніи короля законодательнымъ собраніемъ. Отъ этихъ по-

„Парламентъ, какъ всѣ признаютъ, имѣетъ право регулировать торговыя отношенія всей имперіи. Развѣ одно это не является само по себѣ достаточнымъ средствомъ, чтобы отвлекать сколько угодно богатствъ колоній къ метрополіи? Что же въ такомъ случаѣ можетъ побуждать парнаментъ къ посягательствамъ на права и привилегіи самыхъ вѣрныхъ англійскихъ подданныхъ, съ полнымъ основаніемъ отстаивающихъ свою свободу, которой они уже давно пользуются и которой они никогда не злоупотребляли?..

„Мы, наконецъ, считаемъ долгомъ поставить на видъ, что первые поселенцы этихъ колоній были благочестивые христіане и вѣрные подданные Англіи, сумѣвшіе, благодаря своей огромной энергіи и чрезмѣрнымъ трудамъ, къ сожалѣнію мало извѣстнымъ и недостаточно оцѣненнымъ, привести въ цвѣтущее состояніе дикія страны и этимъ доставить Великобританіи новыя и чрезвычайно цѣнныя владѣнія“...

„Пусть милосердный Богъ, который руководилъ первыми поселенцами, покровительствовалъ имъ въ тяжелые годы основанія колоній, который научилъ въ свое время королей быть милостивыми и парламентъ быть заботливымъ, пусть милосердный Богъ сохранитъ на долгіе годы нашего короля, сообщитъ мудрость министрамъ, разумъ парламенту, продлитъ до конца временъ верховенство британской конституціи и сыновнюю (filial) преданность и счастье колоній“...

Впечатлѣніе, произведенное этимъ убѣдительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень сдержаннымъ памфлетомъ, было очень сильно; онъ быстро былъ перепечатанъ почти во всѣхъ (тринадцати) колоніяхъ. Вслѣдствіе своей сдержанности памфлетъ получилъ широкое распространеніе даже въ самой Англіи, склонивъ на сторону колонистовъ многихъ такихъ людей, которыхъ оттолкнулъ бы рѣзкій и суровый тонъ разсужденій Джемса Отиса *).

слѣднихъ зависѣло опредѣлить какъ сумму, которая считалась ими необременительной сообразно ихъ экономическому положенію, такъ и способъ взиманія ея съ населенія. Министерство Гренвиля, вводя для полученія дохода съ Америки гербовый сборъ, покушалось, очевидно, лишить американцевъ одного изъ самыхъ существенныхъ элементовъ ихъ свободы.

*) Считаемъ нужнымъ сообщить читателю, что въ послѣдующемъ изложеніи мы сплошь и рядомъ позволяемъ себѣ говорить словами ав-

IV.

Выступленіе въ литературу т. наз. лойялистовъ.

При всѣхъ выраженіяхъ глубокой преданности метрополіи, при всѣхъ похвалахъ великой британской конституціи и обезпечиваемыхъ ею гражданскихъ благъ, въ знакомыхъ намъ памфлетахъ Отиса, Хопкинса, равно какъ и въ другихъ аналогичныхъ произведеніяхъ, о которыхъ мы не сочли возможнымъ говорить, сквозитъ, а иногда даже ясно и опредѣленно высказывается мысль, что для покорности колоній есть граница; что, если парламентъ перейдетъ эту границу, колонисты будутъ считать себя въ правѣ сойти съ законныхъ способовъ протеста и совершенно отвергнуть власть парламента, т. е. такимъ образомъ, если не формально, то фактически поднять революцію... Однако, извѣстная часть общества,—ниже мы увидимъ, какъ велика была эта часть и изъ кого она состояла, — никакъ не хотѣла допустить мысли о такомъ нелегальномъ, революціонномъ протестѣ. Не сочувствуя вовсе дѣйствіямъ англійскаго правительства, эта часть американцевъ еще менѣе склонна была сочувствовать всякимъ революціоннымъ затѣямъ, считая возможнымъ добиться перемѣны въ политикѣ Англіи чисто легальными, мирными путями. Болѣе радикальная часть американскаго народа, бывшая въ то же время частью болѣе смѣлой и рѣшительной, называла такихъ людей рѣзкимъ въ то время прозвищемъ тори, т. е., какъ мы бы выра-

---

тора „Literary History of American Revolution“, не цитируя каждый разъ тома и страницы. Это испещрило бы нашу работу ссылками, тѣмъ болѣе что мы почти вездѣ вставляемъ и свои дополненія, необходимыя для болѣе яснаго пониманія того или иного вопроса русскими читателями и извлекаемыя нами изъ другихъ трудовъ по исторіи мерики.

зились, реакціонеровъ; эти же лица сами себя называли лойялистами (loyalist), т. е. вѣрными подданными или, точнѣе, сторонниками законныхъ властей и легальнаго образа дѣйствій.

Уже съ самаго начала разлада между Америкой и ея метрополіей положеніе лойялистовъ было не изъ пріятныхъ, почему писатели, выступавшіе въ литературѣ на защиту ихъ точки зрѣнія не только скрывали свои имена подъ разными псевдонимами, что дѣлали, впрочемъ, и многіе изъ памфлетистовъ противнаго лагеря, но, чтобы отвлечь общественное вниманіе отъ своихъ личностей, опредѣляли невѣрно свое мѣстожительство и мѣсто печатанія своихъ сочиненій.

Однимъ изъ первыхъ литературныхъ представителей лойялистской части американскаго общества былъ талантливый анонимный авторъ памфлета подъ названіемъ „Письмо одного джентльмена изъ Галифакса *) къ своему другу въ Родъ Айлендъ". Это, письмо, какъ отчасти видно изъ самого названія, было отвѣтомъ на знакомый намъ памфлетъ губернатора Родъ Айленда Хопкинса и появилось около двухъ мѣсяцевъ спустя послѣ памфлета Хопкинса (февраль 1765 г.).

„Джентльменъ изъ Галифакса" подвергаетъ рѣзкой критикѣ памфлетъ Хопкинса и рѣшительно возражаетъ противъ того, что колонистамъ яко бы принадлежатъ всѣ права природныхъ англичанъ. «Мнѣ кажется, что когда мы говоримъ или думаемъ о правахъ, принадлежащихъ отъ рожденія всѣмъ англичанамъ, мы смѣшиваемъ личныя права и права политическія... Личныя права, разумѣя подъ этимъ право на жизнь, свободу, собственность, обезпечиваются всѣмъ намъ нашимъ обычнымъ правомъ (common law); эти права принадлежатъ неотъемлемо всѣмъ и каждому, гдѣ бы кто ни родился, въ самой ли Англіи, въ ея ли колоніальныхъ владѣніяхъ или хотя бы въ океанѣ на кораблѣ. Въ этомъ смыслѣ мы и можемъ говорить, что мы всѣ пользуемся всѣми правами англійскаго гражданина... Въ иномъ положеніи стоитъ вопросъ о политическихъ правахъ колонистовъ, т. е. объ ихъ правахъ на направленіе и контроль всѣхъ сторонъ общественной

*) Halifax былъ въ то время главной военной и морской станціей англичанъ въ Канадѣ и на материкѣ Америки вообще, поэтому тамъ доминировало англійское вліяніе и были особенно сильны лойялистскія тенденціи. Вотъ почему авторъ излагаемаго памфлета назвалъ себя „джентльменомъ изъ Галифакса".

жизни. Природа, качество и размѣръ этихъ правъ всецѣло зависитъ отъ королевскихъ хартій, которыми учреждены и созданы колоніальныя управленія. Въ качествѣ отдѣльныхъ лицъ колонисты пользуются всѣми правами, которыя каждому обезпечиваетъ англійская конституція; въ качествѣ членовъ особыхъ политическихъ обществъ колонисты пользуются лишь тѣми правами, какія имъ даны хартіями. Велики ли или малы эти права— жаловаться не приходится, такъ какъ принявъ хартіи, колонисты согласились *implicite* подчиняться всѣмъ тѣмъ условіямъ жизни, которыя изъ нихъ вытекаютъ".

Особенно подробно „джентльменъ изъ Галифакса" останавливается на вопросѣ о правѣ парламента облагать налогами колонистовъ. Американскія колоніи, говоритъ онъ, „не были никогда формально изъяты изъ сферы компетенціи парламента". кромѣ того, члены парламента, какъ только они должнымъ образомъ избраны, „становятся представителями всѣхъ британскихъ подданныхъ, гдѣ бы эти подданные ни жили, а потому интересы колонистовъ можно считать столь же хорошо обезпеченными существующимъ составомъ парламента, какъ если бы сами колонисты принимали участіе въ выборѣ членовъ парламента... Позвольте спросить васъ, имѣются ли въ парламентѣ представители отъ острововъ Мэна, Джерси и Гернси? Какое значеніе имѣетъ для каждаго отдѣльнаго шотландца представительство Шотландіи въ парламентѣ, Шотландіи, имѣющей два милліона жителей и только три тысячи избирателей? Вспомнимъ далѣе, что англійскіе капиталисты, какъ ни громадны ихъ интересы, не имѣютъ однако представителей въ парламентѣ. Какой нибудь владѣлецъ негоднаго помѣстья участвуетъ въ парламентскихъ выборахъ, а купецъ-милліонеръ, но имѣющій только движимую собственность, въ нихъ не участвуетъ. Тѣмъ не менѣе, было бы совершенно невѣрно предположить, что парламентъ принимаетъ во вниманіе интересы перваго и игнорируетъ интересы послѣдняго... Повѣрьте, другъ мой, свобода и счастіе каждаго англичанина зависитъ не отъ доли его участія въ парламентскихъ выборахъ, а отъ общихъ достоинствъ англійской конституціи, а это, въ свою очередь, зависитъ отъ достоинствъ и добродѣтелей всего англійскаго народа».

Что касается стараго конституціоннаго принципа—«никакихъ

налоговъ безъ представительства» (no taxation without representation»), онъ, конечно, вѣренъ въ своемъ первоначальномъ смыслѣ, который ему придавали люди, создавшіе его и завѣщавшіе его намъ, но онъ не вѣренъ «будучи понимаемъ буквально», какъ его понимаютъ многіе американцы. „Плохое пониманіе и ложное толкованіе этого принцципа—вотъ источникъ всѣхъ бѣдъ, обрушившихся на колоніи“.

Раздоръ, возникшій въ настоящее время между колоніями и метрополіей, по мнѣнію джентльмена изъ Галифакса, имѣетъ въ основѣ два главные элемента: первый относится къ вопросу о компетенціи парламента, второй относится къ вопросу объ умѣстности и достоинствахъ тѣхъ мѣръ, которыя приняты парламентомъ для достиженія цѣлей, лежащихъ, по мнѣнію парламента, въ его компетенціи. Если колонисты благоразумны, имъ слѣдуетъ вовсе оставить первый вопросъ и сосредоточить все свое вниманіе исключительно на второмъ. Протестуйте противъ какого угодно акта парламента, если находите это нужнымъ, но не потому, что это актъ парламента, относящійся къ Америкѣ, а лишь потому, что этотъ актъ неразуменъ или нецѣлесообразенъ. «Скажу болѣе», говоритъ джентльменъ изъ Галифакса, «я даже желалъ бы, чтобы критика актовъ парламента велась съ той свободой, съ какой англичане всегда ведутъ свои политическіе споры. Можно добиться устраненія всякихъ затрудненій, можно достигнуть отмѣны всякихъ несправедливостей, если только вести агитацію терпѣливо и сдержанно и во всякомъ случаѣ въ границахъ, указанныхъ конституціей»...

«Повѣрьте мнѣ *), мой дорогой другъ, мнѣ крайне тяжело видѣть такую неблагодарность со стороны колоній по отношенію къ метрополіи, которая недавно еще затратила такъ много силъ и денегъ для защиты насъ отъ французовъ. Мнѣ говорятъ, что нѣкоторые въ своей оппозиціи Англіи заходятъ такъ далеко, что готовы предпочесть французское владычество англійскому. Призываю Бога въ свидѣтели, что я вообще человѣкъ чуждый всякой злобы и раздраженія, но даже и я не могу удержаться отъ

*) Эта и заключительная часть выдержки изъ памфлета джентльмена изъ Галифакса заимствована нами изъ недавно вышедшаго сборника профессора Харвардскаго университета А. Бушнелля Харта. American History as told by Contemporaries. vol II. 397—8.

желанія, чтобы эти недостойные сыны Британіи почуствовали хоть на минуту желѣзный режимъ испанскаго инквизитора или французскаго генералъ-губернатора; это было бы наказаніемъ достойнымъ ихъ неблагодарности»...

— „Я знаю, что колонисты всегда были вѣрными подданными Англіи, но теперь, вслѣдствіе высокомѣрія однихъ и невѣжества другихъ, возбужденіе противъ метрополіи переходитъ быстро отъ колоніи къ колоніи, и есть основаніе опасаться, что это возбужденіе можетъ принять такіе размѣры, когда уже трудно будетъ его сдерживать или уничтожить“...

Трудно представить себѣ то негодованіе, которое возбудило это „Письмо джентльмена изъ Галифакса“. Не говоря уже о массѣ газетныхъ и другихъ статей, написанныхъ въ отвѣтъ на «Письмо», оно сдѣлалось даже предметомъ горячихъ преній въ палатѣ представителей колоніи Родъ Айлендъ, гдѣ вице-губернаторъ (deputy governor) колоніи предложилъ преслѣдовать законными путями автора или издателя зловреднаго пасквиля, а самый пасквиль публично сжечь.

Не остался въ долгу и губернаторъ колоніи Ст. Хопкинсъ, противъ памфлета котораго было направлено «Письмо джентльмена изъ Галифакса». Онъ написалъ рядъ статей въ „Providence Gazette“, въ которыхъ старался уничтожить значеніе доводовъ этого перваго открытаго лойялиста. Цѣлымъ потокомъ ругательствъ обрушился на „джентльмена изъ Галифакса“ и знакомый намъ Отисъ въ памфлетѣ котораго встрѣчаются, впрочемъ, и очень вѣскія возраженія разсужденіямъ „джентльмена“ изъ Галифакса. Возражая на доводъ послѣдняго, утверждавшаго, что такъ какъ въ самой Англіи лишь самая незначительная часть народа принимаетъ участіе въ парламентскихъ выборахъ, то по этому и американцамъ не приходится жаловаться, что никто изъ нихъ не участвуетъ въ тѣхъ же выборахъ, Отисъ справедливо говоритъ слѣдующее:

„Многіе выдающіеся люди Англіи не разъ высказывали сожалѣніе о крайнемъ несовершенствѣ англійскаго представительства. Это несовершенство никакъ нельзя считьть основаніемъ для того, чтобы дѣлать его еще болѣе рѣзкимъ“,

Литературная полемика на этомъ не кончилась, такъ какъ „джентльменъ изъ Галифакса“ вскорѣ написалъ новую брошюру

съ возраженіями и ѣдкими насмѣшками надъ своими оппонентами, которые опять въ свою очередь, не щадя выраженій, отвѣчали „джентльмену“. Къ этому времени, однако, стало извѣстнымъ, что „джентльменъ изъ Галифакса“—весьма извѣстный политическій дѣятель колоніи Родъ Айлендъ—нѣкто Март. Говардъ, проживающій въ городѣ Ньюпортѣ Ничто, можетъ быть, не можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того впечатлѣнія, какое производили „Письма джентльмена изъ Галифакса“, какъ-то народное негодованіе, которое обрушилось на несчастнаго Говарда. Вечеромъ 27 іюля (1765 г.) крайне возбужденная толпа народа ворвалась въ домъ Говарда, сломала и сожгла всю мебель; самъ Говардъ, на котораго набросилась часть пришедшихъ, долженъ былъ бѣжать и нашелъ себѣ надежное убѣжище лишь на англійскомъ кораблѣ, на которомъ вскорѣ уѣхалъ навсегда въ Англію.

Читатель, конечно, нисколько не удивится тому, что въ Англіи больше всего появлялось брошюръ и статей, рѣзко доказывавшихъ правильность дѣйствій англійскихъ министровъ и парламента и столь же рѣзко осуждавшихъ колонистовъ.

Изъ массы такой литературы особенно выдѣляется памфлетъ извѣстнаго въ свое время англійскаго политическаго дѣятеля, литератора и члена парламента Сома Дженинса (Soame Genyns).

Право парламента облагать колоніи налогами и необходимость и умѣстность такого права, по мнѣнію Дженинса, вещи настолько очевидныя, что вѣроятно никому и въ голову не пришло бы ихъ доказывать, „если бы въ настоящее время не приходилось часто читать въ газетахъ и слышать въ обществѣ нѣкоторыя разсужденія, отрицающія это право, разсужденія, наглость которыхъ можетъ быть сравниваема развѣ лишь съ ихъ нелѣпостью“. Къ тому же эти аргументы, пишетъ Дженинсъ, „обыкновенно перемѣшиваются разными высокими фразами о свободѣ, правахъ собственности, англійской конституціи и т. п., фразами, производящими впечатлѣніе на ту весьма многочисленную часть человѣчества, которая имѣетъ уши, но у которой въ головѣ пусто“. Особенно часто повторяется на всѣ лады въ послѣднее время фраза: „ни одинъ англичанинъ не бываетъ, да и не можетъ быть привлекаемъ къ уплатѣ налоговъ, установленныхъ безъ согласія большинства лицъ, избранныхъ имъ или его согражда-

нами въ качествѣ представителей народа“. Между тѣмъ эта фраза представляетъ сущій вздоръ, „такъ какъ каждый англичанинъ платитъ налоги, а въ парламентскихъ выборахъ не участвуетъ и одинъ изъ двадцати... Манчестеръ, Бирмингамъ и многіе другіе наши богатѣйшіе города не имѣютъ вовсе представителей въ парламентѣ и, слѣдовательно, лишены возможности выражать свое согласіе или несогласіе на обложеніе налогами *). Значитъ, тамъ живутъ не англичане или, можетъ быть, жители этихъ городовъ налоговъ не платятъ?.. Если же англійскій парламентъ служитъ выразителемъ нуждъ Бирмингама и Манчестера, не имѣющихъ особыхъ представителей, то почему его нельзя считать такимъ же выразителемъ нуждъ Бостона или Нью-Іорка“?

Мы не можемъ позволить себѣ дѣлать дальнѣйшихъ выписокъ изъ презрительнаго, насмѣшливаго памфлета Дженинса. Въ Америкѣ этотъ памфлетъ вызвалъ сильнѣйшее негодованіе и цѣлый рядъ возраженій, авторы которыхъ, въ свою очередь, также не стѣснялись въ выраженіяхъ. Наибольшій успѣхъ имѣли полныя полемическаго задора статьи знакомаго намъ Отиса „Соображенія въ пользу колоній“, появившіяся первоначально въ „Boston Gazette“, и затѣмъ изданныя отдѣльно въ Америкѣ и даже въ Лондонѣ, гдѣ памфлетъ Отиса былъ изданъ даже дважды.

„Къ чему постоянно тыкать въ носъ колонистамъ примѣры Манчестера, Бирмингама, Шеффильда, не имѣющихъ представителей въ парламентѣ“, пишетъ, между прочимъ, Отисъ,.. „если эти города не имѣютъ представителей, то они должны имѣть таковыхъ. Кромѣ того, если самые города эти не имѣютъ представителей, ихъ имѣютъ, по крайней мѣрѣ, графства, въ которыхъ находятся города... Я думаю, кромѣ того, что всякій владѣлецъ большого помѣстья, находящагося вблизи какого нибудь крупнаго промышленнаго центра, конечно, будетъ достаточно заботиться объ интересахъ этого центра... Правда, богатая Остъ-Индская компанія не имѣетъ собственныхъ представителей въ

*) Все это было совершенно вѣрно, такъ какъ англійскій парламентъ до знаменитаго Reform Act'а 1832 года служилъ весьма несовершеннымъ выразителемъ желаній и нуждъ народа, (представительство находилось почти исключительно въ рукахъ поземельной аристократіи).

парламентѣ, но многіе изъ ея акціонеровъ вмѣстѣ съ тѣмъ и члены парламента; это уже ручается за то, что за интересами компаніи всегда будутъ слѣдить зорко“ *).

„Дженинсъ говоритъ, что „большая часть жителей Великобританіи не избиратели“. Тѣмъ хуже для нихъ! „Каждый англичанинъ платитъ налоги, а въ выборахъ не участвуетъ и одинъ изъ двадцати“, говоритъ далѣе тотъ же Дженинсъ. Итакъ, значитъ, по его же словамъ, ничтожное меньшинство управляетъ большинствомъ!.. Кто же это могъ дать этой одной двадцатой части населенія верховную власть надъ остальными девятнадцатью частями... Разсуждая такъ, какъ дѣлаетъ Дженинсъ, можно, пожалуй, дойти до того вывода, что британскій парламентъ является представителемъ не только Америки, но и всего свѣта“...

---

*) Отисъ упоминаетъ объ Остъ-Индской компаніи, возражая Дженинсу, ссылавшемуся на нее, какъ на примѣръ богатой и могущественной компаніи, не имѣвшей, однако, защитника своихъ интересовъ въ парламентѣ.

V.

Литературная агитація по поводу введенія гербоваго сбора (1765) и отмѣна послѣдняго (1766).

Не смотря на всѣ протесты, которые вызвалъ въ Америкѣ одинъ слухъ о предполагаемомъ введеніи гербоваго сбора, министерство не думало отказываться отъ этой мѣры, и уже въ маѣ 1765 г. новый законъ благополучно прошелъ черезъ обѣ палаты и былъ подписанъ вмѣсто короля (Георга III), временно лишившагося разсудка, особой коммиссіей.

Трудно изобразить то крайнее возбужденіе, которое охватило всѣ американскія колоніи при извѣстіи о совершившемся уже фактѣ—введенія гербоваго сбора. Законодательныя собранія всѣхъ колоній объявили формальные и торжественные протесты. Такъ, законодательное собраніе Виргиніи утвердило резолюцію, въ которой было сказано, что собраніе „считаетъ себя единственнымъ учрежденіемъ, имѣющимъ право облагать жителей колоніи (Виргиніи) налогами“ и что „законъ о гербовомъ сборѣ“ служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ стремленія сократить вольности американцевъ Колонія Массачузэтсъ пошла далѣе и предложила созвать въ Нью-Іоркѣ делегатовъ отъ всѣхъ колоній для представленія общаго вѣрноподданническаго (loyal) и почтительнаго протеста Его Величеству и парламенту. Во многихъ городахъ произошли уличные безпорядки...

Въ октябрѣ мѣсяцѣ состоялся, дѣйствительно, т. наз. Stamp Act Congress, т. е. конгрессъ для протеста противъ гербоваго сбора. Послѣ двухнедѣльныхъ занятій конгрессъ вотировалъ т. наз. „Декларацію правъ колонистовъ и причинъ ихъ неудовольствія“ и три петиціи королю и обѣимъ палатамъ парламента *).

---

*) См. приложеніе I.

О настроеніи, въ какомъ находилось тогда американское общество, можно судить по статьямъ, появившимся около времени засѣданій конгресса въ „New London Gazette“ и принадлежавшимъ *пастору* конгрегаціонной церкви въ Коннектикутѣ Стеф. Джонсону. „Мы переживаемъ критическое время“, писалъ Джонсонъ, „время, когда рѣшается вопросъ о всемъ, что у насъ есть на свѣтѣ самого дорогого... Если парламентъ можетъ попирать наши старинныя права, обезпеченныя торжественными королевскими обѣщаніями и хартіями, ...гдѣ же можно ожидать конца такимъ посягательствамъ?.. Если парламентъ имѣетъ право взимать гербовый сборъ, онъ имѣетъ право обложить насъ подушнымъ налогомъ, поземельнымъ налогомъ, онъ можетъ брать акцизъ съ пива, сидра, объявить налогъ на окна, на дома; почему ему, идя далѣе въ томъ же направленіи, не обложить затѣмъ свѣтъ солнечный, воздухъ, которымъ мы дышемъ, землю, гдѣ насъ хоронятъ?..“

Нѣтъ, Англія должна остановиться, иначе ей грозитъ кровавая революція, и „она потеряетъ два милліона своихъ преданнѣйшихъ сыновъ... Нѣтъ на свѣтѣ власти, которая могла бы уничтожить наши права... Американскія колоніи удастся поработить лишь тогда, когда онѣ сами будутъ этому содѣйствовать своимъ безразсудствомъ или своимъ бездѣйствіемъ“.

Въ то самое время, когда происходили засѣданія Stamp Act конгресса, вышелъ изъ печати одинъ въ высшей степени талантливо написанный памфлетъ, быстро пріобрѣвшій чрезвычайную извѣстность какъ въ Америкѣ, такъ и въ Англіи, гдѣ онъ имѣлъ нѣсколько изданій. Памфлетъ назывался „Соображенія объ умѣстности обложенія налогами британскихъ колоній парламентомъ“. Имя автора не было обозначено, мѣстомъ печатанія названа „Сѣверная Америка“, предисловіе подписано „жителямъ Виргиніи“. Не смотря на всѣ мѣры ко введенію въ заблужденіе читателей, довольно скоро выяснилось, что авторомъ памфлета былъ весьма почтенный и далеко не молодой юристъ и политическій дѣятель колоніи Мэрилендъ Дан. Дьюлани (Dulany). Мы не можемъ останавливаться долго на этомъ памфлетѣ и потому коснемся лишь наиболѣе существенныхъ пунктовъ его.

Дьюлани въ своемъ памфлетѣ задался цѣлью доказать главнымъ образомъ отсутствіе аналогіи между положеніемъ лицъ, не

имѣющихъ избирательнаго голоса въ Англіи, и американцами. „Въ Англіи“, говоритъ Дьюлани, „интересы избирателей, неизбирателей и самыхъ представителей въ значительной степени однородны, не говоря уже о той связи, которая образуется между ними отношеніями родства, дружбы и, наконецъ, простого сосѣдства, знакомства и т. п. Обезпеченіемъ отъ угнетеній для неизбирателей служитъ то, что такія притѣсненія затронутъ и избирателей и самихъ народныхъ представителей... Кромѣ того, если бы англійскій парламентъ не облагалъ налогомъ неизбирателей въ Англіи, то они вовсе не несли бы налоговъ... Такимъ образомъ избирателей въ Англіи, тѣсно связанныхъ интересами съ неизбирателями, можно съ извѣстнымъ основаніемъ считать представителями тѣхъ и другихъ... Не таково положеніе колонистовъ: изъ нихъ никто не можетъ участвовать въ выборахъ въ англійскій парламентъ. ...Кромѣ того, если бы парламентъ отказался отъ обложенія налогами американскихъ колоній, каждая изъ нихъ имѣетъ свое законодательное собраніе, которому принадлежитъ полное право облагать и которое, дѣйствительно, облагаетъ налогами населеніе... Наконецъ, между избирателями Англіи и жителями колоніи нѣтъ такихъ тѣсныхъ связей, которыя объединяли бы ихъ интересы... Часто могло бы случиться что-ни одинъ избиратель въ Англіи не былъ бы нисколько задѣтъ тѣмъ или инымъ закономъ, вводящимъ какой нибудь налогъ въ Америкѣ. Колонистовъ можно было бы угнетать тысячью способами, не возбуждая въ Англіи ни симпатіи, ни тревоги. Даже болѣе того, законы, крайне вредные и гибельные для колоній, могли бы быть весьма популярными въ Англіи въ виду предполагаемыхъ выгодъ отъ нихъ для послѣдней. Мы лично, конечно, не сомнѣваемся въ томъ, что интересы метрополіи и колоній въ дѣйствительности связаны самымъ тѣснымъ образомъ, и что все, что приноситъ существенный ущербъ колоніямъ, въ концѣ концовъ, вредно отражается и на метрополіи. Но такихъ послѣдствій—часто болѣе или менѣе отдаленныхъ—обыкновенно не предусматриваютъ; для этого требуется цѣлый рядъ логическихъ выводовъ и соображеній, къ которымъ мало склонны даже и тѣ немногіе, кто имѣетъ необходимыя для того свѣдѣнія и соотвѣтственное умственное развитіе“...

Приходя, въ концѣ концовъ, къ тому выводу, что парламетъ

не долженъ былъ и не имѣлъ права издавать закона о гербовомъ сборѣ, Дьюлани въ тоже время рѣшительно осуждаетъ всякія незаконныя формы протеста и тѣмъ болѣе активиое сопротивленіе. (Когда, спустя нѣсколько лѣтъ, американцы, истощивъ всѣ законныя средства, перешли къ мѣрамъ чисто революціоннымъ, Дьюлани рѣшительно отказался отъ всякаго сочувствія и содѣйствія такимъ мѣрамъ и потерялъ сразу всю ту популярность, которую пріобрѣлъ было своимъ талантливымъ литературнымъ протестомъ противъ закона о гербовомъ сборѣ. Съ этихъ поръ онъ сталъ въ глазахъ всѣхъ революціонеровъ ненавистнымъ тори, имущество его было конфисковано и, чтобы сохранить свою жизнь, онъ долженъ былъ искать полнаго уединенія и удаленія отъ всякой общественной дѣятельности).

Какъ и можно было ожидать, памфлетъ Дьюлани, написанный въ крайне сдержанныхъ выраженіяхъ, произвелъ огромное впечатлѣніе на самихъ англичанъ. Такъ одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ государственныхъ людей Англіи и одинъ изъ величайшихъ ея ораторовъ, Вил. Питтъ, въ своей рѣчи, произнесенной въ 1766 г. въ парламентѣ, рѣзко осудилъ дѣйствія министерства по отношенію къ американцамъ и, указывая рукой на талантливый памфлетъ Дьюлани, настаивалъ на немедленной и полной отмѣнѣ ненавистнаго для американцевъ закона о гербовомъ сборѣ. Самая рѣчь Питта представляла въ значительной своей части парафразъ смѣлаго по содержанію и сдержанаго по формѣ памфлета Дьюлани*).

Извѣстно, что историческія засѣданія парламента (январь 1766 г.), когда обсуждалась политика министерства по отношенію къ американскимъ колоніямъ и когда произносилъ свои историческія рѣчи В. Питтъ, привели къ отмѣнѣ Stamp Act'а. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Дьюлани своимъ памфлетомъ оказалъ, если не прямое, то во всякомъ случаѣ косвенное содѣйствіе уничтоженію ненавистнаго для его соотечественниковъ закона о гербовомъ сборѣ и примиренію ихъ съ метрополіею, примиренію— увы!—оказавшемуся недолговѣчнымъ.

*) Проф. Тайлеръ (стр. 111—115) приводитъ параллельно нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи Питта и памфлета Дьюлани, изъ которыхъ очевидны заимствованія Питта, которыхъ тотъ и не скрывалъ. Проф. Хартъ въ цирированномъ сборникѣ приводитъ также часть этой знаменитой рѣчи великаго

VI.

Новыя посягательства парламента на самоуправленіе американскихъ колоній и вызванный ими литературный процессъ.

Велика была радость амириканцевъ при первыхъ извѣстіяхъ объ отмѣнѣ гербоваго сбора. Во всѣхъ колоніяхъ устраивались общественныя празднества, фейерверки, процессіи, торжественныя службы въ церквахъ и т. п. Министрамъ, парламенту и нѣкоторымъ выдающимся ораторамъ, говорившимъ въ пользу колоній, были посланы адресы, въ законодательныхъ собраніяхъ колоній рѣшено было поставить статуи короля и Вил. Питта.

Однако эта радость была не безъ примѣси безпокойства Дѣло въ томъ, что парламентъ, отмѣняя гербовый сборъ, тогда-же торжественно объявилъ о своемъ полномъ правѣ въ качествѣ верховнаго законодательнаго собранія „издавать законы и постановленія, касающіеся всѣхъ сторонъ жизни колоній".

Такимъ образомъ отмѣна гербоваго сбора временно уничтожила раздоръ между Англіей и Америкой, но не уничтожила основной причины его. Въ томъ же году, когда состоялась отмѣна Stamp Act'а, Питтъ, въ то время первый министръ Англіи, окончательно потерялъ свои, быстро слабѣвшія, физическія силы и фактически пересталъ дѣятельно участвовать въ направленіи политической жизни своего отечества *)... Въ то же время, въ тече-

---

оратора: „Говорятъ, что Америка открыто возстала", сказалъ, между прочимъ, Питтъ. „Я радуюсь этому сопротивленію американцевъ. Трехмилліонный народъ, у котораго настолько заглохло всякое стремленіе къ свободѣ, чтобы его можно было безъ сопротивленія обратить въ рабство, могъ бы сдѣлаться орудіемъ для порабощенія остальныхъ англичанъ. Американцы были доведены до безумія вашей несправедливостью. И что же? Вы ихъ теперь упрекаете въ безумныхъ поступкахъ, на которые вы сами же ихъ толкнули"... (См. приложеніе II).

*) Въ іюлѣ 1767 года Георгъ III предложилъ составить министер-

ніе 1767 года въ Америкѣ стали распространяться все болѣе и болѣе настойчивые слухи о предполагаемомъ введеніи парламентомъ новыхъ налоговъ (въ Америкѣ)... Въ самомъ дѣлѣ, въ іюнѣ этого года парламентъ принялъ законъ о введеніи пошлинъ на нѣкоторые товары, ввозимые въ Америку. Этимъ англійское правительство желало избѣжать упрека въ попыткахъ вводить въ Америкѣ *налоги* (internal taxes) и, слѣдовательно, посягать на область, которую американцы считали принадлежащей исключительно своимъ законодательнымъ собраніямъ; пошлинами же регулировалась внѣшняя торговля Америки, что считалось и ранѣе въ сферѣ компетенціи парламента. Пошлинами были обложены стекло, свинецъ, бумага, краска и чай. Предполагалось что въ общемъ эти пошлины дадутъ до 400,000 руб. (40,000 фунт. стерл.) въ годъ, которые пойдутъ на жалованье губернаторамъ (до того времени губернаторы получали жалованье по бюджету, вотируемому законодательнымъ собраніемъ каждой колоніи; такимъ образомъ матеріальное обезпеченіе губернаторовъ зависѣло отъ правительства колоній) и судьямъ. Въ тоже время были приняты нѣкоторыя мѣры для болѣе строгаго наблюденія за исполненіемъ законовъ о таможенныхъ сборахъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ разрѣшались обыски въ домахъ). Эти послѣднія мѣры шли въ разрѣзъ съ установившимися въ Америкѣ понятіями о неприкосновенности личности, и потому въ высшей степени возбудили американцевъ даже помимо фискальнаго своего значенія.

Еще большее негодованіе возбудилъ среди американцевъ третій актъ парламента, которымъ кассировалось постановленіе законодательнаго собранія колоніи Нью-Іоркъ, отказавшагося назначить субсидію на содержаніе англійскаго гарнизона; такой фактъ не имѣлъ еще прецедентовъ въ исторіи отношенія американскихъ колоній и ихъ метрополіи (парламентъ отказался признавать дѣйствительными какіе-бы то ни было акты законодательнаго собранія колоніи Нью-Іорка, пока оно не представитъ помѣщенія для гарнизона англійскихъ войскъ и средствъ для ихъ содержанія).

ство Питту, которому былъ данъ титулъ графа Чатама. Питтъ образовалъ кабинетъ, но вскорѣ болѣзнь лишила его возможности заниматься дѣлами, такъ что, пробывъ нѣкоторое время номинально первымъ министромъ, Питтъ или графъ Чатамъ долженъ былъ отказаться отъ активной политической дѣятельности.

Чрезвычайное возбужденіе, которое охватило всѣхъ американцевъ послѣ объявленія этихъ трехъ мѣръ парламента, выразилось въ литературѣ огромнымъ количествомъ всякаго рода политическихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ, наводнившихъ газеты и журналы и занявшихъ доминирующее положеніе и среди отдѣльныхъ изданій на книжномъ рынкѣ,

Среди этой литературы видное мѣсто принадлежитъ статьямъ, появившимся (во второй половинѣ 1767 г.). въ одной газетѣ въ Филадельфіи (главный городъ колоніи Пенсильванія) подъ названіемъ «Письма пенсильванскаго фермера къ жителямъ британскихъ колоній". Хотя эти письма вышли безъ подписи, однако скоро стало извѣстно, что авторомъ ихъ былъ выдающійся пенсильванскій адвокатъ Дж. Дикинсонъ, одинъ изъ видныхъ членовъ законодательнаго собранія Пенсильваніи, бывшій членъ конгресса для протеста по поводу Stamp Act'a.

Задача моя, писалъ Дикинсонъ, заключается въ томъ, чтобы „показать жителямъ американскихъ колоній, что имъ грозятъ величайшія опасности, и убѣдить ихъ къ немедленному, единодушному и энергичному, но въ то же время легальному и мирному протесту противъ дѣйствій метрополіи". Дѣло свободы, продолжалъ Дикисонъ, „слишкомъ высоко, чтобы его ронять грубыми уличными выходками и безпорядками*). Самый способъ протеста долженъ соотвѣтствовать величію принципа: намъ слѣдуетъ высказать благоразуміе, умѣренность, справедливость, смѣлость, гуманность и великодушіе... такъ, чтобы послѣдующія поколѣнія затруднялись въ рѣшеніи того, что слѣдуетъ считать наиболѣе характернымъ въ нашихъ дѣйствіяхъ—преданность королю **), чувство долга къ метрополіи, любовь къ свободѣ, или любовь къ родинѣ...

---

*) Здѣсь Дикинсонъ, очевидно, разумѣлъ бывшіе въ предшествовавшемъ году во многихъ американскихъ городахъ уличные безпорядки и акты насилія по отношенію къ лицамъ, назначеннымъ для взиманія гербоваго сбора.

**) Самый рѣшительный протестъ дѣйствіямъ министерства могъ ужиться—по крайней мѣрѣ въ теоріи—съ чувствомъ глубокаго уваженія къ монарху, такъ какъ уже въ то время въ Англіи болѣе или менѣе установился принципъ, по которому король царствуетъ. но не управляетъ управляютъ же министры, которые одни и несутъ отвѣтственность за направленіе и ходъ дѣлъ.

Будемъ поступать подобно дѣтямъ, получившимъ незаслуженное оскорбленіе (blows—удары) отъ любимаго родителя. Выскажемъ свое неудовольствіе, но въ выраженіяхъ, исполненныхъ любви и почтенія".

Протестуя самымъ рѣшительнымъ образомъ нротивъ всякой мысли объ отдѣленіи отъ Англіи, считая такое дѣло прямо гибельнымъ, Дикинсонъ пишетъ въ то же время такія строки: „Намъ не слѣдуетъ ни на минуту терять изъ вида, что мы не можемъ быть счастливыми, не будучи свободными, не можемъ быть свободными, не будучи увѣрены къ неприкосновенности своей собственности, не можемъ считать бозопасной нашу собственность, если другіе будутъ въ правѣ брать ее у насъ безъ нашего на то согласія, какъ это можетъ дѣлать англійскій парламентъ, облагая насъ налогами... Будемъ защищать свои права, мы этимъ защитимъ и свое матеріальное благополучіе... Порабощенію всегда предшествуетъ равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ (sleep—сонъ)... Отдѣльныя личности могутъ полагаться на милости министровъ, политическія общества (въ данномъ случаѣ разумѣются колоніи) должны съ негодованіемъ отвергать всякую такую мысль... Американцы обладаютъ истиннымъ великодушіемъ тѣхъ, кто, чувствуя наносимыя имъ обиды, не теряютъ вмѣстѣ съ тѣмъ самообладанія и не приходятъ въ ярость... Будемъ любить, будемъ глубоко любить Великобританію, но не будемъ забывать, что, кромѣ обязанностей къ ней, у насъ есть еще болѣе важныя обязанности по отношенію къ самимъ себѣ".

Ни одно серьезное политическое сочиненіе изъ эпохи революціи не пріобрѣло сразу такой извѣстности, не оказало такого вліянія на ходъ событій, какъ „Письма Пенсильванскаго фермера"; одинственное исключеніе составляютъ вышедшія девять лѣтъ спустя политическія сочиненія Том. Пэна, вліяніе которыхъ было еще болѣе значительно.

Успѣхъ „Писемъ фермера" объясняется въ значительной степени необыкновенными литературными достоинствами ихъ, какъ со стороны формы, такъ и со стороны содержанія. Эти письма по мѣрѣ появленія въ одномъ изъ еженедѣльныхъ изданій Филадельфіи читались съ величайшимъ интересомъ тысячами мѣстныхъ жителей, затѣмъ тотчасъ же были перепечатываемы почти всѣми 25 газетами, выходившими въ то время въ Америкѣ. Вслѣдъ

за окончаніемъ „Писемъ“ они были перепечатаны отдѣльнымъ памфлетомъ въ восьми различныхъ городахъ американскихъ колоній. Немного времени спустя вышло два разныхъ изданія „Писемъ фермера“ въ Лондонѣ и одно въ Дублинѣ. Въ слѣдующемъ году вышелъ въ Амстердамѣ французскій переводъ памфлета Дикинсона и получилъ весьма широкое распространеніе на всемъ континентѣ Европы.

Такимъ образомъ, „Письма фермера“ въ значительной степени содѣйствовали возбужденію повсемѣстнаго интереса къ американскимъ дѣламъ. Памфлетъ Дикинсона сталъ даже на нѣкоторое время моднымъ въ Европѣ и въ особенности во Франціи, гдѣ еще было такъ живо воспоминаніе объ утратѣ Канады и о рядѣ пораженій, нанесенныхъ французамъ англичанами въ недавно закончившуюся войну.

„Письма фермера“ произвели огромное впечатлѣніе даже въ Англіи, какъ это видно изъ рѣзкихъ порицаній и сильныхъ похвалъ, выпавшихъ въ изобиліи на долю Дикинсона. Лордъ Хиллсборо *) назвалъ ихъ „крайне дикими“. Журналъ „Критическое обозрѣніе“ въ презрительной статьѣ выразилъ мнѣніе, что „Дикинсонъ былъ бы болѣе полезнымъ членомъ общества, если бы его не научили читать и писать“, и что его книга „возмутительна по своимъ принципамъ, поверхностна по исполненію и можетъ только содѣйствовать гибели страны, ярымъ защитникомъ которой выступаетъ ея авторъ“. Съ другой стороны, одинъ изъ величайшихъ англійскихъ ораторовъ Эдм. Боркъ выразилъ публично свое сочувствіе основнымъ положеніямъ Дикинсона, а въ критикѣ сочиненія Дикинсона, появившейся въ „Monthly Review“, было сказано, что если разбирать споръ колоній съ метрополіей на основаніи требованій здраваго смысла, то „трудно найти какія нибудь основательныя возраженія книгѣ Дикинсона“.

Невозможно перечислить всѣ формы, въ какія вылились выраженія восторга и благодарности американцевъ по отношенію къ автору „Писемъ фермера“. Роялистскій губернаторъ колоніи Георгія писалъ лорду Хиллсборо, что американцы обожаютъ „пенсильванскаго фермера“ и „не находятъ никакого знака уваженія достаточнымъ для его заслугъ“. Дикинсону была выражена бла-

*) Если не ошибаемся, занимавшій въ то время положеніе соотвѣтствующее въ извѣстной мѣрѣ нынѣшнему министру колоній.

годарность всевозможными обществами — какъ политическими, такъ и всякими иными.

Колледжъ колоніи Нью Джерси далъ Дикинсону степень доктора правъ, всѣ клубы наперерывъ предлагали ему вступить въ число членовъ, за его здоровье пили на всякихъ праздничныхъ собраніяхъ. Даже судъ однажды пріостановилъ засѣданіе при входѣ Дикинсона въ залъ засѣданія, чтобы торжественно выразить уваженіе къ его заслугамъ передъ родиной. Дикинсона прославляли и въ стихахъ, и въ прозѣ...

Въ февралѣ 1768 года появилось послѣднее письмо „пенсильванскаго фермера“, а въ апрѣлѣ того же года произошли событія, которыя какъ нельзя болѣе ясно доказали неосновательность надежды Дикинсона на то, что Англія вернется, наконецъ, на путь справедливости и уваженія къ правамъ колонистовъ. Въ томъ же мѣсяцѣ, когда вышло послѣднее письмо Дикинсона, законодательное собраніе Массачузэтса разсослало циркулярное предложеніе такимъ же собраніямъ другихъ колоній выразить общій протестъ противъ незаконности дѣйствій министерства. Правительство метрополіи отвѣчало на это приказомъ губернаторамъ колоній распускать всякое законодательное собраніе, которое вотируетъ протестующія резолюціи. Въ то же время были посланы изъ Англіи войска въ Бостонъ (главный городъ Массачузэта), какъ очагъ революціоннаго движенія, гдѣ они и оставались вплоть до начала непріязненныхъ дѣйствій. Наконецъ, въ парламентѣ было сдѣлано даже предложеніе высылать американскихъ агитаторовъ на судъ въ Англію, опираясь на всѣми забытый и болѣе ста лѣтъ не примѣнявшійся законъ временъ Генриха VIII (1509—1547).

Все это, конечно, подняло бурю негодованія въ Америкѣ, однимъ изъ литературныхъ выраженій которой была „Пѣсня американской свободы“, написанная тѣмъ же Дикинсономъ и напечатанная въ „Boston Gazette“ 18 іюля 1768 г. Эта пѣсня была написана размѣромъ и на мотивъ одной весьма популярной англійской пѣсни и сразу получила самое широкое распространеніе по всей Америкѣ, оставаясь долгое время любимой политической народной пѣснью и поддерживая въ населеніи твердую рѣшимость стоять за свои права. Вотъ переводъ нѣсколькихъ стиховъ этой пѣсни:

„Подайте другъ другу руки, храбрые американцы, воспряньте

сердцемъ на призывъ славной свободы, пусть никакія угрозы не смущаютъ васъ въ защитѣ своихъ законныхъ правъ: часть Америки должна оставаться незапятнанной! Мы родились свободными и останемся свободны, мы щедро даемъ деньги, но не какъ рабы, а какъ свободные люди“...

„Какъ сладостна работа человѣка, который самъ пользуется плодами своихъ трудовъ, у американцевъ не будетъ такой работы, если англичане будутъ пожинать то, что посѣютъ американцы. Мы родились свободны“ и т. д.

. . . .

„Всѣ грядущія пококѣнія будутъ говорить съ удивленіемъ и восторгомъ о нашемъ мужествѣ въ борьбѣ за свои права; умереть мы можемъ, но не можемъ снести рабства, такъ какъ позоръ для свободнаго человѣка страшнѣе, чѣмъ смерть. Мы родились свободны“ и т. д.

Мы не находимъ возможнымъ знакомить читателя съ другой также весьма популярной пѣсней „Свобода“, появившейся около того же времени и имѣвшей эпиграфомъ слѣдующія слова, которыя неисчислимое количество разъ повторялись въ это бурное время· „всякій, кто жертвуетъ существенымъ элементомъ свободы чтобы обезпечить себѣ временную безопасность, не стоитъ ни свободы, ни безопасности“. Въ самой пѣснѣ въ звучныхъ и сильныхъ стихахъ доказывалась несокрушимость стремленія американцевъ къ свободѣ, такъ какъ опи плоть отъ плоти, кровь отъ крови самихъ англичанъ, почему для нихъ такъ же дороги завѣты ихъ общихъ предковъ, защищавшихъ въ свое время народную свободу, какъ и для ихъ собратьевъ, оставшихся жить по ту сторону Атлантическаго океана (т. е. для самихъ англичанъ).

VII.

Обостреніе отношеній между метрополіей и колоніями и литературно-политическая дѣятельность Самуила Адамса.

Итакъ, парламентъ ввелъ или увеличилъ пошлины на рядъ продуктовъ, привозимыхъ въ Америку, и принялъ рядъ мѣръ къ борьбѣ противъ широко практиковавшагося ввоза товаровъ контрабандой. Въ результатѣ оказалось, что доходъ отъ сбора пошлинъ достигъ 160,000 руб. (16,000 фунт. стерл.), расходъ по взиманію тѣхъ же пошлинъ превышалъ 150,000 руб., а чрезвычайные военные расходы, вызванные обострившимися отношеніями съ Америкой, достигли почти 2.000,000 руб.! Ничтожность таможеннаго сбора объясняется между другими обстоятельствами тѣмъ также, что американцы стали сговариваться и давать взаимныя обѣщанія не употреблять вовсе товаровъ, обложенныхъ пошлинами, замѣняя ихъ всевозможными суррогатами. Особенно трудно было однако американцамъ чѣмъ нибудь замѣнить чай, къ которому они въ то время уже успѣли сильно привыкнуть, а потому этому невинному напитку очень доставалось отъ ярыхъ патріотовъ, видѣвшихъ въ немъ предметъ, наиболѣе способный ввести въ искушеніе недостаточно твердыя души. Такъ, одна дама, жительница колоніи Виргинія, написала даже стансы подъ названіемъ „Виргинія, изгоняющая чай“, гдѣ встрѣчается такой стихъ:

„Къ чорту проклятый, гибельный чай,
Таящій въ себѣ всѣ бѣды Пандоры!
Ты не будешь больше искушать моихъ благородныхъ сыновей.
Ты не будешь больше терзать ихъ и мучить!

Другой такой же поэтъ изъ колоніи Нью-Гемпширъ обращается къ своимъ согражданамъ съ такимъ воззваніемъ:

Встаньте, проснитесь, благородныя души:
Намъ всѣмъ грозитъ опасность!
Если вы хотите обезпечить себѣ навсегда свободу,
Бросьте, изгоняйте чай!

Третій поэтъ изъ Нью-Іорка — въ тотъ день, когда должно было начаться для лицъ, примкнувшихъ къ соглашенію, полное воздержаніе отъ чая,—напечаталъ слѣдующій стихъ:

О злополучное растеніе Индійскихъ береговъ!
Твой запахъ не долженъ болѣе быть слышнымъ
Въ священной странѣ свободы.
Сегодня ея доблестные сыны рѣшили
Разбить въ дребезги сосуды,
Наполненные злокозненнымъ ядомъ.

Существуетъ, впрочемъ, и одно меланхолическое „Прощанье хозяйки со своимъ чайнымъ приборомъ“, гдѣ эта хозяйка—рѣшительная патріотка—съ грустью, но съ непоколебимой твердостью прощается съ поэзіей чайнаго стола и мирныхъ бесѣдъ, среди которыхъ она проводила обыкновенно время за вечернимъ или послѣобѣденнымъ чаемъ.

Надо сказать, что вопросъ о пошлинѣ на чай потому, между прочимъ, занялъ видное мѣсто въ дальнѣйшихъ раздорахъ между Англіей и ея американскими колоніями, что правительство Англіи, видя, что новыя пошлины только раздражаютъ американцевъ, не принося никакой выгоды метрополіи, отмѣнило ихъ въ апрѣлѣ 1770 года, кромѣ одной лишь пошлины на чай. При этомъ министерство оффиціально заявило, что, сохраняя пошлину на чай, оно не имѣетъ въ виду какихъ нибудь фискальныхъ выгодъ, а дѣлаетъ это исключительно для того, чтобы поддержать въ принципѣ свое право облагать колоніи пошлинами.

Однако и это не помогло. Возбужденіе не прекращалось, и вопросъ о пошлинѣ на чай занялъ центральное мѣсто въ спорахъ о взаимныхъ правахъ колоній и метрополіи. Такъ продолжалось три года. Наконецъ, министерство пошло на дальнѣйшій компромисъ: оно сдѣлало такую скидку съ акциза на чай, вывозимый изъ Англіи въ Америку *), что благодаря этому въ Америкѣ чай вмѣстѣ съ пошлиной **) стоилъ нѣсколько *дешевле*,

*) Чай изъ Индіи и Китая доставлялся въ Англію, откуда уже его вывозили въ Америку.

**) Пошлина съ чаю, ввозимаго въ Америку, равнялась всего 3 пенс. съ фунта, т. е. четверти шиллинга или 12 копѣекъ. Если мы примемъ даже, что тогда цѣнность денегъ была вдвое или даже втрое болѣе значительной, то и въ этомъ случаѣ эта пошлина не составляла и половины акциза, взимаемаго у насъ съ фунта чая.

чѣмъ тотъ же чай стоилъ въ Ангіи. Это уже была не только уступка, но даже въ нѣкоторомъ смыслѣ взятка, подачка американцамъ. Они однако и тутъ не успокоились. Во все время спора американцы не переставали повторять, что они протестуютъ не противъ обременительности взимаемыхъ съ нихъ сборовъ, а лишь противъ принципа, противъ права парламента облагать ихъ какими бы то ни было формами сборовъ безъ ихъ на то согласія.

„Изобрѣтатели этой хитроумной политической затѣи",—писалъ Франклинъ по поводу послѣдняго поступка министерства, - „очевидно, не понимаютъ, что народъ можетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ какихъ нибудь иныхъ побужденій, кромѣ корысти и выгоды; они думаютъ, что, даря американцамъ три пенса на каждомъ фунтѣ чаю, котораго, кстати сказать, рѣдко кто выпиваетъ болѣе 10 фунтовъ въ годъ, они будутъ въ состояніи побороть весь патріотизмъ американскаго народа". Никто никогда не сомнѣвался", говорилъ тогда же Боркъ въ палатѣ общинъ, что „чай можетъ вынести пошлину въ три пенса (12 коп.), но никакой жизненный продуктъ не вынесетъ пошлины въ три пенса и даже въ одинъ пенсъ, если народъ находится въ крайне возбужденномъ состояніи и рѣшилъ ни въ коемъ случаѣ не платить никакихъ пошлинъ".

Для того, чтобы объяснить такое настроеніе американцевъ, надо указать и на нѣкоторыя другія мѣры англійскаго правительства, кромѣ попытокъ обложенія извѣстныхъ продуктовъ пошлинами, которыя, какъ мы видѣли, фактически были сведены къ нулю или даже отрицательной величинѣ. Населеніе Бостона было крайне недовольно присутствіемъ англійскаго гарнизона; между солдатами и мѣстными жителями постоянно происходили перебранки и ссоры, окончившіяся однажды схваткой, въ которой было убито пять американцевъ (5 марта 1770 г.). Вотъ что пишетъ по этому поводу одинъ въ высшей степени добросовѣстный американскій историкъ: „Обѣ стороны держали себя вызывающимъ образомъ, и солдаты выстрѣлили лишь послѣ многихъ и рѣзкихъ выходокъ со стороны американцевъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ не было никакой политической подкладки, но при господствующемъ возбужденіи умовъ происшествію въ Бостонѣ было придано громадное общественное значеніе, и оно попало даже въ исторію подъ названіемъ „бостонскаго избіенія" (massacre). На слѣдующій же

день послѣ упомянутаго происшествія въ Бостонѣ на собраніи гражданъ было постановлено (voted), „что при существующемъ положеніи дѣла нѣтъ никакихъ основаній ожидать возстановленія мирной жизни для жителей города и прекращенія кровавыхъ сценъ до тѣхъ поръ, пока королевскія войска не будутъ удалены изъ города“. Вскорѣ войска, дѣйствительно, были удалены изъ города и расквартированы на островѣ противъ Бостонской гавани. Въ теченіе послѣдующихъ двухъ лѣтъ населеніе Массачузэтса, повидимому, какъ будто нѣсколько успокоилось“ *).

Поддержанію духа неудовольствія среди колонистовъ вообще и въ особенности города Бостона много содѣйствовалъ извѣстный ревнитель народныхъ правъ, членъ законодательнаго собранія Массачузэтса Самуилъ Адамсъ. Будучи человѣкомъ самыхъ крайнихъ демократическихъ взглядовъ, Адамсъ постоянно дѣйствовалъ въ томъ же направленіи на своихъ согражданъ какъ живымъ словомъ на всевозможныхъ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ, такъ и въ особенности перомъ въ безконечномъ числѣ статей, написанныхъ имъ для всевозможныхъ изданій во время революціи и во время ближайшихъ къ ней предшествующихъ и послѣдующихъ годовъ.

„Да будетъ проклятъ этотъ Адамсъ“, писалъ по поводу Самуила Адамса одинъ американскій губернаторъ, „каждая его строка такъ же ядовита, какъ и змѣиный укусъ“. Такимъ образомъ даже враги Адамса признавали великое искусство, съ которымъ онъ владѣлъ перомъ, нанося имъ крайне чувствительные удары противникамъ. Политическіе противники называли Адамса „великимъ поджигателемъ (возмутителемъ)“, архи-интриганомъ“ и т. п., люди одного образа мыслей съ Адамсомъ называли его „отцомъ демократіи“. Будучи совершенно увлеченъ общественными дѣлами, С. Адамсъ не находилъ времени для личныхъ и потому оставался всю жизнь бѣднякомъ, такъ что въ концѣ своей продолжительной жизненной карьеры, въ теченіе которой онъ игралъ крупнѣйшую политическую роль, онъ съ гордостью говорилъ, что въ его рукахъ „никогда не было золотого“ (одной гинеи). „Онъ ѣстъ мало, пьетъ мало, спитъ мало, думаетъ много

*) Epochs of American History. A. Bushnell Hart. Formatien of the Union (1750—1829), New-York, 1892, 56—7.

и неутомимъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей“, писалъ по поводу Сам. Адамса одинъ изъ его политическихъ противниковъ въ эпоху созванія т. наз. континентальнаго конгресса (1774). „Вліяніе С. Адамса на народныя массы“, говоритъ одинъ изъ его біографовъ, „было настолько значительно, что въ бурные дни, непосредственно предшествовавшіе началу революціи, среди простыхъ и необразованныхъ людей было распространено даже мнѣніе, что Адамсъ обладаетъ даромъ пророчества; находились и такіе наивные люди, которые думали, что отъ Адамса зависитъ, начнется или нѣтъ война съ Англіей“.

Какъ мы уже говорили, главнымъ орудіемъ, которымъ Адамсъ формировалъ и направлялъ общественное мнѣніе, было его перо. Онъ рано понялъ, какое значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ пресса, и употребилъ все стараніе, чтобы вполнѣ ею воспользоваться для распространенія своихъ идей. Поэтому, какъ говоритъ проф. Тайлеръ, Сам. Адамсъ былъ, вѣроятно, самымъ неутомимымъ, самымъ вліятельнымъ изо всѣхъ, писавшихъ въ американскихъ газетахъ и журналахъ между 1754 и 1776 годомъ (годъ объявленія независимости). Адамсъ полагалъ, что безконечное число его статей будетъ прочтено большимъ кругомъ читателей, окажетъ большое вліяніе, если будетъ имѣть видъ выраженія мнѣнія и настроенія многихъ лицъ, а не одного. Поэтому онъ никогда не подписывался своимъ именемъ, а цѣлымъ рядомъ псевдонимовъ, которые и до сихъ поръ не всѣ еще опредѣлены. Такъ, въ теченіе цѣлой трети столѣтія этотъ неутомимый политическій дѣятель стремился распространить свои идеи, выражая ихъ по преимуществу въ формѣ газетныхъ статей, разсѣянныхъ по всѣмъ американскимъ изданіямъ. „Нѣкоторыя изъ его статей, говоритъ одинъ изъ біографовъ Сам. Адамса (Wells), „подписанныхъ однимъ псевдонимомъ, представляютъ послѣдовательную серію, тянущуюся нѣсколько лѣтъ, въ которой ведется все время борьба съ разными аргументами, которые приводили для защиты своей точки зрѣнія лойялисты въ теченіе раздора и несогласія колонистовъ съ Англіей и въ теченіе послѣдующей борьбы съ ней. Въ то же время подъ другимъ псевдонимомъ Адамсъ печаталъ рядъ другихъ статей по поводу разныхъ общестненныхъ событій и вопросовъ... Наконецъ, тогда же перо Адамса неустанно работало для составленія разныхъ государ-

ственныхъ бумагъ для законодательныхъ и иныхъ общественныхъ собраній, въ трудахъ которыхъ онъ принималъ участіе. Сверхъ того онъ велъ обширную корреспонденцію со своими единомышленниками въ другихъ колоніяхъ и съ нѣкоторыми лицами въ Англіи“... Все это въ совокупности дѣлаетъ Сам. Адамса одной изъ центральныхъ фигуръ революціоннаго движенія противъ Англіи, и его литературная и политическая дѣятельность настолько способствовала тому народному увлеченію и возбужденію, которое доставило, наконецъ, побѣду оружію колонистовъ, что среди серьезныхъ американскихъ историковъ есть такіе (напр., J. Fiske), которые заслуги Адамса и его роль въ эту критическую эпоху американской жизни считаютъ уступающими лишь заслугамъ и роли Дж. Вашингтона.

Каково бы ни было, однако, взаимное отношеніе заслугъ Вашингтона и Сам. Адамса передъ американскимъ народомъ, несомнѣнно одно, что вліяніе Адамса на своихъ соотечественниковъ было весьма значительно, до такой степени значительно что А. Бушнель Хартъ, профессоръ исторіи въ одномъ изъ лучшихъ американскихъ университетовъ (Харвардскомъ) въ своей превосходной книгѣ „Formation of the (American) Union“, приписываетъ въ значительной степени Адамсу даже то обстоятельство, что колонисты не пришли ни къ какому соглашенію съ Англіей и повели дѣло къ разрыву.

„Въ ноябрѣ 1772 года“, говоритъ А. Б. Хартъ, „Самуилъ Адамсъ предложилъ собранію гражданъ города Бостона „составить комитетъ сношеній (committee of correspondence)... для защиты правъ американскихъ колонистовъ вообще и жителей Массачусэтса въ частности—правъ, какъ людей, христіанъ и британскихъ подданныхъ“, Адамсъ рекомендовалъ далѣе собранію „предложить всѣмъ городамъ и селамъ Массачузэтса сообщить въ „комитетъ сношеній“ свои мысли по тому же предмету“. Этотъ комитетъ сильно содѣйствовалъ возбужденію умовъ постоянными напоминаніями о правахъ колонистовъ и объ основаніяхъ для ихъ неудовольствія на метрополію, но главная его заслуга состояла въ установленіи сношеній городовъ и селъ между собой. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, каждая колонія устроила у себя такіе же комитеты для сношеній со всѣми другими колоніями“.

„Эти комитеты сношеній значительно облегчили дѣло революціи. Они распространили аргументы въ пользу возстанія, они составляли списки лицъ, готовыхъ поднять оружіе, они вліяли на законодательныя собранія, они создали ту организацію общественныхъ силъ, которая была необходима для возстанія въ 1774 и 1775 г.“.

„Нѣсколько раньше организаціи названныхъ комитетовъ“, пишетъ далѣе тотъ же американскій историкъ, „въ колоніи Родъ Айлендъ былъ совершенъ колонистами актъ насилія, который ясно показалъ, какъ велико недовольство американцевъ строгимъ исполненіемъ законовъ о таможенныхъ пошлинахъ. Англійское военное судно „Gaspee“ усердно преслѣдовало контрабандный ввозъ товаровъ, позволяя себѣ при этомъ прибѣгать и къ незаконнымъ дѣйствіямъ. Въ іюнѣ 1772 г., преслѣдуя одно судно, „Gaspee“ сѣлъ на мель. Въ ту же ночь на это судно было сдѣлано нападеніе вооруженными людьми, которые отбили его у команды и затѣмъ сожгли. Колоніальныя власти отнеслись къ этому факту безразлично, преступниковъ не только не судили, ихъ даже не преслѣдовали и не арестовали. 16 декабря 1773 года второй подобный же актъ насилія показалъ, какъ раздражены колонисты даже и тѣмъ немногимъ, что осталось неотмѣненнымъ изъ закона о таможенныхъ пошлинахъ. Въ Бостонъ пришли три корабля остъ-индской компаніи съ грузомъ чая. 16 декабря 1773 г. на эти корабли, стоявшіе въ гавани, ворвалась толпа людей, переодѣтыхъ индѣйцами, и выбросила за бортъ 342 ящика чая. Подобные же акты насилія были совершены колонистами и въ Сѣверной и Южной Каролинѣ“... „Англійское правительство“, говоритъ по этому поводу американскій ученый, „поступило дурно, издавъ указанный выше законъ 1770 года о сборѣ таможенныхъ пошлинъ, колонисты поступили такъ же дурно, совершивъ рядъ насильственныхъ актовъ. Положеніе приняло такой оборотъ, что исходомъ изъ него могло быть или отмѣна закона о пошлинѣ на чай и освобожденіе парламента отъ упрековъ въ обложеніи колоніи, не имѣющихъ въ парламентѣ своихъ представителей, или же настойчивое исполненіе акта о пошлинахъ, но строго законными мѣрами. Однако, не въ характерѣ англичанъ и въ особенности ихъ короля было отказываться отъ непопулярныхъ законовъ въ виду рѣзкихъ и смѣлыхъ про-

тестовъ колонистовъ. Безнаказанность же лицъ, уничтожившихъ „Gaspee“ заставило лишь англійское правительство относиться съ недовѣріемъ къ американской юстиціи“...

„Англія не послѣдовала политикѣ примиренія и совершила роковую ошибку, издавъ рядъ противозаконныхъ мѣръ въ качествѣ наказанія за столь же противозаконныя дѣйствія колонистовъ. Парламентъ *), во первыхъ, поспѣшилъ наказать Бостонъ, издавъ законъ, которымъ въ этомъ портовомъ городѣ прекращалась всякая (морская) торговля до тѣхъ поръ, пока жители не заявятъ свою полную покорность. Вторымъ закономъ, изданнымъ въ то же время парламентомъ, была наказана вся колонія Массачузэтсъ отмѣной извѣстной части вольностей колоній, дарованныхъ ей хартіей 1692 года. Это былъ самый сильный ударъ колонистамъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ парламентъ налагалъ руку на основные законы каждой колоніи, и такимъ образомъ устранялись всякія границы для его вмѣшательства во внутреннія дѣла колонистовъ... Наконецъ, былъ изданъ законъ, которымъ допускалось въ извѣстныхъ случаяхъ принудительное расквартированіе войскъ среди обывателей, чѣмъ имѣлось въ виду облегчить временное введеніе военнаго управленія въ Массачузэтсѣ“.

„Почти одновременно съ тѣмъ, какъ въ Массачузэтсѣ было получено извѣстіе объ этомъ рядѣ принудительныхъ мѣръ, пріѣхалъ и вновь назначенный военный губернаторъ колоніи генералъ Гэджъ **). Новый губернаторъ поспѣшилъ распорядиться о немедленномъ приведеніи въ исполненіе закона о прекращеніи морской торговли Бостона. Ему, однако, пришлось сейчасъ же убѣдиться, что за Бостономъ стоитъ вся Америка. Пожертвованія пищевыхъ продуктовъ (съ прекращеніемъ морской торговли, да-

*) Т. е. министерство, располагавшее большинствомъ въ парламентѣ. Извѣстно, что въ то время члены англійскаго парламента были доступны подкупу не столько, впрочемъ, деньгами, сколько назначеніемъ на разныя доходныя мѣста. Король Георгъ III и его послушные министры не стѣснялись прибѣгать къ такимъ средствамъ, чтобы обезпечить желательное большинство въ парламентѣ.

**) До тѣхъ поръ губернаторы были всегда гражданскіе. Геджъ (Gage) былъ назначенъ сверхъ того главнокомандующимъ военными силами въ Америкѣ.

вавшей средства къ жизни населенію города, для многихъ наступила, конечно, крайняя нужда. П. М.) и выраженія сочувствія приходили постоянно въ Бостонъ изъ другихъ городовъ и колоній“.

„17 іюня (1774 г.), благодаря стараніямъ Самуила Адамса, законодательное собраніе Массачузэтса утвердило предложеніе о созваніи колоніальнаго конгресса, т. е. съѣзда представителей отъ колоній, на 1 сентября того же года въ Филадельфіи. Въ то время, когда шло обсужденіе этого предложенія, курьеръ отъ губернатора тщетно стучалъ въ запертую дверь, чтобы передать распоряженіе губернатора (Гэджа) о распущеніи собранія. Когда же оно было оффиціально распущено, роль его временно взялъ на себя частію комитетъ сношеній, въ которомъ руководящую роль игралъ Самуилъ Адамсъ, частію всякаго рода иные союзы и собранія гражданъ“.

Дальнѣйшія столкновенія губернатора Массачузэтса съ населеніемъ Бостона и всей колоніи Массачузэтсъ лишь содѣйствовали увеличенію симпатій къ послѣднему со стороны жителей другихъ колоній. Созваніе конгресса было уже въ нѣкоторомъ родѣ актомъ борьбы съ метрополіей, актомъ революціоннымъ. Напрасно губернаторы колоній распускали законодательныя собранія, которыя обнаруживали склонность послать делегатовъ въ конгрессъ. Роль распущенныхъ законныхъ собраній играли другія—уже незаконныя—собранія, и въ результатѣ на конгрессъ явились делегаты отъ всѣхъ колоній, кромѣ Георгіи. 5 сентября 1774 года начались въ Филадельфіи засѣданія этого перваго американскаго конгресса, называемаго, обыкновенно, континентальнымъ или филадельфійскимъ конгрессомъ *).

„Хотя это было совершенно нелегальное собраніе, однако въ числѣ членовъ его мы находимъ рядъ самыхъ вліятельныхъ американскихъ дѣятелей, какъ напр., Самуила и Джона Адам-

*) Въ исторіи онъ извѣстенъ какъ „первый континентальный конгрессъ“, т. е. съѣздъ представителей колоній всего континента Америки. Названіе немножко громкое, такъ какъ часть С. Амер. къ западу отъ Миссисипи принадлежала въ то время Испаніи. Кромѣ того на конгрессѣ не было делегатовъ отъ Канады, заселенной въ то время преимущественно французами, для которыхъ были одинаково чужды англичане стараго и новаго свѣта.

совъ, Дж. Вашингтона, Патрика Генри, Дж. Джэя (Jay)... *). Это обстоятельство, равно какъ и тотъ фактъ, что делегаты были присланы отъ 12 колоній (изъ 13), ясно доказывало, что вся Америка сознавала опасность подчиненія контролю парламента и чувствовала оскорбленіе, нанесенное всѣмъ колонистамъ посягательствомъ на права Массачузэтса (A. Bushnell Hart, цит. сочин., 59—62).

---

*) Эти имена, какъ и другія, упоминаемыя проф. Хартомъ, говорятъ очень много лицамъ, занимавшимся американской исторіей, но таковыхъ въ Россіи очень мало, почему мы и не приводимъ перечисленія именъ выдающихся членовъ конгресса.

VIII.

Литература въ періодъ созванія такъ называемаго перваго континентальнаго конгресса (1774 г.).

Обстоятельства, побудившія американцевъ созвать первый конгрессъ или съѣздъ представителей всѣхъ колоній, вызвали усиленную дѣятельность и въ литературѣ. Въ теченіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, предшествовавшихъ открытію конгресса, американскія газеты были переполнены статьями, въ которыхъ обсуждалось критическое состояніе страны; на ту же волновавшую всѣхъ тему было написано множество памфлетовъ, изданныхъ отдѣльно. Однимъ изъ наиболѣе раннихъ и наиболѣе смѣлыхъ по своему содержанію былъ памфлетъ одного даровитаго и высокообразованнаго Бостонскаго юриста Джосайэ-Куинси (Josiah Quincy). Памфлетъ назывался „Замѣчанія по поводу закона о закрытіи торговли въ Бостонѣ". „Законодатели", говоритъ, между прочимъ, Джос. Куинси, „которые могли осудить населеніе цѣлаго города *), не выслушавъ его оправданій, не призвавъ даже его къ отвѣту, законодатели, которые могли осудить тысячи людей на разореніе и крайнія лишенія безъ всякой вины съ ихъ стороны,—тѣмъ болѣе не затруднятся осудить и даже казнить то или другое отдѣльное лицо, которое осмѣлилось бы на рѣзкій протестъ... Въ то же время всякій, кто трактуетъ о важныхъ и серьезныхъ общественныхъ дѣлахъ и прячется за какимъ нибудь фиктивнымъ именемъ, даетъ этимъ нѣкоторое оружіе въ руки своихъ противниковъ; эти послѣдніе станутъ непремѣнно утверждать, что это взгляды какого нибудь ничтожнаго писателя, боящагося или стыдящагося открыто признать ихъ за свои, а потому такіе взгляды не заслуживаютъ вниманія,

*) Бостона (см. предшествующую главу).

а тѣмъ болѣе возраженій. Поэтому я въ данномъ случаѣ открыто заявляю какъ свои мысли, такъ и свое имя... Вспомнимъ, что поселять раздоръ и властвовать было всегда политикой дьявола,.. разъединять людей и затѣмъ порабощать ихъ было всегда политикой его клевретовъ... Заговоры и махинаціи общественныхъ враговъ должны поэтому заставить объединиться и патріотовъ, и въ то время, какъ первые будутъ составлять козни противъ общества, вторые должны составить союзъ для борьбы съ общественными врагами, для мести предателямъ".

На ряду съ такими рѣзкими и нѣсколько односторонними нападками на Англію и защитниковъ ея политики въ Америкѣ появлялись и статьи болѣе сдержанныя и примирительныя. Такъ, между 11 іюня и 4 августа 1774 года въ газетѣ „Pensylvania Packet" появился рядъ статей, обратившихъ на себя общее вниманіе и вскорѣ изданныхъ отдѣльно подъ названіемъ „Нѣсколько политическихъ соображеній гражданина Филадельфіи. Вниманію жителей британскихъ колоній Англіи".

Оригинальность автора этого памфлета (имя его до сихъ поръ не установлено окончательно) заключается въ той рѣшительности, съ которой онъ, осуждая всякія незаконныя формы протеста, высказываетъ въ то же время сочувствіе основной идеѣ этого протеста: отрицанію права парламента облагать колоніи налогами. Такія притязанія парламента говоритъ онъ, „такъ несправедливы, такъ противоестественны, такъ нелѣпы", что всѣ американцы должны соединиться въ общемъ протестѣ противъ нихъ; если этотъ протестъ американцы будутъ вести сдержанно, то можно разсчитывать на поддержку многихъ благоразумныхъ людей въ самой Англіи. Менѣе всего умѣстно начинать гражданскую войну. „Какъ прибѣгать къ ultima ratio— противопоставлять силу силѣ! Но вѣдь это должно возмущать сердце каждаго американца! Съ кѣмъ мы будемъ сражаться? Со своими друзьями, со своими соотечественниками, съ людьми, связанными съ нами узами кровнаго родства! Нѣтъ, этого быть не должно! Неужели отвратительному министерству, забывшему всякіе принципы добродѣтели и стремящемуся только къ деспотизму, неужели этому министерству удастся довести насъ до того, что мы будемъ готовы вонзить ножъ другъ другу въ грудь! Нѣтъ, есть другія болѣе разумныя, болѣе мирныя формы про-

теста“. Такимъ же образомъ нашъ авторъ осуждаетъ всякіе уличные безпорядки, уничтоженіе собственности и т. п., онъ совѣтуетъ даже—для возстановленія болѣе нормальныхъ отношеній между метрополіей и колоніями—немедленно возмѣстить Остъ-Индской компаніи понесенный ею матеріальный ущербъ (см. выше).

Памфлетъ „гражданина Филадельфіи“ представляетъ интересъ и въ томъ отношеніи, что въ немъ въ первый разъ высказаны два соображенія въ пользу большей политической самостоятельности Америки, которыя впослѣдствіи были блестящимъ образомъ развиты Том. Пэномъ, а именно указано на значеніе въ этомъ отношеніи политической зрѣлости американскаго народа, громадности занимаемой имъ территоріи и относительной ея заселенности. Американцы въ отношеніи политическаго развитія не дѣти, говоритъ нашъ авторъ; они достигли уже политической зрѣлости, для нихъ наступила пора пользоваться всѣми соотвѣтственными правами и нести соотвѣтственныя обязанности. „Мы смотримъ зрѣлыми, наши мускулы полны юношеской силы, мы чувствуемъ въ себѣ бодрость и энергію англосаксовъ. Часъ независимости не можетъ быть далекъ... Вѣдь мы всѣ одинаково признаемъ, что въ жизни отдѣльнаго человѣка наступаетъ моментъ когда ему должна быть предоставлена полная свобода, такъ должно быть и въ жизни народовъ“...

Указывая на громадность территоріи, занимаемой американскими колоніями и на ихъ населенность, какъ на основаніе для освобожденія ихъ отъ мелочнаго или сколько нибудь суроваго контроля со стороны метрополіи, нашъ авторъ предсказываетъ даже будущее перенесеніе въ Америку самаго политическаго центра Британской имперіи. „Георгъ I, будучи призванъ на тронъ Англіи, ни на одну минуту не останавливался на нелѣпой мысли управлять Англіей изъ Ганноверскаго курфюршества, да этого и не позволилъ бы ему англійскій народъ. Я не берусь предсказывать, когда произойдетъ перенесеніе политическаго центра имперіи въ Америку, но, если бы между королями Англіи оказалось столько Георговъ, сколько было Людовиковъ между французскими королями, нельзя сомнѣваться въ томъ, что многимъ изъ нихъ пришлось бы найти вѣчное успокоеніе на американской землѣ. Можетъ быть, не такъ долго придется ожидать того вре-

мени, когда одинъ изъ величайшихъ монарховъ на землѣ, вступая на престолъ, провозгласитъ съ великой радостью: „родившись и получивъ воспитаніе среди васъ, я горжусь именемъ американца“ *).

Среди литературы, вызванной предстоящимъ открытіемъ конгресса, встрѣчаются и такія произведенія, въ которыхъ высказывается несочувствіе не только всякой *незаконной формѣ* протеста противъ послѣднихъ актовъ парламента, но въ значительной степени и самымъ исходнымъ пунктамъ агитаціи противъ метрополіи. Наиболѣе характернымъ примѣромъ такого рода отношенія къ американскому кризису слѣдуетъ считать памфлетъ, носившій названіе: „Письмо жителя Виргиніи къ членамъ предстоящаго конгресса въ Филадельфіи“.

Авторъ памфлета скорбитъ вмѣстѣ со всѣми своими соотечественниками по поводу послѣднихъ актовъ парламента, но въ то же время находитъ совершенно неосновательными упреки парламенту въ нарушеніи конституціи. „Мы можемъ сколько угодно и какъ угодно разсуждать по поводу связи между правомъ обложенія налогами и представительствомъ облагаемаго населенія, но мы не можемъ никакъ отрицать одного положенія признаваемаго всѣмъ міромъ, а именно, что какова бы ни была указанная выше связь, право обложенія налогами должно неизбѣжно принадлежать тому, кому принадлежитъ верховная власть“.

Какъ же однако дѣйствовать американцамъ, чтобы добиться отмѣны недавно изданныхъ законовъ, которые причиняютъ многимъ незаслуженныя страданія? Имъ слѣдуетъ въ своемъ протестѣ держаться, по крайней мѣрѣ, постоянно одной точки

---

*) Здѣсь очевидный намекъ на слова, произнесенныя бывшимъ въ то время англійскимъ королемъ Георгомъ III при вступленіи на тронъ „Родившись и получивъ воспитаніе въ этой странѣ (Англіи), я горжусь именемъ британца (Briton)“. Отецъ и дѣдъ Георга III (Георгъ I и II) были по рожденію и по воспитанію нѣмцы и плохо знали англійскій языкъ. Это обстоятельство, укажемъ кстати, имѣло крайне важныя и неожиданныя послѣдствія. Георгъ I и Георгъ II, плохо понимая англійскій языкъ, не присутствовали въ совѣтѣ министровъ и—такъ велико значеніе прецедента въ Англіи—послѣдующіе англійскіе короли de facto утратили это право.

зрѣнія, чего до сихъ поръ не было. „Неужели мы“, восклицаетъ по этому поводу нашъ авторъ, „будемъ постоянно измѣнять доводы для оправданія своего протеста, будемъ выдумывать новыя точки зрѣнія, новыя уловки, чтобы не исполнять распоряженій министерства? Неужели мы будемъ одинъ годъ настаивать на принципіальной разницѣ между налогами и пошлинами (internal and external taxation), а на слѣдующій годъ отрицать такую разницу? Неужели мы будемъ смѣшивать въ одно налоги и пошлины, таможенные сборы, регулирующіе внѣшнюю торговлю, и такіе сборы, которые имѣютъ цѣлью доставить казнѣ извѣстный доходъ и потому носятъ чисто фискальный характеръ? Неужели мы будемъ по прежнему отказываться исполнять законъ о таможенномъ сборѣ съ чая не потому, что этотъ сборъ для насъ дѣйствительно отяготителенъ, а лишь потому, что онъ представляется намъ опаснымъ и яко бы единственнымъ прецедентомъ обложенія насъ установленными парламентомъ сборами, тогда какъ каждый почтовый день долженъ бы напоминать намъ о такомъ взимаемомъ съ насъ сборѣ, который платили наши предки и который платимъ и мы, не высказывая неудовольствія! Неужели мы будемъ метать громъ и молніи по поводу ничтожной пошлины на предметъ роскоши, безъ котораго прекрасно обходится девять десятыхъ человѣчества (чай), котораго не знали наши предки, который презираетъ половина народовъ Европы, покупать который никто насъ не заставляетъ—ни власти, ни необходимость?“

Кромѣ того, по мнѣнію автора памфлета, колонисты должны бы помнить, что, причиняя непріятности метрополіи и раздражая ее разными придирками и разнаго рода стачками и соглашеніями—не ввозить ничего изъ Англіи или не покупать тѣхъ или иныхъ англійскихъ продуктовъ—они лишь уменьшаютъ шансы достиженія отмѣны непріятныхъ для нихъ актовъ парламента. „Намъ слѣдуетъ серьезно подумать прежде, чѣмъ вступать въ конфликтъ съ метрополіей. Правда, мы можемъ доставить много безпокойствъ Англіи, но существеннаго вреда мы причинить ей не въ состояніи... Неужели мы можемъ надѣяться, что гордая, могущественная нація позволитъ своимъ колоніямъ безнаказанно оскорблять себя передъ глазами злорадствующей Европы? Итакъ, господа, не слушайте газетныхъ писакъ, не

внимайте разнымъ вызывающимъ резолюціямъ, провозглашаемымъ на шумныхъ народныхъ сходкахъ и собраніяхъ!"...

Хотя „Письмо жителя Варгиніи" произвело сильное впечатлѣніе на извѣстную часть американцевъ, что доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что оно было быстро перепечатано во многихъ колоніяхъ, оно, однако, не гармонировало съ общимъ настроеніемъ колонистовъ или, по крайней мѣрѣ, съ настроеніемъ болѣе смѣлой и рѣшительной части ихъ, склонявшейся все болѣе и болѣе къ дѣятельному протесту противъ метрополіи и не желавшей поступаться никакими принципіальными вопросами для достиженія соглашенія.

Общественному настроенію гораздо болѣе соотвѣтствовалъ вышедшій около того же времени сатирическій разсказъ, передававшій въ аллегорической формѣ исторію американскихъ колоній Англіи и современнаго ихъ спора съ метрополіей. Разсказъ назывался „Любопытная исторія, записанная въ лѣто отъ Р. Хр. 1774 Петромъ Скорбящимъ" (Peter Grievous), и имѣлъ видъ наивнаго повѣствованія объ одномъ помѣстьѣ (Англія) и отдѣлившемся отъ него выселкѣ (американскія колоніи). „Любопытная исторія" несомнѣнное оказала значительное вліяніе на массу американскаго народа, такъ какъ она очень занимательно, наглядно и просто безъ всякихъ экскурсій въ область теорій государственнаго (взаимные права метрополій и колоній) или финансоваго права (вопросъ о налогахъ и пошлинахъ) излагала волновавшій всѣхъ американцевь споръ съ метрополіей. Мы позволимъ себѣ привести начало разсказа,

„Давно, очень давно тому назадъ, жилъ одинъ помѣщикъ (a nobleman), изстари владѣвшій хорошимъ имѣніемъ (farm). У него было много дѣтей и внучатъ. Кромѣ дохода съ земли— дохода весьма значительнаго — помѣщикъ имѣлъ еще доходъ отъ большой лавки, которую онъ держалъ. Торговля у него шла бойко, такъ что съ теченіемъ времени онъ сталъ богатъ и вліятеленъ; сосѣди относились къ нему съ почтеніемъ и даже слегка побаивались его. Всѣ находили, что нашъ помѣщикъ велъ свое хозяйство и всѣ свои дѣла какъ нельзя лучше, такъ какъ онъ зорко присматривался къ тому, какъ хозяйничали его сосѣди, перенимая отъ каждаго изъ нихъ все, что было у того хорошаго и тщательно избѣгая всего того, что по опыту оказалось непри-

годнымъ... Короче сказать: и въ семьѣ помѣщика и въ хозяйствѣ его было больше порядка, чѣмъ у любого изъ сосѣдей"...

„Какъ-то случилось, что нашъ помѣщикъ получилъ новое огромное имѣнье въ совершенно дикой сторонѣ и весьма далеко отъ своей вотчины. Онъ, однако, мало дорожилъ новымъ имѣніемъ, такъ какъ оно ему не давало никакихъ доходовъ, да и въ будущемъ ожидать было нечего; слишкомъ уже далеко было новое имѣніе, да и дорога тяжела и опасна; наконецъ, вокругъ имѣнья водилось много дикихъ и опасныхъ звѣрей" *).

„Впослѣдствіи, однако, нѣкоторыя изъ дѣтей помѣщика—болѣе смѣлыя и рѣшительныя, чѣмъ другія—стали просить позволенія у отца ѣхать въ это далекое имѣніе и поселиться въ немъ. Отецъ охотно согласился, причемъ передъ отъѣздомъ были составлены между отцомъ и дѣтьми формальные уговоры. Старый помѣщикъ обязался защищать смѣлыхъ новоселовъ въ ихъ новомъ мѣстожительствѣ, помогать имъ въ истребленіи дикихъ звѣрей, оставить за ними всѣ тѣ права, которыя имъ принадлежали, какъ его дѣтямъ, и вообще относиться по прежнему къ новоселамъ, какъ къ своимъ роднымъ. Каждому изъ новоселовъ отецъ далъ даже письменное удостовѣреніе **) въ томъ, что онъ намѣренъ свято исполнять свои обѣщанія; въ удостовѣреніи, между прочимъ, было сказано, что каждый изъ новоселовъ можетъ въ своемъ участкѣ устанавливать такія правила, какія найдетъ нужнымъ и полезнымъ, лишь бы они не противорѣчили правиламъ, установленнымъ для главнаго помѣстья***). Съ своей стороны старый помѣщикъ требовалъ, чтобы новоселы всегда почитали его, какъ своего отца, не заключали никакихъ договоровъ и условій съ сосѣдями безъ его разрѣшенія и покупали только въ его лавкѣ всѣ необходимые товары".

Покончивъ со всѣми этими соглашеніями и уговорами, смѣлые

*) Намекъ на индѣйцевъ, съ которыми колонистамъ приходилось постоянно вести войны.

**) Намекъ на хартіи, гарантирующія права самоуправленія, которыя были выданы англійскими королями первымъ поселенцамъ въ разныхъ колоніяхъ.

***) Намекъ на обязательство законодательныхъ собраній колоній не издавать законовъ и распоряженій, идущихъ въ разрѣзъ съ законами Англіи.

дѣти помѣщика пустились въ дальній путь. Послѣ безчисленныхъ трудностей и опасностей *) они, наконецъ, устроились хорошо на новыхъ мѣстахъ и имѣли даже излишекъ въ хлѣбѣ и другихъ продуктахъ. Поддерживая постоянно сношенія со старымъ помѣстьемъ, новоселы затратили много денегъ и трудовъ на сооруженіе всякаго рода перевозочныхъ средствъ **) для доставленія со стараго помѣстья нужныхъ для себя товаровъ, за которые расплачивались произведеніями своего выселка.

Все шло, такимъ образомъ, довольно хорошо, но вотъ, въ одинъ несчастный день, жена стараго помѣщика (очевидно, здѣсь разумѣется парламентъ) „стала бросать жадные взоры на хозяйство новоселовъ. Во первыхъ, она распорядилась издать приказъ, въ которомъ было сказано, что, такъ какъ портные въ ея хозяйствѣ терпѣли ущербъ отъ того, что новоселы задумали сами себѣ шить платье и перестали посылать заказы въ старое помѣстье, впредь въ новомъ помѣстьѣ не должно ни у кого быть ножницъ больше извѣстнаго размѣра***). Вслѣдствіе этого новоселамъ пришлось заказывать себѣ платье у стараго помѣщика, но изъ уваженія къ старику новоселы помирились съ такимъ притѣсненіемъ".

Затѣмъ жена помѣщика стала облагать новоселовъ различными тяжелыми сборами подъ разными предлогами, „получая въ то же время въ изобиліи всякаго рода продукты изъ дальняго выселка. Кромѣ того, она убѣдила своего мужа (короля Англіи) посылать отъ времени до времени къ новоселамъ извѣстное коли-

---

*) Исторія перваго столѣтія колонизаціи Америки англичанами полна описаній тяжелыхъ лишеній и великихъ опасностей, которыя выпали на долю смѣлыхъ выходцевъ изъ Англіи.

**) Можетъ быть, намекъ на значительное развитіе морской торговли и судостроенія въ т. наз. колоніяхъ Новой Англіи.

***) Въ самомъ дѣлѣ, въ видахъ предупрежденія развитія крупной промышленности въ Америкѣ и возможной конкурренціи американскихъ промышленниковъ съ англійскими, парламентомъ былъ изданъ законъ, по которому ни одинъ шляпочный мастеръ въ Америкѣ не могъ имѣть болѣе 2 подмастерьевъ, не могъ учить этому ремеслу негровъ, не могъ перевозить своихъ товаровъ на лошади, ослѣ, телѣгѣ и на суднѣ. Подобнымъ образомъ существовалъ рядъ постановленій, стѣснявшихъ развитіе производства желѣза или стали въ колоніяхъ. Надо сказать, впрочемъ, что всѣ эти постановленія мало смущали колонистовъ, пока была воз-

чество самыхъ безполезныхъ и самыхъ лѣнивыхъ изъ его слугъ *), якобы для защиты новоселовъ и для истребленія дикихъ звѣрей, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы слѣдить за новоселами и держать ихъ въ нѣкоторомъ страхѣ".

По мѣрѣ того, какъ помѣщикъ становился старше, онъ предоставлялъ все больше и больше дѣла управляющему (министрамъ), который былъ человѣкъ дурной, развратилъ жену стараго помѣщика и „благодаря этому, пріобрѣлъ надъ ней огромное вліяніе, (здѣсь намекалось на обычные въ то время подкупы членовъ парламента деньгами, выгодными мѣстами, титулами и т. п). Она не смущалась вопросомъ о томъ, что было полезно для стараго или новаго помѣстья, а говорила и дѣлала все, что было угодно управляющему"...

На этомъ мы позволимъ себѣ заключить выдержку изъ „Любопытной исторіи". Нѣкоторое время оставалось неизвѣстнымъ, кто скрывался подъ псевдонимомъ Петра Скорбящаго но вскорѣ, однако, выяснилось, что авторъ ея Фр. Хопкинсонъ—членъ высшаго совѣта колоній **) Нью-Джерси,—человѣкъ, имѣвшій большія связи какъ въ Англіи (чѣмъ объясняется назначеніе Хопкинсона членомъ высшаго совѣта колоніи; кромѣ того, Хопкинсона имѣлъ еще одну очень выгодную должность, назначеніе на которую дѣлалось англійскимъ правительствомъ), такъ и въ Америкѣ, пріобрѣвшій уже себѣ въ это время извѣстность, какъ искусный адвокатъ, талантливый поэтъ, хорошій музыкантъ (композиторъ), любитель и отчасти даже знатокъ физико-математическихъ наукъ...

Ниже мы увидимъ, какъ Хопкинсонъ съ самаго начала революціоннаго движенія рѣшительно примкнулъ къ партіи революціонеровъ, поставивъ сразу на карту всѣ свои связи съ англійскимъ правительствомъ и обратившись съ точки зрѣнія послѣдняго въ бунтовщика и мятежника.

можность болѣе или менѣе открыто ихъ игнорировать. Введеніе гербоваго сбора и повышеніе пошлинъ на извѣстные товары потому въ особенности вызвали протестъ колонистовъ, что они видѣли въ этомъ доказательство рѣшимости Англіи добиться фактическаго исполненія крайне непопулярныхъ для колонистовъ и большею частію игнорируемыхъ ими постановленій.

*) Здѣсь разумѣется посылка солдатъ въ Америку.

**) Во главѣ каждой колоніи стоялъ губернаторъ, роль котораго соотвѣтствовала болѣе или менѣе роли констуціоннаго короля. Законодательное собраніе изъ лицъ, выбранныхъ колонистами, соотвѣтствовало

IX.

Кто были во время американской революціи такъ наз. лойялисты. Первый континентальный конгрессъ и начало коммерческой борьбы съ Англіей.

Роль такъ наз. „лойялистовъ“ въ американской революціи и въ литературѣ, вызванной сепаратитскимъ движеніемъ, до сихъ поръ сравнительно мало выяснена американскому обществу. Что же касается до образованнаго общества континента Европы, то оно до сихъ поръ склонно представлять себѣ американскую революцію, какъ массовое движеніе американскаго народа, одинаково увлекавшее всѣ классы и всѣ сферы американскаго общества, народа, доведеннаго до крайности чрезвычайными притѣсненіями правительства метрополіи...

Уже изъ предшествующаго изложенія читатель могъ видѣть, какъ неоснователенъ только что указанный взглядъ; читатель могъ уже убѣдиться—и убѣдится еще болѣе изъ послѣдующихъ фактовъ,—какъ велика была въ дѣйствительности свобода американскихъ колонистовъ:—свобода прессы, свобода сходокъ, свобода ассоціаціи и обществъ—какъ независима была ихъ выборная администрація, какъ сравнительно незначительно было фискальное обложеніе колонистовъ, изъ за которыхъ сыръ боръ загорѣлся, какъ рѣзокъ, какъ несдержанъ былъ протестъ колонистовъ противъ дѣйствій правительства метрополіи. Однимъ словомъ, американскіе колонисты въ XVII и XVIII вѣкахъ пользовались у себя дома такими вольностями, такой свободой, которой не удалось достигнуть у себя дома многимъ народамъ континентальной Европы даже теперь, на зарѣ двадцатаго вѣка.

Правда, указанному представленію объ условіяхъ возникновенія и развитія американской революціи много содѣйствовали сами американскіе историки, которые не могли забыть неисчислимыхъ

англійской палатѣ общинъ „Высшій совѣтъ“ состоялъ изъ лицъ, назначаемыхъ пожизненно губернаторомъ (впрочемъ, способы образованія высшаго совѣта были въ разныхъ колоніяхъ неодинаковые). Высшій совѣтъ соотвѣтствовалъ въ извѣстной мѣрѣ англійской палатѣ лордовъ.

бѣдствій и страданій американскаго народа *во время борьбы съ Англіей* и, конечно, склонны были въ слишкомъ черномъ цвѣтѣ представлять всѣ дѣйствія англійскаго правительства и въ особенности тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые въ критическіе минуты жизни колоній отреклись отъ всякой солидарности со сторонниками крайнихъ, чисто революціонныхъ формъ протеста, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже открыто перешли на сторону метрополіи.

Въ настоящее время, однако, наступила реакція и, если прежде американскіе историки слишкомъ рѣзко осуждали дѣйствія лойялистовъ, не находя для нихъ никакихъ оправданій, то теперь благородное стремленіе къ истинѣ и справедливости, повидимому, заставляетъ ихъ иногда грѣшить въ противоположномъ направленіи.

„Даже теперь, на исходѣ девятнадцатаго вѣка", пишетъ проф. Тайлеръ, „американцу, особенно такому, предки котораго, подобно нашимъ предкамъ, самоотверженно боролись за дѣло революціи, весьма нелегко отнестись безпристрастно, какъ это подобаетъ историку, къ тѣмъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые были противъ революціи. Вотъ уже сто лѣтъ, какъ среди насъ и въ традиціяхъ, и въ исторіи, и въ рѣчахъ, пѣсняхъ и церемоніяхъ прославляется лишь побѣдившая сторона, повторяются ея мысли, ея доводы, восхваляются ея герои. Мы плохо сознаемъ,—и намъ до сихъ поръ рѣдко объ этомъ напоминали,—что и лойялисты, какъ они сами себя называли, или тори, какъ ихъ презрительно обзывали ихъ противники, въ оправданіе своихъ взглядовъ могли сослаться на аргументы, не лишенные серьезнаго значенія, что чувства и мотивы, ими руководившіе, никакъ нельзя считать низкими или подлыми, что ихъ дѣйствія не лишены были элементовъ самопожертвованія и даже героизма".

„Въ то время, пока шла война, страсти и взаимное раздраженіе были, конечно, слишкомъ сильны, особенно въ отношеніяхъ самихъ американцевъ другъ къ другу, для того, чтобы та или другая партія могла воздать должное аргументаціи противной партіи или личнымъ достоинствамъ ея дѣятелей. Когда же война кончилась и партія революціонеровъ окончательно восторжествовала, то наиболѣе выдающимся тори оставалось лишь бѣжать для спасенія жизни; они должны были опасаться народнаго

гнѣва и заживо похоронить себя или въ чужихъ земляхъ, или же въ какихъ-нибудь медвѣжьихъ углахъ своей родины. Такъ сгинули они сами и ихъ антипатичныя для торжествующихъ революціонеровъ дѣла, мысли, чувства — великія и малыя, благородныя и низкія—будучи, какъ это оказалось на дѣлѣ, обречены почти на цѣлое столѣтіе исполненныхъ презрѣнія выходокъ съ ораторскихъ трибунъ каждое 4 іюля (національный американскій праздникъ: годовщина объявленія независимости) и въ день рожденія Вашингтона (національный американскій праздникъ, какъ и день рожденія Линкольна)".

„Не довольно ли, однако, одного столѣтія для охлажденія слишкомъ горячихъ политическихъ эмоцій? Неужели нельзя надѣяться, что, по крайней мѣрѣ, теперь мы окажемся въ состояніи отнестись спокойно, внимательно и во всякомъ случаѣ безпристрастно къ словамъ и дѣламъ тори, къ чему совершенно не были способны наши прадѣды и дѣды. Можетъ быть, мы сдѣлаемъ это тѣмъ охотнѣе, что,—по выраженію одного американскаго писателя*)—,когда говоришь о врагѣ, врагѣ не только умершемъ, но умершемъ побѣжденнымъ, въ изгнаніи,—элементарная справедливость должна побуждать насъ проявить все то великодушіе, на которое мы только способны" **).

„Прежде чѣмъ оцѣнивать, однако, точку зрѣнія лойялистовъ, посмотримъ, кто были эти лойялисты, изъ кого состояла партія тори въ американскую революцію. Число ихъ трудно указать даже приблизительно. Во-первыхъ, вездѣ были такіе тори, которые таили свои мысли; во-вторыхъ, число открытыхъ тори мѣнялось въ зависимости отъ перипетій революціонной борьбы. Вообще говоря,

---

*) Winthrop Sargent. Loyalist poetry, preface, VI (цитир. у Tyler, I, 297).

**) Въ приведенныхъ выше словахъ мы не видимъ никакого противорѣчія высказанному нами въ началѣ нашей работы мнѣнію объ относительно замѣчательномъ безпристрастіи американскихъ историковъ, выражающемся, между прочимъ, въ томъ, какъ они излагаютъ борьбу политическихъ партій, составляющую главное содержаніе американской исторіи XVIII и особенно XIX вѣка. Извѣстно, что тамъ чувствуется наиболѣе сильно малѣйшая несправедливость, гдѣ особенно развито чувство справедливости, тамъ наиболѣе рѣзко и наиболѣе всесторонне критикуются общественныя учрежденія и общественныя власти, гдѣ и тѣ и другія сравнительно хорошо удовлетворяютъ общественнымъ интересамъ (сопоставимъ въ этомъ отношеніи Англію и Турцію, Персію и Францію).

численное отношеніе тори и революціонеровъ было крайне разнообразно въ разныхъ колоніяхъ. Во все время революціонной борьбы наибольшее число тори можно было найти въ колоніи Нью-Іоркъ и въ особенности въ городѣ Нью-Іоркѣ. Изъ другихъ центральныхъ колоній больше всего тори было въ Пенсильваніи; ихъ тамъ было такъ много, что одинъ офицеръ революціонной арміи однажды назвалъ Пенсильванію „непріятельскимъ краемъ".

„Весьма понятно, что въ опредѣленіи общаго числа тори во всей странѣ противныя партіи сильно расходились. Такъ, сами тори всегда утверждали, что, если бы въ то время было возможно свободное голосованіе за и противъ революціи, то несомнѣнно значительное большинство оказалось бы на ихъ сторонѣ; что революціонныя дѣйствія были рѣшены и навязаны большинству незначительнымъ числомъ вожаковъ, которые въ качествѣ членовъ комитетовъ сношеній (см. выше), наблюдательныхъ комитетовъ, комитетовъ безопасности, конвентовъ и конгрессовъ незаконно захватили власть, позволяя себѣ,—не имѣя на то должныхъ полномочій,—говорить отъ имени всего населенія городовъ или колоній. Такого же мнѣнія держится одинъ современный, весьма безпристрастный англійскій историкъ (a very candid English historian)—Хартполь Лекки, говоря, что американская революція, подобно большинству другихъ революцій, „была дѣломъ энергическаго меньшинства, которому удалось склонить нерѣшительное и колеблющееся большинство къ такимъ дѣйствіямъ, которыя, въ сущности, были мало симпатичны этому большинству, но которыя (дѣйствія) мало по малу привели къ такому положенію вещей, когда уже нельзя было отступать".

„Конечно, революціонная партія считала совершенно невѣрнымъ такое исчисленіе тори своихъ единомышленниковъ, хотя, и революціонеры признавали, что партія тори немаловажна. Вѣроятно, никто изъ государственныхъ людей изъ партіи виговъ не былъ на этотъ счетъ лучше освѣдомленъ, чѣмъ Джонъ Адамсъ *), котораго къ тому же никакъ нельзя подозрѣвать въ желаніи оказать какую-нибудь излишнюю, неоправдываемую истиннымъ положеніемъ дѣла, уступку противникамъ, и, однако, этотъ самый

*) Однофамилецъ знакомаго намъ Самуила Адамса, также одинъ изъ самыхъ выдающихся дѣятелей американской революціи (впослѣдствіи президентъ Соед. Штатовъ).

Адамсъ, въ одномъ изъ своихъ частныхъ писемъ опредѣлялъ число противниковъ революціи около трети всего населенія тринадцати колоній; то же мнѣніе Дж. Адамсъ повторялъ много разъ и впослѣдствіи... Конечно, къ дѣлу, которое защищала среди всякаго рода оскорбленій, упрековъ и несчастій столь значительная часть американскаго общества, нельзя относиться съ невниманіемъ и презрѣніемъ, какъ это до сихъ поръ часто дѣлали американскіе писатели".

„Порѣшивъ вопросъ о числѣ лойялистовъ, мы теперь переходимъ къ вопросу о качествѣ ихъ, объ ихъ составѣ. Что за люди были эти тори, каковы они были по образованію и уму, характеру, общественному положенію?.. Пытаясь отвѣтить на это безпристрастно, мы должны сказать, что между лойялистами, какъ и слѣдовало ожидать, были люди со всевозможными добродѣтелями и пороками и что, хотя между ними, какъ вообще среди всякой болѣе или менѣе значительной группы людей, было достаточно людей эгоистичныхъ, злыхъ и прямо безчестныхъ, въ общемъ они, однако, не были людьми дурными и въ особенности отвратительными (execrable), какъ называли ихъ въ разгарѣ страстей ихъ противники"... „Теперь посмотримъ какія общественныя сферы дали больше всего лойялистовъ".

„Къ лойялистамъ, во-первыхъ, принадлежали до 1776 года *) люди оффиціальные, т. е. люди, занимавшіе разныя гражданскія и военныя должности, равно какъ и члены ихъ семей и ихъ близкіе знакомые; всѣ такія лица были лойялистами уже въ силу самого своего положенія и связей".

„Къ числу лойялистовъ примкнули далѣе нѣкоторые политическіе дѣятели въ колоніяхъ, относившіеся ко всему движенію крайне эгоистично и безпринципно. Считая, что при возможной борьбѣ съ Англіей послѣдняя по всей вѣроятности, или даже несомнѣнно побѣдитъ, они приняли сторону лойялистовъ не по убѣжденію, а по разсчету, имѣя въ виду получить щедрыя награды должностями, титулами и въ особенности имѣніями, которыя будутъ конфискованы у мятежниковъ послѣ того, какъ самихъ мятежниковъ повѣсятъ или сошлютъ".

---

*) Т. е. до формальнаго объявленія независимости и уничтоженія всякихъ слѣдовъ оффиціальныхъ связей съ Англіей.

„Къ числу тори можно съ большой вѣроятностью отнести громадное большинство людей коммерческихъ и вообще представителей капитала. Въ качествѣ людей, которые рисковали много потерять, такія лица неодобрительно относились ко всякаго рода мѣрамъ, которыя могли привести къ безпорядкамъ, мятежамъ или междоусобной войнѣ“.

„Къ лойялистамъ же примкнули, вообще говоря, и лица такъ называемыхъ либеральныхъ профессій: свящѐнники, доктора, адвокаты, судьи и, наконецъ, учителя; повидимому, несомнѣнное большинство лицъ этой категоріи относилось несочувственно къ окончательнымъ мѣрамъ, которыя привели къ революціи“.

„Наконецъ, можно въ общемъ сказать, что къ лойялистамъ примкнули, независимо отъ ихъ занятій, образованія или богатства, всѣ тѣ, кого мы въ настоящее время назвали бы консерваторами... Ну, а что можно сказать о личныхъ достоинствахъ, которыя обыкновенно встрѣчаются у людей консервативныхъ въ какомъ бы вѣкѣ, въ какой бы странѣ они ни жили? Неужели кто-нибудь станетъ отрицать, что среди лицъ этой категоріи можно обыкновенно найти по крайней мѣрѣ столько же развитія—умственнаго и нравственнаго,—столько же личной порядочности и чувства чести, сколько вообще можно встрѣтить этихъ качествъ у заурядныхъ людей того общества, той страны, о которой идетъ рѣчь“.

„Такой во всякомъ случаѣ надо считать консервативную часть американскихъ колонистовъ во время революціи; большинство изъ этихъ консерваторовъ не сочувствовали крайнимъ мѣрамъ которыя превратили въ революцію политическое движеніе, начавшееся совершенно легальной агитаціей, имѣвшей цѣлью отмѣну нежелательныхъ законовъ и крутыхъ мѣръ англійскаго правительства. Для характеристики умственнаго и нравственнаго развитія лойялистовъ можно, пожалуй, считать знаменательнымъ тотъ фактъ, что среди лойялистовъ мы находимъ имена многихъ лицъ, окончившихъ наши колоніальные колледжи“ (университеты)...

„Извѣстно, что въ 1778 году (т. е. черезъ два года послѣ объявленія независимости) Массачуэтсъ объявилъ объ изгнаніи изъ колоніи 310 наиболѣе ярыхъ тори. Кто-же были эти триста граждань Массачусэтса? Были-ли это какіе-нибудь прохвосты? разбойники? или просто ничтожные люди, не стоющіе вниманія? Всякому, кто немножко знакомъ съ исторіей колоній Новой Англіи,

этотъ списокъ лицъ, обреченныхъ за ихъ мнѣнія на изгнаніе и потерю имущества, напомнитъ рядъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ родовъ, предки которыхъ потрудились въ свое время надъ основаніемъ и первымъ устройствомъ Новой Англіи. Любопытно, что одна пятая этихъ изгнанниковъ — 60 человѣкъ — окончили Харвардскій колледжъ. Этотъ фактъ къ тому же надо считать для лойялистовъ типическимъ. Вообще о лойялистахъ во всѣхъ 13 колоніяхъ можно сказать то, съ чѣмъ согласился много лѣтъ спустя послѣ революціи одинъ изъ наиболѣе выдающихся революціонеровъ, а именно, что къ нимъ примкнуло „больше трети людей съ положеніемъ и вліяніемъ", т. е. значительная часть такихъ лицъ, которые, обыкновенно, являются руководителями и представителями консервативныхъ силъ въ каждомъ обществѣ".

„Итакъ, слѣдовательно, какой бы мѣркой мы ни оцѣнивали лойялистовъ: будемъ ли исходить изъ ихъ умственнаго или нравственнаго развитія или изъ ихъ общественнаго положенія и вліянія, мы должны будемъ признать, что, повидимому, никакъ нельзя утверждать, что партія тори, во время революціи состояла изъ людей порочныхъ, безпринципныхъ или легкомысленныхъ. Даже болѣе того: можно утверждать съ нѣкоторымъ основаніемъ, что къ лойялистамъ примкнула весьма значительная часть наиболѣе развитыхъ, наиболѣе серьезныхъ, наиболѣе честныхъ людей въ колоніяхъ"...

Мы позволили себѣ привести эту длинную цитату изъ сочиненія Тайлера, такъ какъ по нашему мнѣнію она представляетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ: какъ коррективъ къ общераспространеннымъ взглядамъ на условія развитія американской революціи, какъ хорошій примѣръ добросовѣстной попытки историка возвыситься надъ завѣшанными традиціей представленіями и воздать должное побѣжденнымъ въ борьбѣ, какъ любопытный примѣръ сужденій, переносящихъ насъ въ совершенно иной міръ общественныхъ отношеній и ихъ идеологіи (характеристика консерватизма).

Недостатокъ мѣста заставляетъ насъ къ сожалѣнію, отказаться отъ приведенія тѣхъ основаній и доводовъ, которые по мнѣнію Тайлера, подкрѣпляемому ссылками на разные авторитеты, могли бы служить оправданіемъ точки зрѣнія лойялистовъ и отношенія ихъ ко всему революціонному движенію, т. е. къ разрыву съ

Англіей. Мы позволяемъ себѣ опустить эту часть сочиненія Тайлера потому также, что съ нѣкоторыми изъ приводимыхъ имъ вкратцѣ доводовъ въ пользу лойялистской точки зрѣнія читатель познакомился уже изъ тѣхъ немногихъ произведеній лойялистской литературы, о которыхъ мы уже говорили, дальнѣйшее же и болѣе полное знакомство съ этой литературой дастъ читателю достаточно ясное представленіе о тѣхъ основаніяхъ, по которымъ довольно значительная часть американцевъ болѣе или менѣе открыто порицала все революціонное движеніе.

Итакъ, какъ мы уже упоминали, 5 сентября 1774 года съѣхались въ Филадельфію 44 представителя американскихъ колоній „для того, чтобы“ выражаясь словами протокола засѣданія этого перваго такъ называемаго континентальнаго конгресса, „обсудить современное состояніе колоній, тѣ бѣдствія, которыя колоніи уже испытываютъ и которыя въ особенности ихъ, повидимому, ожидаютъ впереди, какъ послѣдствіе нѣкоторыхъ актовъ парламента, равно какъ и для того, чтобы опредѣлить наиболѣе цѣлесообразный образъ дѣйствій, какой можно рекомендовать всѣмъ колоніямъ, чтобы добиться возвращенія колонистамъ всѣхъ ихъ правъ и вольностей и тѣмъ возстановить нормальныя дружественныя отношенія между метрополіей и ея колоніями, чего такъ горячо желаютъ всѣ добропорядочные люди въ Америкѣ“.

Шесть недѣль продолжались засѣданія конгресса, силы противниковъ и сторонниковъ рѣшительной борьбы съ Англіей были почти равны; въ концѣ концовъ *большинствомъ всего одного голоса* были утверждены мѣры, предложенныя сторонниками крайнихъ дѣйствій. Борьбу съ Англіей рѣшено было вести посредствомъ прекращенію всякихъ торговыхъ сношеній съ ней, причемъ, предлагая открыть коммерческую войну съ Англіей, конгрессъ намекалъ на возможность и войны другого рода, для чего всѣмъ американцамъ „при тяжелыхъ обстоятельствахъ, переживаемыхъ родиной“ рекомендовалось „быть готовыми ко всякаго рода случайностямъ“ *).

---

*) Конгрессъ закончилъ свои труды изданіемъ двухъ въ высшей степени важныхъ и представляющихъ большой интересъ документовъ: деклараціи правъ колонистовъ, въ которой были особенно сильно подчеркнуты права колонистовъ, нарушенныя послѣ отмѣны закона о гербовомъ сборѣ (въ первый разъ американцы издали декларацію своихъ

Открывая коммерческую войну съ Англіей, конгрессъ составилъ документъ, извѣстный подъ именемъ „Association“ или, какъ мы его будемъ называть „Соглашеніе“, которое было подписано всѣми присутствовавшими въ засѣданіи членами конгресса и затѣмъ было разослано для подписи всѣмъ жителямъ американскихъ колоній. Въ этомъ „Соглашеніи“ перечислялись, во-первыхъ, бѣдствія колонистовъ, явившіяся результатомъ „разорительной системы управленія колоніями, которой стало держаться англійское правительство съ 1763 г., системы, имѣющей очевидной цѣлью поработить населеніе колоній, а затѣмъ и населеніе всей имперіи (Англіи) вообще“... „Для того, чтобы бороться съ такими замыслами правительства Англіи, грозящими жизни, свободѣ и собственности подданныхъ его величества, живущихъ въ Америкѣ, мы предлагаемъ слѣдующее соглашеніе, которое въ томъ случаѣ, если его свято исполнять, окажется, по нашему мнѣнію, наиболѣе дѣйствительнымъ, быстрымъ и мирнымъ средствомъ для достиженія указанной цѣли. Поэтому мы за себя лично и за жителей колоній, представителями которыхъ мы являемся, образуемся во имя требованій добродѣтели, чести и блага родины“:

1. „Съ 1 слѣдующаго декабря (конгрессъ закрылся 26 октября 1774 г.) не ввозить въ Америку изъ Великобританіи *) и Ирландіи никакихъ продуктовъ и товаровъ, равно какъ не ввозить и изъ другихъ странъ никакихъ товаровъ и продуктовъ, привозимыхъ туда изъ Великобританіи или Ирландіи, и вовсе не ввозить Остъ-Индскаго чаю ни изъ какой страны міра“.

3. „Такъ какъ обязательство не потреблять извѣстныхъ продуктовъ, если его строго выполнять, представляетъ наилучшую гарантію исполненія соглашенія не ввозить тѣхъ же продуктовъ, мы съ настоящаго дня торжественно обязуемся не покупать и

правъ въ 1765 году на конгрессѣ, собравшемся въ Нью-Іоркѣ, см. выше), и приводимое ниже въ небольшой выдержкѣ, такъ называемое „Соглашеніе“. Эти документы составляютъ приложенія III и IV къ настоящему сочиненію.

*) Какъ извѣстно, до 1 января 1801 года Ирландія имѣла собственный парламентъ (палату общинъ и палату лордовъ) и сохраняла еще нѣкоторые слѣды политической самостоятельности, вотъ почему американцы, подчеркивая эту въ сущности призрачную самостоятельность Ирландіи, говорили о Великобританіи и Ирландіи.

не пить никакого чаю, не покупать и не употреблять никакихъ товаровъ и продуктовъ, которые будутъ ввезены въ Америку изъ Великобританіи послѣ 1 декабря".

4. „Искреннее желаніе не причинять по возожности ущерба нашимъ согражданамъ (т. е. британскимъ подданнымъ, каковыми были въ то время какъ англичане, такъ и американцы), живущимъ въ Великобританіи, Ирландіи и Вестъ-Индіи *), побуждаетъ насъ отложить соглашеніе *относительно вывоза* въ Англію до 10 сентября 1775 года, если же до этого времени нижеперечисленные акты парламента не будутъ отмѣнены, мы не будемъ прямо или косвенно (т. е. черезъ посредничество другихъ лицъ), вывозить какіе бы то ни было свои товары или продукты въ Великобританію, Ирландію или Вестъ-Индію".

11. „Въ каждомъ графствѣ, городѣ и сельскомъ обществѣ лица, имѣющія право на участіе въ выборахъ членовъ законодательнаго собранія, должны избрать особый комитетъ для бдительнаго наблюденія за отношеніемъ всѣхъ американцевъ къ настоящему соглашенію. Когда большинство членовъ какого-либо комитета убѣдится, что то или иное лицо изъ числа жителей ихъ участка нарушило это соглашеніе, комитетъ долженъ немедленно оповѣстить объ этомъ въ газетахъ для того, чтобы всѣ знали, такихъ противниковъ правъ американскихъ колоній и презирали ихъ, какъ враговъ американской свободы; послѣ чего мы всѣ прекратимъ всякія сношенія съ такими лицами" **).

Общество, которое могло вопреки явно выраженному желанію своего законнаго правительства выбрать особыхъ делегатовъ для представленія своихъ неудовольствій и для обсужденія мѣръ борьбы съ тѣмъ же правительствомъ, — делегатовъ, собравшихся въ опредѣленный заранѣе срокъ и въ назначенное заранѣе мѣсто и засѣдавшихъ въ то же время *тайно*, т. е. при отсутствіи какого бы то ни было посторонняго лица,—общество, которое могло черезъ посредство избранныхъ такимъ образомъ представителей

*) Разумѣются острова Вестъ-Индіи, принадлежавшіе англичанамъ и ими колонизованные.

**) Какъ сказано выше, Декларація правъ и „Соглашеніе" приведены полностью въ приложеніи III.

не только выразить рѣшительный и чрезвычайно смѣлый протестъ *) противъ грозящаго ему *порабощенія*, но и привести въ исполненіе рядъ крутыхъ мѣръ по отношенію къ правительству, такое общество, очевидно, пользовалось фактически такой *свободой*, о которой въ то время и не помышляли народы континента Европы.

---

*) Какъ сказано выше, „Декларація правъ“ и „Соглашеніе“ приведены полностью въ приложеніи III.

X.

Лойялистская литература въ началѣ революціоннаго движенія (1774—1775).

Недѣли двѣ спустя послѣ того, какъ конгрессъ, засѣдавшій въ Филадельфіи, закончилъ свои занятія, выработавъ рядъ мѣръ для борьбы съ Англіей, въ Нью-Іоркѣ вышелъ памфлетъ, написанный, какъ значилось въ заглавіи, фермеромъ *) и для фермеровъ и подвергавшій рѣзкой критикѣ мѣры, предложенныя конгрессомъ. Памфлетъ назывался „Мысли, навѣянныя дѣйствіями континентальнаго конгресса и выясняющія самымъ очевиднымъ образомъ заблужденія конгресса и роковыя послѣдствія, къ которымъ должно привести соглашеніе не ввозить англійскихъ продуктовъ и не вывозить въ Англію продуктовъ американскихъ“.

Авторъ памфлета назвалъ себя „фермеромъ изъ Вестчестера **) и сразу сдѣлался предметомъ живѣйшаго одобренія однихъ и величайшей ненависти и презрѣнія другихъ. „Моимъ первымъ дѣломъ“, такъ обращается Вестчестерскій фермеръ къ своимъ товарищамъ по занятію, „будетъ выяснить вамъ нѣкоторыя изъ

---

*) Въ Америкѣ въ то время „фермеромъ“ (farmer) называли всякаго занимающагося самостоятельно сельскимъ хозяйствомъ, въ отличіе отъ тѣхъ, кто занимался какимъ-нибудь видомъ промышленнаго труда или торговлей. Такимъ образомъ фермеромъ въ этомъ смыслѣ былъ Дж. Вашингтонъ, у котораго было большое помѣстье въ Виргиніи, и всякій мелкій собственникъ, живущій обработкой своего клочка земли (такихъ было особенно много въ колоніяхъ Новой Англіи), котораго можно было бы назвать крестьяниномъ, если бы онъ не отличался по уму, развитію, правамъ отъ лицъ, составлявшихъ въ то время классъ крестьянъ въ Европѣ.

**) Такъ называлась деревня, находившаяся недалеко отъ Нью-Іорка.

послѣдствій, которыя неизбѣжно повлекутъ за собой мѣры, предложенныя конгрессомъ и приводимыя въ исполненіе по указаніямъ того же конгресса крайне деспотическими пріемами и подъ страхомъ самыхъ суровыхъ наказаній. Я обращаюсь къ вамъ, фермеры колоніи Нью-Іоркъ, во-первыхъ, потому, что я наиболѣе тѣсно связанъ съ вами, будучи самъ нью-іоркскимъ фермеромъ и имѣя, слѣдовательно, одинаковые съ вами интересы, и, во-вторыхъ, потому, что приведеніе въ исполненіе мѣръ, предложенныхъ конгрессомъ, особенно тяжело отразится на всѣхъ, кто живетъ земледѣліемъ".

Однимъ изъ послѣдствій этихъ мѣръ, говоритъ далѣе Вестчестерскій фермеръ, будетъ значительная пертурбація торговыхъ дѣлъ въ Великобританіи, Ирландіи и Вестъ-Индіи, наступленіе большой народной нужды въ тѣхъ же странахъ, а затѣмъ и появленіе недовольства безпорядковъ, бунтовъ и мятежей. Правда, на насъ, фермерахъ, все это въ первое время, можетъ быть, и не отразится, но, если даже это и будетъ такъ, все-таки несправедливо и неразумно принимать такія мѣры, которыя должны принести столько несчастій другимъ. „Вѣдь фабриканты Великобританіи, жители Ирландіи или Вестъ-Индскихъ острововъ не сдѣлали намъ ничего дурного. Они совершенно неповинны въ тѣхъ бѣдахъ, на которыя мы жалуемся. За что же мы будемъ ихъ карать?"

„Поступая такъ, какъ рекомендуетъ конгрессъ, мы только возбудимъ противъ себя и этихъ ни въ чемъ неповинныхъ людей"... „Не слѣдуетъ забывать, что человѣческія страсти вездѣ одинаковы. Если эти люди увидятъ, что мы съ легкимъ сердцемъ, причиняемъ имъ страданія, чтобы только достичь нѣкоторыхъ своихъ цѣлей, то, конечно, они постараются обходиться впредь какъ нибудь безъ насъ. Они будутъ искать другихъ странъ, гдѣ можно купить продукты, которые они прежде получали отъ насъ"... Такимъ образомъ мѣры, предложенныя конгрессомъ, отзовутся впослѣдствіи самымъ серьезнымъ образомъ, напр., на условіяхъ сбыта льняного сѣмени, которое въ особенности идетъ въ Ирландію. „Вы знаете, мои друзья", обращается нашъ авторъ къ фермерамъ, „что денегъ, которыя вы выручаете за льняное сѣмя, не только хватаетъ на уплату всѣхъ податей и налоговъ, но и на покупку многихъ вещей, доставляющихъ удобства и ком-

фортъ въ жизни. Остаться хотя одинъ годъ съ непроданнымъ льнянымъ сѣменемъ—это значитъ потерпѣть такой матеріальный ущербъ, какого не принесетъ уплата трехпенсовой пошлины на чай въ теченіе двадцати лѣтъ"...

„Но это только начало несчастій, которыхъ можно ожидать отъ мѣръ, предложенныхъ конгрессомъ... Не только сократится рынокъ для сбыта нашихъ продуктовъ и, слѣдовательно, упадетъ цѣна ихъ, но въ то же время увеличится цѣна тѣхъ продуктовъ, которые намъ приходится покупать... Между тѣмъ и теперь многіе изъ насъ въ долгу... Что же будетъ, когда намъ некому будетъ продавать своихъ продуктовъ? Дѣло дойдетъ до того, что мы окажемся не въ состояніи исполнять своихъ обязательствъ, и наши имѣнія будутъ проданы съ аукціона. А что же дадутъ за имѣніе, для продуктовъ котораго нѣтъ сбыта? Имѣнія наши пойдутъ за безцѣнокъ, мы разоримся, лишимся земли и вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, всякихъ вообще средствъ существованія для себя и для семьи. Вотъ вамъ и результаты пресловутато „соглашенія". Теперь судите сами, подумалъ-ли сколько нибудь конгрессъ о вашихъ интересахъ, рекомендуя предлагаемыя имъ мѣры? Конечно, нѣтъ. Вы можете съ полнымъ правомъ утверждать, что конгрессъ, напротивъ того, обнаружилъ поразительное непониманіе, поразительное пренебреженіе вашими интересами; вы можете сказать даже, что онъ васъ подло предалъ... Въ самомъ дѣлѣ, хороши результаты „соглашенія"! Тѣ изъ васъ, фермеровъ,—опоры всякой страны,—кто имѣетъ долги, разорится въ конецъ, кто долговъ пока не имѣетъ, попадетъ въ лапы ростовщикамъ, и все потому, что набившіе себѣ карманы купцы или нажившіеся отчаянные контрабандисты вздумали мутить народъ. Вотъ къ чему приведетъ это гнусное, позорное, дьявольское соглашеніе!"

Но это еще не все, говоритъ далѣе Вестчестерскій фермеръ. Мы пока имѣли въ виду послѣдствія одной изъ мѣръ, составляющихъ соглашеніе. Обратимся теперь къ обязательству не потреблять извѣстныхъ продуктовъ. „Послѣ перваго марта мы обязуемся не покупать и не употреблять остъиндскаго чаю и никакихъ вообще товаровъ и продуктовъ, привозимыхъ изъ Великобританіи, Ирландіи или британскихъ владѣній въ Вестъ-Индіи"...

„Неужели вы станете подчиняться такимъ деспотическимъ распоряженіямъ? А между тѣмъ вы должны повиноваться, вѣдь такъ изволили постановить великіе лорды, наши господа и самодержцы—члены американскаго континентальнаго конгресса! Вѣдь эти господа распорядились даже организовать повсемѣстно особые комитеты для фактическаго приведенія въ исполненіе пресловутаго „соглашенія“... Неужели вы будете помогать организаціи такого гнуснаго рабства, такого деспотизма въ Америкѣ? Неужели вы станете принимать участіе въ выборѣ „Комитетовъ“? Неужели вы станете подчиняться этимъ комитетамъ, если они будутъ избраны людьми слабохарактерными, глупыми и всякими смутьянами? Поступайте, впрочемъ, какъ знаете, но, клянусь Создателемъ, я такъ поступать не буду! Если мнѣ придется быть рабомъ, то пусть я буду, по крайней мѣрѣ, рабомъ короля, а не какихъ нибудь проходимцевъ, членовъ какихъ-то самозванныхъ комитетовъ! Если дѣло такъ стоитъ, что меня кто-нибудь долженъ сожрать, пусть сожретъ левъ, а не какая-нибудь гадина“...

„Вы, можетъ быть, скажете, что эти люди борются за наши права, что они защищаютъ нашу свободу, и что если имъ приходится дѣйствовать даже противозаконно, то къ этому ихъ побуждаетъ крайнее положеніе страны... Эти-то люди защищаютъ наши право и свободу? Никогда! Напротивъ, они обращаютъ насъ въ самыхъ презрѣнныхъ рабовъ, какіе когда-либо жили на землѣ. Вы говорите, что крайнее положеніе страны можетъ оправдать нарушеніе основныхъ законовъ общежитія? Да кто же создалъ эту крайность? Кто виновникъ смутъ, анархіи, безпорядковъ? Да они же, тѣ самые, кто теперь оправдываетъ свои дѣйствія крайнимъ положеніемъ отечества!“...

Первый памфлетъ „Фермера изъ Вестчестера“ вышелъ 16 ноября 1774 года. Черезъ двѣ недѣли появился другой памфлетъ того же автора, отличающійся такой же страстностью, такой же рѣзкостью тона, какъ и первый. Въ этомъ памфлетѣ „Вестчестерскій фермеръ“ обращался уже къ купцамъ и вообще торговымъ классамъ колоніи Нью-Іорка. Здѣсь онъ коснулся также болѣе широкихъ вопросовъ — вопросовъ права — и обрушился рѣзкой критикой на континентальный конгрессъ, упрекая его въ присвоеніи непринадлежащей ему власти, въ тиранніи, въ безразсудствѣ. Онъ предостерегалъ своихъ соотечественниковъ, го-

воря, что, если они будутъ продолжать далѣе вести себя столь вызывающимъ образомъ по отношенію къ Англіи, то дѣло можетъ дойти до формальной войны. „Многіе американцы такъ самонадѣянны, что готовы даже предположить, что мы выйдемъ побѣдителями изъ такой борьбы. Но, если бы даже это было такъ, какъ ужасны будутъ послѣдствія нашихъ успѣховъ! У насъ начнется тотчасъ же междоусобная война у себя дома, колонія ополчится на колонію и все кончится общимъ разореніемъ страны. Много прольется крови, пока мы придемъ къ какому нибудь соглашенію осносительно организаціи монархіи или республики. Не мало будетъ пролито крови и въ то время, пока мы будемъ выбирать себѣ короля или рѣшать основные вопросы государственнаго устройства. Гораздо, однако, вѣроятнѣе, что въ предстоящей намъ неравной борьбѣ британское оружіе возьметъ верхъ, и тогда, послѣ многихъ сценъ кровопролитія и насилій, начнутся конфискаціи имущества и казни, которыми завершится вся эта трагедія“.

Произведенія „Вестчестерскаго фермера“ произвели огромное впечатлѣніе во всей Америкѣ и вызвали массу возраженій, изъ которыхъ наиболѣе удачными былъ памфлетъ неизвѣтнаго автора, оказавшагося впослѣдствіи Александромъ Гамильтономъ — будущимъ сподвижникомъ Вашингтона, однимъ изъ величайшихъ государственныхъ людей Америки — но въ то время студентомъ King’s College’a въ Нью-Іоркѣ (теперешній Columbia University).

„Вестчестерскій фермеръ“ не оставался въ долгу: за вторымъ памфлетомъ послѣдовалъ третій, затѣмъ четвертый, и уже появилось объявленіе о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ пятаго, когда произошли событія, заставившія этого яраго лойялиста замолчать и даже опасаться за свою жизнь. Дѣло въ томъ, что въ апрѣлѣ 1775 года черезъ три мѣсяца послѣ появленія четвертаго памфлета „Вестчестерскаго фермера“ произошла первая формальная схватка между англійскими войсками и американской милиціей (при Лексингтонѣ и Конкордѣ) и возбужденіе противъ Англіи дошло до крайней степени напряженія, заставивши даже смѣлаго „Вестчестерскаго фермера“ отказаться отъ всякой попытки нападать на партію революціонеровъ.

Съ появленіемъ перваго же письма „Вестчестерскаго фермера“ стали подозрѣвать, что авторомъ его былъ Самуилъ Сибери (Seabury), приходскій священникъ небольшой деревни Вест-

честеръ въ окресностяхъ Нью-Іорка, человѣкъ лѣтъ за сорокъ, уроженецъ Коннектикута, бывшій студентъ Yale College'а, потомокъ одного изъ первыхъ колонистовъ Новой Англіи. Такъ какъ Сибери самъ велъ хозяйство на приходской землѣ, то онъ съ полнымъ правомъ могъ называть себя Вестчестерскимъ *фермеромъ*. Это былъ человѣкъ большой физической силы, громадной энергіи, серьезнаго образованія: — священникъ и вмѣстѣ съ тѣмъ докторъ, таланливый писатель, даровитый ораторъ и проповѣдникъ...

Письма „Вестчестерскаго фермера“ сразу возбудили крайнее раздраженіе революціонеровъ. Не зная автора, партія революціонеровъ изливала свой гнѣвъ на его сочиненія, собирала его памфлеты и предавала публичному сожженію. Впослѣдствіи, когда стало болѣе или менѣе достовѣрнымъ, кто скрывается подъ псевдонимомъ „Вестчестерскаго фермера“, озлобленіе противъ Сибери дошло до того, что однажды (28 ноября 1775 года) толпа вооруженныхъ людей ворвалась въ его домъ, предала все имущество полному разгрому, а самого Сибери потащила въ тюрьму сосѣдняго города. Послѣ мѣсячнаго заключенія Сибери, однако, выпустили, такъ какъ никто не могъ доказать, что именно онъ былъ авторомъ писемъ „Весчестерскаго фермера“. Тѣмъ не менѣе съ этихъ поръ Сибери никогда не могъ считать себя огражденнымъ отъ повторенія подобныхъ же проявленій крайняго народнаго раздраженія. Ему не разъ по цѣлымъ недѣлямъ приходилось укрываться у кого-нибудь изъ своихъ знакомыхъ...

Весной 1776 года, разсказываетъ Сибери въ одномъ изъ своихъ писемъ, когда американскіе солдаты начали двигаться изъ окрестностей Бостона къ Нью-Іорку, „партіи этихъ солдатъ въ 20 — 30 человѣкъ проходили каждый день, а то и два раза въ день, черезъ Вестчестеръ, хотя это было вовсе не по дорогѣ, а миль пять въ сторону. Они всегда заходили ко мнѣ въ домъ для того, чтобы имѣть случай оскорбить меня насмѣшками и издѣвательствомъ надъ королемъ, парламентомъ, лордомъ Норсомъ (North) *), надъ священниками, епископами, надъ церковью и въ особенности надъ гнуснымъ, „Вестчестерскимъ фермеромъ“. Нѣкоторые говорили при этомъ, что охотно дали бы сто долларовъ, чтобы узнать кто такой этотъ фермеръ, чтобы уложить его на мѣстѣ“.

*) Въ то время первымъ министромъ въ Англіи.

Конечно, никакія человѣческія силы не могли долго выносить такого состоянія, и съ началомъ военныхъ дѣйствій въ окрестностяхъ Нью-Іорка Сибери искалъ спасенія своей жизни въ рядахъ англійскихъ войскъ, куда онъ былъ принятъ въ качествѣ полкового доктора и священника.

Мы позволили себѣ остановиться на тѣхъ преслѣдованіяхъ которыя пришлось вынести Сибери, такъ какъ они убѣдительнѣе всего показываютъ, какъ велико было впечатлѣніе, произведенное его памфлетами, какъ чувствительны были удары, нанесенные партіи революціонеровъ перомъ „Вестчестерскаго фермера“, какое огромное значеніе имѣла литература въ борьбѣ двухъ партій, на которыя раздѣлился американскій народъ подъ вліяніемъ обострившихся отношеній къ метрополіи.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ того какъ „Вестчестерскій фермеръ“ открылъ—оказавшійся столь губительнымъ—огонь противъ мѣръ, выработанныхъ континентальнымъ конгрессомъ, къ нему присоединился другой талантливый писатель, скрывавшійся подъ псевдонимомъ „Massachusettensis“ (житель, уроженецъ Массачузэтса) и напечатавшій послѣдовательно 17 писемъ „Къ жителямъ колоніи Массачузэтсъ“ въ одной газетѣ, выходившей въ Бостонѣ.

Письма произвели весьма сильное впечатлѣніе какъ на лойялистовъ, такъ и на революціонеровъ; въ 1775 году они были перепечатаны въ видѣ памфлета въ Бостонѣ и Нью-Іоркѣ, а черезъ годъ и въ Англіи,—въ Лондонѣ.

„Можетъ быть во всей исторіи Англіи“, говоритъ „Massachusettensis“, „нельзя найти примѣра оппозиціи правительству, для оправданія которой было бы столь мало серьезныхъ основаній“...

„Въ самомъ дѣлѣ, не верхъ ли это фантазерства и самообольщенія со стороны колоній поднимать оружіе противъ Англіи изъ за того, что англійскій парламентъ настаиваетъ на своемъ правѣ облагать налогами населеніе Америки,—правѣ столь же старомъ какъ и сами колоніи. Причиною войны выставляется отказъ парламента отмѣнить пошлину на чай. Если же мы спросимъ господъ виговъ (т. е. революціонеровъ), неужели въ основѣ всей ихъ оппозиціи лежитъ эта ничтожная пошлина въ три пенса на иноземный нездоровый продуктъ, составляющій къ тому же предметъ рос-

---

*) Въ то время первымъ министромъ въ Англіи.

коши, то они вамъ поспѣшатъ отвѣтить: „мы боремся противъ опаснаго прецедента“, что равносильно утвержденію, что будто бы мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то нововведеніемъ. Но это совершенная ложь: если бы пошлина на чай была теперь же отмѣнена, то и въ такомъ случаѣ не было бы недостатка въ прецедентахъ для англійскаго правительства. Что такъ дался вигамъ этотъ несчастный чай? Почему они молчатъ объ обложеніи пошлинами патоки, вина, кофе, индиго и т. д. Человѣкъ, который пьетъ американскій ромъ, приготовленный изъ патоки, за которую внесена ввозная пошлина, заслуживаетъ не меньше, чѣмъ тотъ, кто пьетъ чай, чтобы и его обмазали смолой и обваляли въ перьяхъ. Такое же политическое преступленіе, совершаетъ и тотъ, кто пьетъ кофе“.

„Наши патріоты станутъ, пожалуй, возражать говоря, что если парламентъ въ правѣ взять съ насъ хотя одинъ пенсъ безъ нашего согласія, то онъ можетъ такимъ же образомъ взять и фунтъ стерлинговъ и вообще столько, сколько ему вздумается, и такимъ образомъ разорить насъ совсѣмъ“. Этотъ постоянно повторяемый припѣвъ дѣйствуетъ, какъ какіе-то чары и сбиваетъ съ толку многихъ добропорядочныхъ людей. Вникнемъ, однако, въ дѣло. Неужели „патріоты“, въ самомъ дѣлѣ, думаютъ, что, если за парламентомъ признать право обложить насъ пошлиной на тотъ или иной продуктъ въ одинъ пенсъ, это значитъ дать ему право отнять отъ насъ всю нашу собственность! Если они дѣйствительно такъ разсуждаютъ, то я рѣшительно протестую противъ ихъ выводовъ, такъ какъ, конечно, верховное законодательное собраніе, само собой разумѣется, не имѣетъ права взваливать на какую нибудь часть имперіи бремя налоговъ, не соотвѣтствующее богатству и населенію этой части. Такія границы посягательствамъ парламента кладетъ сама конституція, почему и выводы патріотовъ никуда не годятся“.

„Или, можетъ быть, они утверждаютъ, что, если мы признаемъ за парламентомъ полное право облагать насъ налогомъ въ одинъ пенсъ съ фискальными цѣлями, то парламентъ отъ незначительныхъ налоговъ перейдетъ къ болѣе и болѣе тяжелымъ, пока это обложеніе не станетъ положительно невыносимымъ? Говорить такъ, значитъ отрицать извѣстное право только потому, что этимъ правомъ могутъ злоупотребить. Но вѣдь доказать, что то или

другое лицо или учрежденіе злоупотребило извѣстнымъ правомъ, вовсе не значитъ доказать незаконность самого права; еще менѣе убѣдительнымъ доказательствомъ того же самаго слѣдуетъ считать ссылки на одну возможность такого злоупотребленія".

„Я вполнѣ соглашаюсь съ тѣмъ, что правомъ обложенія населенія налогами власти болѣе склонны злоупотреблять, чѣмъ правомъ обыкновеннаго законодательства, и потому очень желалъ бы, чтобы въ этомъ отношеніи была выработана какая-нибудь граница для компетенціи парламента, такъ, чтобы верховное законодательное значеніе парламента оставалось неприкосновеннымъ, и Америкѣ, въ тоже время, были обезпечены всѣ ея права и привилегіи въ качествѣ подвластной страны. Но это можетъ быть сдѣлано только самимъ же парламентомъ".

„Мы бы никогда не кончили, если бы вздумали перечислять всѣ мнимыя притѣсненія Англіи, всѣ неудовольствія американцевъ, которыми теперь наполнены газеты и журналы. Въ послѣднее время умѣнье находить такія неудовольствія стало вѣрнымъ средствомъ для быстраго пріобрѣтенія славы и популярности... У насъ даже явились спеціалисты по этой части, образовавшіе, такъ наз. „комитеты неудовольствій" *) („committes upon grievances"). Они принялись за свое дѣло усердно и составили длинный списокъ бѣдствій, которыя выноситъ американскій народъ, не подозрѣвая того, что они сами составляютъ главную язву нашего времени"...

„Я бы спросилъ, напр., нашихъ патріотовъ, гдѣ они видятъ признаки того порабощенія и эксплуатаціи, которыми они насъ застращиваютъ? Вѣдь признаки униженнаго, рабскаго состоянія тѣхъ народовъ, которые дѣйствительно въ таковомъ находятся, столь же очевидны, такъ же бросаются всѣмъ въ глаза, какъ слѣды войны, чумы или голода. Мы не ходимъ въ деревянныхъ sabots **), какъ жалкіе крестьяне Франціи, нашъ народъ не похожъ на одичалое населеніе Польши. Гдѣ у насъ пытки, инквизиція? Кого у насъ безнаказанно мучатъ или убиваютъ? Всѣмъ извѣстна мягкость нашего уголовнаго законодательства... Кто у

*) Т. е. комитеты для собиранія фактовъ, могущихъ вызывать справедливое недовольство колонистовъ метрополіей.

**) Деревянные башмаки, въ которыхъ ходило и отчасти и до сихъ поръ ходитъ французское крестьянство.

[illegible]

[illegible] ... Развѣ [illegible] теперь [illegible] же права [illegible] крайнему разумѣнію [illegible] болѣе важ- [illegible] меньше [illegible]? Развѣ [illegible] жизнь менѣе [illegible] жизнь [illegible]? Почему же [illegible] съ вами [illegible] за то, что [illegible] думаютъ [illegible] крайнему разумѣнію? [illegible] же ваша хва- [illegible] патріоты? Или, можетъ быть, вы надѣе- [illegible] вы обратите [illegible] на путь истины?

Нѣтъ, вы въ этомъ ошибаетесь: преслѣдованія въ дѣлахъ политическихъ, какъ и въ дѣлахъ религіозныхъ, лишь увеличиваютъ усердіе и фанатизмъ сектантовъ! Или, можетъ быть, вы хотите заставить замолчать всѣхъ своихъ противниковъ, чтобы придать движенію противъ Англіи видъ полнаго единодушія? Но вѣдь тѣ преслѣдованія и насилія, съ которыми вы обрушиваетесь на несогласно мыслящихъ, лучшее доказательство того, что между нами такого единодушія нѣтъ"...

Въ своемъ послѣднемъ письмѣ, написанномъ всего за двѣ недѣли до роковой первой схватки при Лексингтонѣ и Конкордѣ, „Massachusettensis", повидимому, находится подъ особенно тяжелымъ сознаніемъ — замѣтнымъ, впрочемъ, уже и въ первомъ письмѣ, — сознаніемъ, что приближаются рѣшительные, роковые дни...

„Англійскій народъ", пишетъ „Massachusettensis", способенъ много вынести отъ своихъ друзей, но всякій, кто внимательно читалъ исторію Англіи, знаетъ, что есть предѣлъ, переходить который опасно. Если дѣло не дошло еще до окончательнаго, безповоротнаго разрыва, то въ этомъ меньше всего повинны наши „патріоты". Они требуютъ отъ Англіи большаго, чѣмъ позволяетъ ей уступить ея честь или ея или даже наши собственные интересы, и въ то же время вызывающимъ образомъ махаютъ передъ ней саблей! Неужели вы надѣетесь остаться побѣдителями въ войнѣ? Неужели кто-нибудь, разсуждающій сколько нибудь здраво, можетъ думать, что Англія, которая еще такъ недавно вела борьбу одновременно съ Франціей и Испаніей и оставалась побѣдительницей въ своихъ военныхъ дѣйствіяхъ во всѣхъ концахъ міра, что Англія, флотъ которой безраздѣльно господствуетъ на всѣхъ океанахъ, окажется не въ силахъ справиться съ нами?... Не забудемъ также, что побѣжденные въ обыкновенной войнѣ не теряютъ своихъ правъ человѣческихъ или гражданскихъ и что даже самая храбрость ихъ иногда вознаграждается великодушнымъ побѣдителемъ. Не такова бываетъ участь разбитыхъ повстанцевъ, побѣжденныхъ измѣнниковъ"...

Авторомъ этихъ писемъ, которыя произвели весьма сильное впечатлѣніе на колонистовъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ Дан. Леонардъ, сравнительно молодой (тридцати четырехъ лѣтъ) но уже весьма извѣстный адвокатъ, человѣкъ богатый, принад-

лежавшій по своему происхожденію и по своему положенію къ „лучшему“ обществу города Таунтона *). Дан. Леонарда долгое время лишь подозрѣвали въ составленіи писемъ „Massachusettensis“, доказательствъ этого ни у кого не было; тѣмъ не менѣе онъ и другими своими поступками настолько возбудилъ противъ себя революціонеровъ **), что для спасенія жизни ему пришлось со всей семьей искать убѣжища въ Бостонѣ и удалиться оттуда одновременно съ очищеніемъ Бостона британскими войсками.

Впослѣдствіи стало вполнѣ достовѣрно, что Леонардъ дѣйствительно былъ авторомъ столь оскорбительныхъ для революціонной партіи писемъ. Уже черезъ два года послѣ начала войны съ Англіей (1778 г.) Леонардъ былъ обреченъ на вѣчное изгнаніе изъ своей родной колоніи (въ то время уже штата Массачузэтса), а въ слѣдующемъ году было конфисковано въ казну имущество Леонарда. Но и въ самой серьезности наказаній непокорному лойялисту мы видимъ новое доказательство тяжелыхъ ранъ, нанесенныхъ его перомъ партіи революціонеровъ.

---

*) Городъ Таунтонъ находится въ Массачузэтсѣ въ 34 миляхъ къ отъ югу Бостона.

**) См. объ этомъ въ сочиненіи проф. Тайлера.

XI.

Лойялистская литература въ началѣ революціоннаго движенія: Джозефъ Галлоуэй.

Теперь намъ остается познакомиться еще съ однимъ выдающимся писателемъ изъ партіи лойялистовъ Джоз. Галлоуэй (Galloway). Кризисъ въ отношеніяхъ американскихъ колоній и ихъ метрополіи засталъ Галлоуэя человѣкомъ далеко не молодымъ: въ теченіе 17 лѣтъ (1757—1764) онъ почти безъ перерыва былъ выбираемъ членомъ законодательнаго собранія своей родной колоніи Пенсильваніи и одно время былъ даже предсѣдателемъ этого собранія. Законодательное собраніе Пенсильваніи выбрало его однимъ изъ делегатовъ на первый континентальный конгрессъ, гдѣ онъ показалъ себя сторонникомъ продленія попытокъ къ мирному окончанію раздоровъ съ метрополіей и представилъ даже на обсужденіе конгресса свой знаменитый „Планъ уніи Великобританіи и ея (американскихъ) колоній". По этому плану американскія колоніи должны были, кромѣ отдѣльнаго законодательнаго собранія въ каждой колоніи, имѣть одинъ общій американскій парламентъ; правительство Англіи должно было имѣть въ Америкѣ генералъ-губернатора въ качествѣ высшаго представителя исполнительной власти. Короче говоря, Галлоуэй предлагалъ нѣчто вродѣ американскаго „home rule", оставляя однако, неприкосновенной верховную власть англійскаго парламента въ важнѣйшихъ государственныхъ вопросахъ. „Планъ" не былъ принятъ, такъ какъ за него высказались делегаты пяти колоній *), и конгрессъ вмѣсто мѣръ примиренія сталъ, какъ намъ извѣстно, вырабатывать мѣры борьбы.

*) Въ обсужденіи „плана" участвовали представители 11 колоній (изъ 13), причемъ делегаты каждой колоніи должны были по общему соглашенію подавать одно мнѣніе, считавшееся за одинъ голосъ. Такимъ образомъ представители пяти колоній подали голоса за планъ Голлоуэя и шести

Неудача предложеннаго имъ „Плана уніи“ убѣдила Галлоуэя, что сторонники крайнихъ мѣръ близки къ полному торжеству и потому, отказавшись отъ участія въ работахъ второго континентальнаго конгресса, Галлоуэй принялся за перо и, аппелируя къ общественному мнѣнію всей страны, въ началѣ 1775 года выпустилъ въ свѣтъ памфлетъ подъ названіемъ „Безпристрастное изложеніе взаимныхъ правъ Великобританіи и ея колоній вмѣстѣ съ планомъ ихъ уніи на началахъ британской конституціи“.

Памфлетъ начинается описаніемъ совершенно ненормальнаго состоянія колоній, въ которыхъ, по мнѣнію автора, „уничтожена (партіей революціонеровъ) свобода слова, свобода и неприкосновенность печати. Голосъ правды долженъ былъ смолкнуть, вездѣ появились власти, совершенно неизвѣстныя закону, власти, лишающія людей ихъ естественныхъ правъ, налагающія наказанія болѣе тяжелыя, чѣмъ самая смерть“...

Далѣе Галлоуэй заявляетъ о своемъ намѣреніи дать своимъ согражданамъ правдивое изслѣдованіе „самаго важнаго, самаго серьезнаго разногласія, которое когда-либо возникало между правительствомъ страны и нѣкоторой частью ея гражданъ“.

Какъ же рѣшить это разногласіе, изъ чего исходить при такомъ рѣшеніи? Конечно, нельзя идти по стопамъ тѣхъ, кто выводитъ политическія права Америки изъ „законовъ Бога“ и природы“, или изъ „общихъ правъ человѣка“, или „изъ американскихъ хартій“. „Нечего останавливаться также на такихъ измышленіяхъ и тонкостяхъ, благодаря которымъ устанавливается принципіальное различіе между правомъ парламента издавать законы для колоній и правомъ облагать ихъ налогами, или между т. наз. внутреннимъ и внѣшнимъ обложеніемъ (налоги и пошлины); между пошлинами и налогами, имѣющими цѣлью извѣстное нормированіе торговли и промышленности, и такими, которые имѣютъ фискальный характеръ“.

Всѣ такія попытки найти критерій для разрѣшенія указаннаго

противъ. Въ объясненіе того, что не всѣ делегаты участвовали въ подачѣ голосовъ, надо замѣтить, что иногда представители той или иной колоніи отказывались вотировать по поводу того или иного предложенія, ссылаясь на отсутствіе соотвѣтственныхъ полномочій отъ законодательныхъ собраній своихъ колоній.

разногласія были неудачны по той простой причинѣ, что въ нихъ игнорировался истинный характеръ разногласія. Въ чемъ же состоитъ этотъ характеръ? „Это разногласіе характеризуется тѣмъ, что представляетъ собой споръ между верховной властью въ государствѣ и извѣстнымъ числомъ членовъ того же государства, споръ по вопросу о предѣлахъ компентенціи первой и границахъ повиновенія вторыхъ. По самому своему характеру этотъ споръ можно рѣшить, лишь исходя изъ общихъ принциповъ государственной власти вообще и британской конституціи въ частности. Теперь подумайте: вѣдь во всякомъ государствѣ должна же кому нибудь принадлежать верховная законодательная власть, универсальная по своей компентенціи и распространяющаяся на всѣхъ гражданъ безразлично. Въ британской имперіи такой властью является парламентъ. Спрашивается, американскія колоніи составляютъ часть британской имперіи или не соствляюатъ“? Авторъ долго разсматриваетъ доводы за и противъ такого предположенія и, наконецъ, рѣшаетъ, что колоніи составляютъ часть англійской имперіи. Съ такимъ заключеніемъ, однако, не вяжется (по мнѣнію автора) заявляемое конгрессомъ право на полную самостоятельность въ отношеніи законодательства и обложенія налогами и признаніе за англійскимъ королемъ лишь одного права veto... Слѣдовательно, первый континентальный конгрессъ былъ неправъ, отвергнувъ „Планъ уніи“, который могъ подготовить путь къ „прочному и счастливому примиренію метрополіи и колоній“. Второй же континентальный конгрессъ, оставивъ всякія попытки примиренія, „послѣ двухмѣсячныхъ потугъ разрѣшился, наконецъ, безобразнымъ и жалкимъ дѣтищемъ—декларацiей независимости“. „Эта декларація независимости принесетъ намъ только гибель. Если Англія отвергнетъ ее, она разоритъ насъ *). если она намъ даруетъ независимость, мы сами себя погубимъ“ **),

Выяснивъ верховенство правъ парламента и тѣ фатальныя послѣдствія, которыя должны обрушиться на американцевъ, если они будутъ игнорировать эти права, Галлоуэй переходитъ къ разсмотрѣнію правъ самихъ американцевъ. Какія это права? На чемъ они основаны?..

---

*) Войной.

**) Внутренними раздорами и междоусобной войной.

Эти права основаны на британской конституціи и должны ограждать гражданъ отъ всякихъ притѣсненій и обидъ не только со стороны внѣшнихъ враговъ, но и, въ особенности, со стороны враговъ внутреннихъ — „отъ произвола высшихъ представителей государственной власти и ихъ низшихъ агентовъ". Кромѣ того, уже съ самыхъ давнихъ временъ одной изъ существеннѣйшихъ особенностей британской конституціи является тотъ фактъ, что „землевладѣльческій классъ участвуетъ въ верховной законадательной власти". Каково же въ этомъ отношеніи положеніе американцевъ?

Землевладѣльцы въ Америкѣ не пользуются и никогда не пользовались этимъ правомъ, но, конечно, имъ должно быть дано это право „въ такой формѣ, какой требуютъ особыя обстоятельства и условія ихъ жизни, и только тогда, когда они будутъ объ этомъ почтительно просить"...

„Въ самомъ дѣлѣ элементарная политическая справедливость требуетъ, чтобы граждане свободнаго государства, въ какой бы части его они ни жили, пользовались одними и тѣми же основными правами и вольностями. Всякое различіе въ этомъ отношеніи ненавистно и отвратительно и не можетъ не порождать неудовольствій, зависти и даже смутъ и возстаній, отъ каковыхъ, въ особенности, должно быть ограждено всякое благоустроенное общество. Если такимъ образомъ Англія желаетъ удержать въ должномъ повиновеніи свои колоніи, то благоразуміе требуетъ, чтобы она признала за американцами право утверждать или отвергать законы парламента, которые будутъ касаться американскихъ колоній. При такихъ обстоятельствахъ американцы, конечно, будутъ всегда повиноваться законамъ, такъ какъ своимъ согласіемъ они сдѣлаютъ эти законы какъ бы своими. Они будутъ поставлены въ такія же условія, какъ и ихъ сограждане, живущіе въ Англіи, и не будутъ имѣть поводовъ къ неудовольствіямъ; если же они и будутъ иногда находить тѣ или иныя постановленія неудобными или несправедливыми, они будутъ посылать въ Англію петиціи, а не станутъ поднимать мятежа".

„При всякихъ иныхъ условіяхъ никакъ нельзя разсчитывать на то, чтобы могли долго продолжаться единеніе и согласіе, столь необходимыя въ свободномъ государствѣ, члены котораго живутъ въ областяхъ, весьма отдаленныхъ одна отъ другой.

Надо, наконецъ, принять во вниманіе характеръ американцевъ и условія ихъ жизни. Нѣтъ на свѣтѣ народа, столь высоко цѣнящаго свободу. Никогда и никому не удастся искоренить это свободолюбіе американцевъ, если бы даже когда-нибудь кому-нибудь пришла въ голову такая гнусная затѣя. Ихъ недавнее поведеніе, кажется, достаточно ясно *) подтвердило это и должно бы послужить указаніемъ, какой политики надо съ ними держаться".

„Отдаленность Америки отъ Англіи, обширность ея территоріи, многочисленность и удобство ея морскихъ портовъ, разнообразіе ея произведеній, быстрое увеличеніе населенія и, какъ результатъ всего этого, быстрый ростъ самостоятельнаго значенія и силы американскихъ колоній — все это показываетъ, что союзъ метрополіи и ея (американскихъ) колоній можетъ быть прочнымъ только на основахъ англійской свободы. Иначе колоніи, несомнѣнно, рано или поздно сбросятъ иго метрополіи, порвутъ съ ней всякую связь. Самая ихъ отдаленность будетъ подстрекать ихъ на такія попытки; духъ неудовольствія дастъ имъ нравственную силу, а матеріальныя силы дадутъ имъ въ недалекомъ будущемъ ихъ численность и богатство".

Что же дѣлать, какъ же быть американцамъ? Нельзя отрицать того, что они имѣютъ основаніе быть недовольными, и американскій конгрессъ неправъ лишь въ выборѣ тѣхъ способовъ, которыми онъ думаетъ достичь отмѣны послѣднихъ законовъ и распоряженій англійскаго правительства. „Американскіе демагоги употребили всѣ усилія къ тому, чтобы ввести въ заблужденіе несчастный народъ... Для достиженія своихъ честолюбивыхъ замысловъ они вселили въ народѣ убѣжденіе, что нечего ждать справедливости отъ англійскаго короля или отъ той или другой изъ палатъ (лордовъ и общинъ), такъ какъ они не обращали до сихъ поръ никакого вниманія на наши самыя основательныя петиціи... Давно пора разоблачить, однако, этотъ обманъ и вывести изъ заблужденія добродушныхъ американцевъ. Правда, его величество и обѣ палаты не обратили никакого вниманія на наши петиціи, но что это были за петиціи!.. Вѣдь въ нихъ—ни больше, ни меньше — совершенно отрицалась власть высшаго законодательнаго собранія, которому мы всѣ подчинены"...

*) Здѣсь разумѣются, конечно, энергичные протесты американцевъ при попыткѣ введенія горбоваго сбора.

„Можетъ быть, теперь уже поздно сойти съ того пути на который толкнуло насъ наше безуміе, и послѣдовать голосу разсудка и долга? Отнюдь нѣтъ... Поспѣшимъ же, какъ подобаетъ людямъ, уважающимъ порядокъ и законныя власти, поспѣшимъ со смѣлымъ и рѣшительнымъ протестомъ противъ беззаконныхъ актовъ конгресса, свергнемъ разнузданную тиранію, организованную конгрессомъ, разгонимъ всякіе новоявленные комитеты— послушное орудіе въ рукахъ конгресса, попирающаго священные законы нашей родины и наши самыя дорогія права. Послѣ того, какъ миръ и порядокъ снова водворяется въ нашихъ колоніяхъ, обратимся къ своимъ законодательнымъ собраніямъ, установленнымъ конституціей, — блюстителямъ нашихъ правъ, которымъ однимъ принадлежитъ право ходатайствовать о нашихъ нуждахъ. Будемъ просить ихъ, чтобы они представили почтительныя петиціи Его Величеству и обѣимъ палатамъ, приблизительно такого содержанія. Мы, американцы, признавая необходимость существованія въ каждомъ государствѣ верховной законодательной власти, которой должны быть подчинены всѣ граждане безъ изъятія, признавая себя, далѣе, обыкновенными подданными британскаго правительства, обращаемъ вниманіе на то, что, преодолѣвъ громадныя трудности и всякія опасности и заселивъ и цивилизовавъ пустыню и такимъ образомъ расширивъ территоріи и значительно увеличивъ богатство и силу Англіи, мы потеряли возможность, но не могли потерять права на нѣкоторыя основныя и наиболѣе дорогія привилегіи и вольности англичанъ".

„Будучи фактически лишены своего издревле принадлежащаго всѣмъ англичанамъ права на участіе въ законодательной власти парламента, мы почтительнѣйше просимъ не только о возстановленіи этого права, но и всѣхъ другихъ правъ и привилегій англичанъ въ той формѣ, въ какой это окажется наиболѣе удобнымъ примѣнительно къ особымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ мы находимся"...

„Нельзя сомнѣваться, что такая сдержанная, такая разумная, основанная на принципахъ англійской конституціи, петиція будетъ милостиво принята и внимательно разсмотрѣна какъ Его Величествомъ, такъ и обѣими палатами и, въ концѣ концовъ, приведетъ къ полному устраненію причинъ нашихъ неудовольствій и вѣчному единенію съ имперіей на основахъ свободы и безопасности".

Для сторонниковъ крайнихъ мѣръ памфлетъ Галлоуэя былъ весьма непріятенъ. На людей же умѣренныхъ и консервативныхъ этотъ памфлетъ произвелъ тѣмъ большее впечатлѣніе, что онъ не представлялъ собой академическаго обсужденія страстно волновавшей всѣхъ темы: поражая ѣдкой критикой радикальныя мѣры крайней партіи, памфлетъ указывалъ и на практическій путь взамѣнъ того, который онъ уничтожалъ. Наиболѣе неопровержимымъ свидѣтельствомъ силы аргументаціи пафлета можно считать потокъ возраженій и брани, обрушившійся на его автора *).

Впрочемъ, каковы бы ни были достоинства памфлета, онъ имѣлъ одинъ существенный недостатокъ: онъ явился поздно, когда уже никакія слова не могли повернуть назадъ ходъ событій... Послѣ того, какъ громъ выстрѣловъ при Лексингтонѣ, Конкордѣ и Бонкеръ-Хиллъ **) показалъ самымъ нагляднымъ образомъ, каковы въ дѣйствительности материнскія заботы Англіи объ ея колоніяхъ, въ Америкѣ оставалось все меньше и меньше людей, способныхъ хладнокровно разсматривать „безпристрастное“ ***) или какое бы то ни было иное изложеніе взаимныхъ правъ Великобританіи и ея колоній. Убѣдившись такимъ образомъ, что неудержимый потокъ событій хлынулъ противъ него и его взглядовъ, Голлоуэй благоразумно удалился изъ Филадельфіи въ свое имѣніе въ Bucks County, гдѣ, согласно его заявленіямъ, „онъ оставался нѣсколько мѣсяцевъ въ непрерывной опасности отъ шаекъ, подосланныхъ Адамсомъ, чтобы повѣсить его въ собственномъ имѣніи“.

*) Дальнѣйшимъ доказательствомъ того же самаго служитъ тотъ фактъ, что памфлетъ былъ тотчасъ перепечатанъ въ нѣсколькихъ другихъ колоніяхъ Америки и въ самой Англіи (первоначально памфлетъ вышелъ въ Пенсильваніи).

**) Первыя схватки англичанъ съ американцами (первыя двѣ 17 апрѣля, третья 17 іюня 1775 г.), когда фактически началось возстаніе американцевъ и вооруженное сопротивленіе британскому оружію. Какъ намъ уже извѣстно, оффиціальное объявленіе независимости послѣдовало годомъ позже (4 іюля 1776 г.). Памфлетъ Галлоуэя появился за нѣсколько недѣль до роковыхъ событій при Лексингтонѣ и Конкордѣ. Въ цитированномъ сборникѣ проф. Харта (American history by contemporaries) приведены параллельно описанія этихъ событій современниками—англичаниномъ и американцемъ.

***) Вспомнимъ, что памфлетъ Галлоуэя назывался „Безпристрастное изложеніе“ и т. д.

Впослѣдствіи Галлоуэй искалъ убѣжища среди англійскихъ войскъ, стараясь формировать для нихъ вспомогательные отряды изъ американскихъ лойялистовъ. Послѣ очищенія Филадельфіи англійскими войсками (1778) Галлоуэй уѣхалъ въ Англію, гдѣ онъ пользовался большимъ вліяніемъ и популярностью у короля, министровъ и вообще у всей партіи, стоявшей за продолженіе войны съ повстанцами. Галлоуэй и здѣсь не прекратилъ своей литературной борьбы съ революціей и въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ нападалъ на дѣятелей революціи и отчасти на англійскихъ генераловъ—на послѣднихъ за неумѣлое и недостаточно энергичное веденіе войны.

XII.

Геніальный юноша въ роли литературнаго защитника правъ колоній (Ал. Гамильтонъ).

Между массой возраженій, которыя вызвали со стороны партіи виговъ надѣлавшія такъ много шуму знакомыя намъ письма „фермера изъ Вестчестера“, особенную извѣстность пріобрѣли два памфлета, изъ которыхъ одинъ назывался „Полное оправданіе конгресса отъ клеветническихъ обвиненій его враговъ“, другой— „Возраженія фермеру изъ Вестчестера“. Необыкновенная талантливость этихъ двухъ памфлетовь, обширное знакомство автора съ вопросами государственнаго права, острота и проницательность сужденій, полемическія дарованія, повидимому, широкій и многосторонній государственный опытъ — все это какъ самого „фермера изъ Вестчестера“, такъ и американское общество вообще заставило предположить, что авторомъ этихъ памфлетовъ былъ какой-нибудь уже далеко не молодой человѣкъ съ широкимъ жизненнымъ опытомъ, вѣроятнѣе всего одинъ изъ членовъ недавно закончившаго свои труды конгресса.

Можно себѣ поэтому представить, какъ всѣ были изумлены, услышавъ, что эта сокрушающая критика лойялистскихъ доводовъ принадлежитъ на самомъ дѣлѣ чуть не иностранцу, нѣкоему Александру Гамильтону, уроженцу Вестъ-Индскихъ островов (часть которыхъ принадлежала Англіи, слушателю King's College (университетъ въ Нью-Іоркѣ), живущему въ Америкѣ всего два года съ небольшимъ и—что, можетъ быть, самое поразительное, имѣющему (во время выхода въ свѣтъ перваго памфлета) всего 17 лѣтъ отъ роду.

Въ своихъ пафлетахъ Гамильтонъ, между прочимъ, доказывалъ, что, когда дѣло идетъ о защитѣ общества отъ посяга-

тельствъ на его свободу, оно въ правѣ прибѣгать ко всякимъ средствамъ, будутъ ли они согласны съ закономъ или нѣтъ, тогда какъ „Вестчестерскій фермеръ“ въ своихъ письмахъ особенно настаивалъ на незаконности самаго созванія континентальнаго конгресса, а слѣдовательно, и всѣхъ его дѣйствій. „Пусть это будетъ такъ“,—возражалъ Гамильтонъ,—всетаки это не доказываетъ, что ваши разсужденія основательны. Когда основныя гарантіи нормальной жизни благоустроеннаго общества нарушены, когда попираются права цѣлаго народа, не приходится стѣсняться формальными соображеніями о законности тѣхъ или другихъ выраженій протеста. Люди въ такихъ случаяхъ возвращаются, такъ сказать, къ законамъ природы и, если ихъ дѣйствія не идутъ въ разрѣзъ съ этими законами, то всякія нападки на нихъ обнаруживаютъ или невѣжество, или недобросовѣстность нападающихъ. Бываютъ такія обстоятельства въ жизни народовъ, которыя не можетъ предвидѣть и нормировать никакой человѣческій законъ... Короче говоря, когда формальный законъ является препятствіемъ для обращенія къ средствамъ, безусловно необходимымъ для огражденія наиболѣе существенныхъ правъ всякаго человѣческаго общества, этотъ законъ становится въ противорѣчіе съ своей основной цѣлью и теряетъ всякую силу“.

„Впрочемъ, вы только заявили, а вовсе не доказали, что созваніе конгресса беззаконно. Если вы хотите этимъ сказать, что оно противно тому или иному закону, то я бы просилъ васъ указать такой законъ; съ своей стороны, я утверждаю, что такого закона вы и не найдете. Если вы хотите только сказать, что нѣтъ такого закона, на который можно было бы сослаться въ оправданіе инкриминируемыхъ вами дѣйствій американцевъ, я это также отрицаю. Въ Англіи гражданамъ всегда принадлежало неотъемлемое право заявлять свои неудовольствія и представлять королю соотвѣтственныя ходатайства и петиціи... А если это такъ, то нельзя сомнѣваться и въ томъ, что, если тѣмъ или другимъ недоволенъ цѣлый народъ и если онъ по обстоятельствамъ не можетъ личнымъ соглашеніемъ всѣхъ гражданъ подавать массовыхъ петицій, онъ въ правѣ выбрать делегатовъ, которые могутъ сдѣлать это за него“.

Такимъ же образомъ, доказавъ послѣ подробнаго и основательнаго разсмотрѣнія вопроса, что американскія колоніи не под-

лежатъ контролю парламента въ силу своихъ хартій, Гамильтонъ находитъ возраженіе и тѣмъ, кто указываетъ на примѣръ колоніи Нью-Іоркъ, которая не имѣла хартіи. „Правда, Нью-Іоркъ не имѣетъ хартіи“, говоритъ Гамильтонъ. „Но, если даже колонія Нью-Іоркъ не можетъ, въ этомъ случаѣ, сослаться на свою хартію, она можетъ, во всякомъ случаѣ, сослаться на общіе принципы управленія американскими колоніями; въ самомъ дѣлѣ, было бы грубой несправедливостью лишать одну колонію наиболѣе важныхъ политическихъ правъ, принадлежащихъ всѣмъ остальнымъ. Да и нужны ли такія ссылки на примѣръ другихъ колоній? Основы священнѣйшихъ правъ человѣка надо искать не въ обветшалыхъ бумаженкахъ и не въ архивныхъ кладовыхъ. Эти права вписаны неизгладимыми чертами Творцомъ вселенной въ самой человѣческой природѣ, и не можетъ стереть или уничтожить ихъ никакая смертная рука“.

„Вестчестерскій фермеръ“ произвелъ глубокое впечатлѣніе своимъ утвержденіемъ, что, хотя американцы несомнѣнно имѣютъ основаніе быть недовольными мѣрами англійскаго правительства они избрали дурной путь для достиженія отмѣны этихъ мѣръ: имъ слѣдовало обратиться къ трону съ почтительными, исполненными вѣрноподданническихъ чувствъ петиціями, и тогда ихъ желанія были бы удовлетворены. „Нужно плохо понимать человѣческую натуру“, говоритъ по этому поводу Гамильтонъ, „чтобы предположить, что посягательства на свободу народа, подготовлявшіяся и назрѣвавшія въ теченіе многихъ лѣтъ, можно остановить простыми мольбами. Для того, чтобы такія вещи могли случаться, людямъ надо переродиться и перестать любить власть и силу такъ, какъ они обыкновенно ихъ любятъ“.

Такимъ образомъ, этотъ поразительно даровитый молодой человѣкъ, не пренебрегая юридическими аргументами, старается въ то же время вывести споръ, носившій болѣе или менѣе формально юридическій характеръ, изъ сферы противорѣчивыхъ толкованій тонкостей формальнаго права и перенести на судъ какого-нибудь широкаго и высокаго принципа, вслѣдствіе чего весь вопросъ получалъ совершенно иное освѣщеніе.

Послѣднее обстоятельство, конечно, много содѣйствовало успѣху памфлета Гамильтона и значительно расширило кругъ лицъ, на которыхъ памфлетъ могъ оказать сильное впечатлѣніе. Памфлетъ,

какъ мы говорили, имѣлъ чрезвычайный успѣхъ и вызвалъ возраженіе отъ „Вестчестерскаго фермера", который высказалъ нѣсколько весьма нелестныхъ для автора — въ то время все еще неизвѣстнаго публикѣ – предположеній о связи его съ нѣкоторыми дѣйствіями и мѣрами революціонеровъ и въ особенности о мотивахъ, побудившихъ его принять участіе въ смутныхъ событіяхъ того времени. Заканчивая свой второй памфлетъ, Гамильтонъ—одна изъ благороднѣйшихъ личностей эпохи революціи—такъ выражаетъ свое негодованіе по поводу высказанныхъ по его адресу инсинуацій. „Чтобы ни думали о моихъ чувствахъ и намѣреніяхъ, клянусь Тѣмъ, Кого всевидящее око проникаетъ въ самые сокровенные уголки нашего сердца, что къ той роли, которую я принимаю въ текущихъ событіяхъ, меня не побуждаетъ никакой недостойный мотивъ, что, если я заблуждаюсь, то происходитъ это отъ заблужденій моего ума, а не сердца, что я искренно скорблю о противоестественной ссорѣ между метрополіей и ея колоніями что я пламенно жажду скорѣйшаго ихъ примиренія и наступленія, вѣчнаго и благотворнаго для обѣихъ сторонъ союза, что я горячій поклонникъ ограниченной (конституоіонной) монархіи *) и искренній доброжелатель нынѣ царствующаго дома. Однако я въ то же время убѣжденный защитникъ основныхъ правъ человѣчества и существеннѣйшихъ интересовъ общества. Политическую свободу я считаю величайшимъ изъ земныхъ благъ. Я глубоко, непоколебимн убѣжденъ, что все человѣчество имѣетъ право на такую свободу и что ея нельзя лишить никого, не совершивъ величайшаго и позорнѣйшаго преступленія. Я убѣжденъ также до глубины души, что лучшимъ средствомъ къ обезпеченію вѣчнаго и счастливаго союза между Великобританіей и ея колоніями надо считать предоставленіе послѣднимъ всей той свободы, которой онѣ желаютъ. Всякое ограниченіе ихъ свободы, всякое стремленіе владычествовать надъ ними въ томъ, въ чемъ онѣ не желаютъ никому повиноваться, явится источникомъ безконечныхъ неудовольствій и раздраженія... и, наконецъ, приведетъ къ попыткамъ тиранніи съ одной стороны, и возстанія—съ другой.

---

*) Т. е. не республиканецъ.

XIII.

Знаменитая рѣчь Патрика Генри на конвентѣ колоніи Виргинія (1775) и достопамятный „билль о правахъ“ того же конвента (1776).

Въ полные тревоги и возбужденія дни, предшествовавшіе окончательному и формальному разрыву съ Англіей, населеніе колоніи Виргинія избрало конвентъ (convention) для обсужденія вопроса объ отношеніяхъ къ метрополіи. Въ мартѣ 1775 г. всего за нѣсколько недѣль до стычки при Лексингтонѣ, когда фактически начались военныя дѣйствія между Англіей и ея американскими колоніями, собрался конвентъ представителей населенія Виргиніи. Силы противниковъ и сторонниковъ революціи были на этомъ собраніи почти одинаковы; во всякомъ случаѣ дебаты, происходившіе на конвентѣ, долго не приводили ни къ какому опредѣленному результату.

Такое положеніе столь важнаго и неотложнаго вопроса возбудило въ высшей степени патріотическія чувства уже пользовавшагося въ то время чрезвычайной популярностью и авторитетомъ виргинскаго адвоката Патрика Генри (Henry), который сталъ убѣждать собраніе немедленно готовиться къ войнѣ, произнеся по этому поводу рѣчь, которая осталась навсегда въ лѣтописяхъ ораторскаго искусства американцевъ и которую съ тѣхъ поръ съ благоговѣніемъ и восторгомъ читаютъ слѣдующія одно за другимъ поколѣнія американскихъ школьниковъ.

Говоря словами одного изъ тѣхъ, кто присутствовалъ въ этотъ достопамятный день на засѣданіи конвента, когда Патрикъ Генри кончилъ, „впечатлѣніе отъ его рѣчи было столь сильное, столь поражающее, что ни одно рукоплесканіе не огласило залы засѣданій, не было слышно ни малѣйшаго звука. Когда прошло та-

кимъ образомъ нѣсколько минутъ нѣмого восторга, часть членовъ собранія вскочили со своихъ мѣстъ. На всѣхъ губахъ можно было прочесть крикъ—„къ оружію“! во всѣхъ глазахъ свѣтился огонь порыва патріотическихъ чувствъ. Никто не желалъ больше говорить. Всѣ жаждали принять твердыя и безповоротныя рѣшенія дѣйствовать“. Вотъ эта знаменитая рѣчь человѣка, котораго американцы до сихъ поръ чтятъ, какъ одного изъ самыхъ горячихъ патріотовъ и какъ величайшаго изъ своихъ ораторовъ *).

Рѣчь Патрика Генри.

Г. Предсѣдатель. Человѣку весьма естественно поддаваться обманчивымъ иллюзіямъ надежды. Мы всѣ склонны закрывать глаза на непріятную правду и, наоборотъ, всегда готовы слушать голосъ сирены, пока эта сирена не обратится въ дикаго звѣря. Но, господа, такъ ли должны поступать благоразумные люди, защищая великое и трудное дѣло свободы? Неужели и мы, господа, относимся къ числу тѣхъ, кто, имѣя глаза, не видитъ, имѣя уши, не слышитъ всего того, что насъ такъ близко касается? Однако я по крайней мѣрѣ, какъ бы это ни было для меня тяжело и мучительно, хочу знать всю правду, не исключая вещей самыхъ непріятныхъ, самыхъ опасныхъ, я хочу все знать, чтобы принять заблаговременно мѣры.

Господа, мнѣ извѣстенъ только одинъ надежный руководитель, котораго я согласенъ слушать въ случаяхъ сомнѣній, и руководитель этотъ—есть опытъ. Я не знаю, господа, другого способа судить о будущемъ, кромѣ внимательнаго изученія прошедшаго. А если это такъ, если о будущемъ можно дѣлать предположенія, лишь исходя изъ прошедшаго, то я спросилъ бы васъ, господа, какія дѣйствія англійскаго правительства, совершенныя имъ за истекшія десять лѣтъ, могутъ сколько нибудь подтверждать надежды, которыми утѣшаютъ себя нѣкоторые изъ пред-

*) Какъ рѣчь Патрика Генри, такъ и большую часть только что приведенныхъ свѣдѣній объ обстоятельствахъ, при которыхъ была произнесена рѣчь, мы заимствовали изъ сборника, изданнаго старшимъ профессоромъ (head professor) политическихъ наукъ Чикагскаго университета H. Pratt Judson The Young American. A civic reader. New York.

шествовавшихъ ораторовъ и которыми они убаюкиваютъ другихъ членовъ конвента? Ужъ не коварныя ли улыбки (insidious smile), съ которыми была принята наша недавняя петиція? Не вѣрьте этому, господа: эта не больше, какъ приготовленная для васъ ловушка!

Господа, не позволяйте увлекать себя предательскими поцѣлуями! Подумайте, какъ можно помирить милостивый и благосклонный пріемъ, оказанный нашей петиціи, съ военными приготовленіями, совершающимися на нашихъ земляхъ и въ нашихъ водахъ! Или, можетъ быть, флоты и арміи нужны англійскому правительству для скорѣйшаго примиренія съ нами, для снисканія нашей любви? Неужели мы обнаружили такъ мало склонности къ примиренію, что любви нашей приходится добиваться силой?

Не будемъ же господа, обманывать себя! Вѣдь это орудія войны и порабащенія—послѣдніе аргументы, къ которымъ обращаются короли. Я бы спросилъ васъ, господа, для чего могутъ быть нужны всѣ эти военныя приготовленія, если не для того, чтобы принудить насъ къ повиновенію силой? Или, можетъ быть, вы объясняете себѣ это иначе? Но, господа, какіе же у Англіи есть еще враги въ Америкѣ, для которыхъ назначены находящіеся здѣсь англійскія суда и англійскіе полки? Такихъ другихъ враговъ нѣтъ. Противъ насъ, господа, направлены всѣ военныя и морскія силы Англіи, противъ насъ, а не противъ кого либо другого. Флотъ и армія посланы сюда, чтобы наложить на насъ оковы, давно уже приготовляемые для насъ англійскимъ правительствомъ. Чѣмъ же мы будемъ бороться съ нашими врагами? Противопоставимъ ли мы имъ рядъ аргументовъ въ доказательство справедливости своего дѣла? Но, вѣдь, господа, вотъ уже прошло десять лѣтъ въ такихъ діалектическихъ схваткахъ! Или, можетъ быть, у насъ теперь есть новыя доказательства, новые аргументы? Нѣтъ, все уже и не разъ было сказано. Мы стремились освѣтить вопросъ со всѣхъ рѣшительно сторонъ, и—что же!—все оказалось тщетно!

Неужели мы теперь обратимся къ просьбамъ, смиреннымъ мольбамъ? Что же мы можемъ сказать такого, что не было уже и безъ того много разъ сказано? Господа, умоляю васъ, не будемъ больше ласкать себя обманчивыми надеждами. Вѣдь мы

сдѣлали уже положительно все, что только могло предотвратить надвигавшуюся на насъ грозу. Мы обращались съ просьбами, мы посылали возраженія, мы обращались съ мольбами, мы, наконецъ, падали ницъ (we prostrated ourselves) передъ трономъ, мы взывали о его заступничествѣ, прося отвратить отъ насъ тираническія руки министровъ и парламента. Къ нашимъ петиціямъ отнеслись пренебрежительно, наши возраженія повели лишь къ усиленію притѣсненій и оскорбленій, на наши мольбы не обратили никакого вниманія и насъ оттолкнули съ презрѣніемъ отъ подножія трона!

Тщетно было бы послѣ этого убаюкивать себя сладкими мечтами о возможности мира и примиренія. Нѣтъ больше никакихъ основаній для такихъ надеждъ! Если мы желаемъ быть свободными, если мы хотимъ сохранить неприкосновенными тѣ неоцѣнимыя права, которыя мы отстаивали такъ долго отъ посягательствъ правительства Англіи, если мы не хотимъ подобно подлымъ трусамъ прекратить теперь же благородную борьбу, которую мы уже такъ долго ведемъ и которую мы обѣщались другъ другу не прекращать, пока не будетъ достигнута великая цѣль всѣхъ нашихъ усилій, мы должны сражаться! да, господа, я повторяю, мы должны сражаться! Намъ осталось теперь только взяться за оружіе и рѣшить споръ на полѣ брани.

Нѣкоторые ораторы говорили вамъ, господа, что мы слабы, что мы не въ состояніи вести борьбу со столь сильнымъ противникомъ. Но, господа, когда же мы будемъ сильные? Когда? На будущей недѣлѣ или въ будущемъ году? Или, можетъ быть, тогда, когда насъ успѣютъ обезоружить и поставятъ у каждаго дома англійскаго солдата? Или, можетъ быть, силу намъ придадутъ нерѣшительность и бездѣятельность? Или, наконецъ, наша способность оказать врагу активное и дѣйствительное сопротивленіе возрастетъ отъ того, что мы будемъ лежать на спинѣ, крѣпко прижимая къ себѣ обманчивый призракъ надежды, пока нашъ непріятель не свяжетъ насъ крѣпко по рукамъ и по ногамъ?

Нѣтъ, господа, мы не окажемся слабыми, если сумѣемъ надлежащимъ образомъ воспользоваться всѣми тѣми средствами, которыя сама природа даетъ намъ въ руки.

Трехмилліонный народъ, сражающійся за святое дѣло сво-

боды и ведущій эту борьбу при тѣхъ мѣстныхъ условіяхъ, въ какихъ мы находимся, непобѣдимъ, каковы бы ни были силы которыя выставитъ противъ насъ нашъ врагъ. Кромѣ того, господа, мы будемъ сражаться не одни. Есть еще въ мірѣ справедливый Богъ, отъ котораго зависятъ судьбы народовъ и который пошлетъ намъ друзей, которые будутъ сражаться за насъ. Не забывайте также и того, что не одной силой рѣшается исходъ борьбы, а также бдительностью, дѣятельностью, храбростью.

Наконецъ, господа, вѣдь собственно для насъ уже нѣтъ больше выбора. Если бы даже мы оказались настолько подлыми трусами, чтобы желать начать отступленіе, нельзя не видѣть, что время для этого рода желаній уже прошло. Да, теперь уже слишкомъ поздно уклоняться отъ борьбы. Отступленіе теперь возможно лишь при согласіи нашемъ на покорность и рабство! Цѣпи для насъ уже готовы! Ихъ бряцанье уже раздается вокругъ Бостона! Война неотвратима, господа, пойдемте же смѣло на врага! Да, господа, повторяю я, идемте, идемте на врага!

Не слѣдуетъ, господа, умалять серіозность переживаемаго кризиса. Между вами находятся ораторы, говорящіе о компромиссахъ, о примиреніи, но, господа, время такихъ рѣчей прошло безвозвратно! Война фактически уже началась. Ближайшій вихрь, несущійся съ сѣвера, можетъ быть, донесетъ до вашего слуха лязгъ бьющагося оружія! Наши братья уже выступили въ походъ! Зачѣмъ же мы здѣсь стоимъ праздно? Чего хотятъ эти люди, которые говорятъ вамъ о мирѣ? Неужели жизнь такъ дорога и миръ такъ сладокъ, что ихъ слѣдуетъ покупать даже цѣною кандаловъ и рабства? Сохрани насъ Богъ отъ такихъ мыслей! Я не знаю, какъ думаютъ другіе, что до меня касается, я не пощажу своей жизни для дѣла свободы!

Только что приведенная рѣчь Патрика Генри значительно содѣйствовало безповоротному разрыву съ Англіей тѣмъ болѣе, что Виргинія принадлежала къ самымъ старымъ и населеннымъ колоніямъ, и настроеніе ея имѣло большое вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ. Какъ мы увидимъ ниже, объявленіе Деклараціи Независимости американскимъ конгрессомъ состоялось по иниціативѣ делегатовъ Виргиніи на конгрессѣ, и са-

мая Декларація была составлена однимъ изъ делегатовъ Виргиніи (Том. Джефферсономъ).

О томъ настроеніи, которое въ изучаемую нами эпоху господствовало въ Виргиніи можно судить по приводимому ниже знаменитому Виргинскому биллю о правахъ, принятому конвентомъ колоніи Виргинія 12 іюня 1776 г., т. е. наканунѣ формальнаго объявленія независимости (4 іюля 1776 г.), и представляющему, какъ намъ кажется, величайшій интересъ въ качествѣ показателя высокаго поличическаго развитія, какого уже въ то время достигнули англичане, жившіе въ Америкѣ. Этотъ билль былъ принятъ конвентомъ (convention) колоніи Виргинія, собравшимися въ гор. Вилліамбургѣ 6 мая 1776 г. Билль былъ составленъ Дж. Мэзономъ (Mason) и только въ одномъ пунктѣ измѣненъ по предложенію Дж. Мадисона. „Другія колоніи составили свои билли о правахъ, имѣя въ виду свои отношенія къ Великобританіи“, говоритъ величайшій изъ американскихъ историковъ Банкрофтъ, „Виргинія же, игнорируя ссылки на хартіи и традиціи, основывала свои права на нѣкоторыхъ основныхъ и всеобщихъ политическихъ принципахъ... Въ своемъ протестѣ противъ всякой тиранніи она аппелировала къ вѣчнымъ законамъ, основывающимся на самой сущности человѣческой природы“. Можетъ быть самымъ замѣчательнымъ надо считать тотъ фактъ, что этотъ биллъ о правахъ вошелъ безъ всякихъ перемѣнъ въ послѣдовательныя конституціи штата Виргинія въ 1830, 1850 и 1864 года. Нѣкоторыя измѣненія въ биллѣ были сдѣланы только при послѣднемъ пересмотрѣ конституціи штата, происходившемъ въ 1870 года.

Декларація правъ.

Утвержденная *) представителями населенія Виргиніи, собравшимися въ полномъ составѣ на свободный (free) конвентъ, причемъ сіи права должны навсегда служить для населенія колоніи и его потомства основой организаціи правительственной власти.

1) Всѣ люди отъ природы одинаково свободны и независимы и имѣютъ извѣстныя прирожденныя права, каковыхъ они, вступая между собой въ какое-либо соглашеніе для образованія

*) Мы воспроизводимъ въ точности заглавіе этого важнаго политическаго документа.

общества, не могутъ никоимъ образомъ лишить своего потомства. Таково право на жизнь и свободу съ обезпеченіемъ возможности пріобрѣтать и владѣть собственностью, домогаться и обладать счастіемъ и безопасностью *).

2) Народъ есть верховный обладатель всякой власти; слѣдовательно всякая власть имѣетъ источникомъ волю народа. Лица, располагающія правительственной властью во всѣхъ ея формахъ, представляютъ собой довѣренныхъ лицъ (trustee) и слугъ народа и всегда могутъ быть призваны народомъ къ отвѣту.

3) Правительство существуетъ и должно существовать только для общаго блага, покровительства и безопасности народа (people), государства (nation) или общества. Изо всѣхъ различныхъ формъ правительства ту надо считать наилучшей, которая лучше всего обезпечиваетъ народное счастье и безопасность и которая представляетъ наиболѣе гарантій противъ дурного управленія. Когда же правительство оказывается несостоятельнымъ въ указанныхъ отношеніяхъ или когда оно дѣйствуетъ противъ указанныхъ прицциповъ, то большинство народа имѣетъ несомнѣнное, неотъемлемое и безспорное право реформировать измѣнить или даже уничтожить правительство (reform alter or abolish), поступая въ этомъ случаѣ такимъ образомъ, какъ это окажется нужнымъ для достиженія общаго блага народа.

4) Ни одинъ человѣкъ и ни одна группа лицъ не имѣютъ права на какія либо преимущества или привилегіи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда таковыя получаются въ награду за общественныя заслуги; такъ какъ однако заслуги не могутъ передаваться потомству, то не могутъ передаваться потомству и какія либо должности—административныя, судебныя или законодательныя.

5) Законодательная, исполнительная и судебная власти должны быть раздѣльны. Для того чтобы лицъ, облеченныхъ той или другой изъ этихъ властей, удержать отъ всякихъ попытокъ притѣснять народъ, заставляя и ихъ испытывать въ свою очередь на себя всѣ тягости, которыя несетъ народъ, надле-

*) Здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ мы старались возможно точнѣе воспроизвести форму и выраженія переводимыхъ нами документовъ, хотя вполнѣ сознаемъ, что это нѣсколько отражается на литературныхъ достоинствахъ перевода.

жить, чтобы всякое лицо, облеченное властью, через извѣстные заранѣе опредѣленные періоды уступало эту власть другим и возвращалось в среду народа. Всѣ открывающіяся таким образом вакансіи должны быть замѣщаемы путем частных выборов, совершающихся через опредѣленные промежутки времени, при чем закон должен установить в каких случаях и какая часть прежних должностных лиц может быть избираема вновь.

6) Всѣ выборы должны быть свободны, и всѣ лица (men), относительно которых можно с очевидностью считать, что они имѣют прочные общіе интересы (common interest) и прочную связь с обществом (community), должны имѣть право голоса. Они не могут быть облагаемы налогами, как и не могут быть лишаемы той или другой части своего достоянія на общественныя нужды, без их на то согласіе, даннаго лично или через посредство избранных ими представителей. Равным образом эти лица не могут быть обязываемы к повиновенію законам, на которые они не дали указанным способом своего согласія.

7) Всякое распоряженіе, отмѣняющее тот или иной закон или пріостанавливающее его дѣйствіе, изданное какой бы то ни было властью без согласія народных представителей, есть посягательство на народныя права и не должно никогда имѣть мѣста.

8) При обвиненіи уголовнаго характера всякій имѣет право требовать, чтобы ему указали характер и содержаніе обвиненія, поставили на очную ставку с обвинителями и свидѣтелями. Всякому обвиняемому должно принадлежать право вызывать свидѣтелей со своей стороны; всякій обвиняемый имѣет право требовать быстраго суда безпристрастным судом присяжных из лиц, живущих в той же мѣстности, при чем виновным должно считать только того, вину котораго единогласно признали всѣ двѣнадцать присяжных. Никого нельзя заставить давать показанія против самаго себя. Никто не может быть лишаем свободы иначе, как на точном основаніи закона.

9) Не слѣдует требовать слишком больших залогов (bail) в случаѣ временнаго оставленія обвиняемаго на свободѣ, равно как и не слѣдует карать чрезмѣрными штрафами или налагать жестокія или необычныя наказанія.

10) Всякія предписанія общаго характера (general warrants), въ силу которыхъ тому или иному агенту власти предлагается подвергнуть осмотру подозрительныя мѣста безъ точнаго указанія факта, подавшаго основаніе для такого осмотра, или арестовать то или иное лицо или тѣхъ иныхъ лицъ, точно не поименованныхъ, или такихъ лицъ, преступленіе которыхъ не обозначено точно и не обосновано указаніемъ на факты, свидѣтельствующія о совершенномъ этими лицами преступленіи, всѣ такія предписанія являются зломъ и преступленіемъ по отношенію къ народу не должны вовсе имѣть мѣста.

11) Во всѣхъ гражданскихъ тяжбахъ (controversies respecting property), равно какъ и вообще во всѣхъ судебныхъ дѣлахъ старинный судъ двѣнадцати присяжныхъ слѣдуетъ предпочитать всякому иному; онъ долженъ считаться священнымъ правомъ человѣка.

12) Свобода печати есть одинъ изъ величайшихъ устоевъ свободы политической, почему всякое ограниченіе печати слѣдуетъ считать актомъ тиранніи.

13) Хорошо организованная народная милиція, должнымъ образомъ обученная, есть наиболѣе подходящая, естественная и надежная опора свободнаго государства. Слѣдуетъ избѣгать содержанія постоянной арміи въ мирное время въ виду представляемой ею опасности для народной свободы. Военная власть должна быть во всѣхъ случаяхъ подчинена гражданской и дѣйствовать лишь по ея указаніямъ.

14) Все населеніе той или иной страны должно въ отношеніи политическомъ имѣть одинаковыя права и подлежать вѣдѣнію общихъ властей, почему у насъ въ Виргиніи не можетъ быть допущена организація для тѣхъ или иныхъ областей штата особаго управленія, дѣйствующаго независимо отъ общихъ властей штата или несогласно съ общими правилами управленія штата.

15) Ни одинъ народъ не можетъ наслаждаться благами свободнаго правительства и вообще благами свободы, если не будетъ твердо держаться принциповъ справедливости, умѣренности, простоты и добродѣтели.

16) Религія, обязанности наши къ Творцу и способы выполненія этихъ обязанностей есть дѣло разума и убѣжденія, а не

силы или насилія, а посему всѣ люди имѣютъ одинаковое право исполнять свои религіозныя обязанности согласно указаніямъ своей совѣсти. Въ то же время всѣ должны помнить свой долгъ относиться другъ къ другу съ христіанской терпимостью, любовью и милосердіемъ.

XIV.

Сатирическія произведенія виговъ наканунѣ объявленія независимости (1775—1776 гг.).

Какъ мы уже упоминали выше *), день 19 апр. 1775 года можно считать началомъ фактической войны между Англіей и ея колоніями. Въ этотъ день генералъ Гэджъ, занимавшій своими войсками Бостонъ, узнавъ, что въ мѣстечкѣ Конкордѣ, въ 30 верстахъ отъ Бостона, находится складъ военныхъ запасовъ, заготовленныхъ населеніемъ Массачузэтса, послалъ туда военный отрядъ для уничтоженія этихъ запасовъ. По дорогѣ туда англійскіе солдаты встрѣтили американскихъ милиціонеровъ при Лексингтонѣ и, такъ какъ американцы не хотѣли по приказанію англійскаго командира разойтись и выдать оружіе, англичане выстрѣлили въ нихъ и убили нѣсколько человѣкъ. Придя въ Конкордъ, англичане уничтожили военные запасы, выбросили въ рѣку заготовленную муку, порохъ и снаряды. Въ это время, однако, все окрестное населеніе поднялось на ноги и, не имѣя возможности вступать въ формальное сраженіе съ регулярными войсками, число которыхъ послѣ присоединенія подкрѣпленія перешло за тысячу при двухъ пушкахъ, устроило по дорогѣ засады за деревьями, за заборами, въ домахъ и т. п. и провожало англійскія войска мѣткими выстрѣлами. Уронъ, который потерпѣли, такимъ образомъ, англичане, былъ весьма значителенъ, смѣлость же американцевъ такъ велика, что поспѣшное отступленіе англійскихъ солдатъ подъ конецъ обратилось чуть не въ бѣгство. Потери англичанъ дошли почти до трехсотъ убитыхъ и

*) См. послѣднее примѣчаніе къ главѣ XI.

раненыхъ. Послѣ этого случая англичане убѣдились самымъ очевиднымъ образомъ, что имъ придется имѣть дѣло съ серьезнымъ непріятелемъ, и войска, занимавшія Бостонскую крѣпость, очутились въ положеніи осажденныхъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ врагами.

Можно себѣ представить, какое громадное впечатлѣніе произвели событія 19 апрѣля на все населеніе Америки, какъ они подняли нравственныя силы американцевъ. Англичанъ же такое сопротивленіе американцевъ просто ошеломило: такъ велико было ихъ презрѣніе къ военнымъ качествамъ тѣхъ, кого они называли „американскими мужиками". Въ самомъ дѣлѣ, незадолго передъ этимъ, одинъ изъ англійскихъ министровъ графъ Сандвичъ сказалъ однажды въ палатѣ лордовъ, что „стоитъ только выстрѣлить изъ пушки, и всѣ американцы разбѣгутся безъ оглядки въ разныя стороны", что никогда американцы „не рѣшатся стать лицомъ къ лицу съ англійскими войсками".

Надо сказать, что американцы также потерпѣли въ этотъ роковой день значительный ущербъ: между ними оказалось до ста убитыхъ и раненыхъ. Вѣсть о гибели этихъ первыхъ жертвъ революціоннаго движенія скоро облетѣла всѣ колоніи и, конечно, содѣйствовала усиленію партіи революціонеровъ и паденію духа среди сторонниковъ примирительной политики съ метрополіей

Раздраженіе противъ Англіи выразилось и въ литературѣ появленіемъ ряда сатирическихъ произведеній, осмѣивавшихъ англичанъ или ихъ почитателей—лойялистовъ.

Одной изъ такихъ сатиръ, получившихъ самое широкое распространеніе, была анонимная поэма въ стихахъ, подъ названіемъ „Регулярныя войска Его Величества и ихъ побѣда надъ милиціонерами" *).

Вотъ нѣсколько стиховъ изъ этой пѣсни:

„Такъ какъ вы всѣ просите отъ меня пѣсни, я не могу вамъ въ этомъ отказать и спою вамъ о подвигахъ регулярныхъ войскъ Его Величества, которыя никогда еще ни передъ кѣмъ не отступали"...

. . . .

„Никто лучше насъ не ходитъ на смотрахъ, мы маршируемъ,

*) Описываются событія въ Конкордѣ и Лексингтонѣ.

строимся, равняемся — просто заглядѣнье. Георгъ *) захотѣлъ посмотрѣть, какъ мы деремся на войнѣ, и что же—мы и воюемъ всѣмъ на диво—прочтите-ка объ этомъ въ газетахъ“

. . . .

„Георгу надоѣли смотры; онъ слышалъ, что многіе великіе короли прославились подавленіемъ народныхъ возстаній, захотѣлось и ему возстанія, — да на бѣду никто не возстаетъ, онъ и рѣшилъ самому толкнуть народъ на мятежъ.

„Изъ своихъ подданныхъ Георгъ выбралъ американцевъ (yankees), потому что думалъ, что они не рѣшатся драться. Онъ послалъ насъ, солдатъ, отнять у нихъ права, но чтобы мы не испортили своихъ мундировъ, онъ просилъ всѣхъ своихъ собратьевъ—другихъ королей,—не продавать пороха американскимъ трусамъ“ **).

„Нашъ генералъ со своимъ совѣтомъ долго обсуждалъ, какъ бы ему поразить какою-нибудь неожиданностью проклятыхъ янки. И въ самомъ дѣлѣ, мы двинулись въ походъ и вернулись тотчасъ назадъ, будучи совершенно неожиданно разбиты. Такъ съ полнымъ успѣхомъ осуществился планъ нашего мудраго генерала“.

„Двадцать верстъ американцы слѣдовали за нами и стрѣляли въ насъ, а у насъ не было даже времени спустить курокъ, но за то можно-ли во всей исторіи указать примѣръ такого же великолѣпнаго отступленія? Мы совершили его въ два часа, и это спасло насъ отъ гибели: трудность нашего похода была не въ томъ, чтобы пойти на непріятеля, а въ томъ, чтобы добраться назадъ цѣлыми“...

. . . .

„Нашъ генералъ всѣмъ говоритъ, что американцы стрѣляли изъ-за заборовъ и загородокъ... Вѣдь, дѣло такъ просто: каждая загородка имѣетъ двѣ стороны, они пользовались одной, а мы забыли воспользоваться другой. То, что мы повернулись спиной и побѣжали такъ быстро, также ничего не значитъ: все это было

*) Разумѣется Георгъ III, англійскій король.

**) Здѣсь намекается на требованія Англіи, чтобы ни одно изъ нейтральныхъ государствъ Европы не продавало военныхъ принадлежностей мятежнымъ англійскимъ подданнымъ. Франція, однако, сначала тайно, а затѣмъ открыто помогала повстанцамъ.

сдѣлано для того, чтобы доказать вѣрность предсказаній графа Сандвича, что янки не могутъ стоять лицомъ къ лицу съ нами".

„Въ самомъ дѣлѣ, разъ янки не могли перегнать насъ, то какъ же имъ было стать къ намъ лицомъ; да мы и старались, чтобы этого не случилось, и потому удирали со всѣхъ ногъ. Теперь, кажется, всѣмъ ясно, что янки хвалиться не приходится, потому что, если за ними остался перевѣсъ въ борьбѣ, то за нами остался перевѣсъ въ бѣгѣ".

Мы не находимъ возможнымъ знакомить читателя съ рядомъ другихъ сатирическихъ произведеній, вызванныхъ первыми актами борьбы съ Англіей, такъ какъ всѣ они полны намековъ на разныхъ лицъ и на разныя событія того времени, вслѣдствіе чего для каждаго изъ нихъ потребовалось бы длинное введеніе *) и рядъ комментарій. Скажемъ лишь, что наиболѣе талантливымъ и наиболѣе популярнымъ изъ нихъ была вышедшая въ январѣ 1776 г. сатира (въ стихахъ) Джона Тромболля (Trumbull) подъ названіемъ „Мак-Фингалъ", гдѣ представленъ типъ хвастливаго, раболѣпствующаго передъ англійскими властями лойялиста, сторонника безусловнаго повиновенія парламенту, человѣка отвернувшагося съ пренебреженіемъ отъ движенія, затѣяннаго, по его мнѣнію, американскими разночинцами и направленнаго противъ непобѣдимой въ своемъ могуществѣ націи, въ которой руководящая роль принадлежитъ не какимъ-нибудь „выскочкамъ", „голоштанникамъ", а разнымъ лордамъ, герцогамъ, графамъ, блистающимъ какъ своими титулами, такъ и громкими аристократическими фамиліями.

Успѣхъ этой сатиры былъ огромный, число изданій сатиры, не перестававшей занимать и увлекать американцевъ не только во все время войны съ Англіей, но даже долгое время послѣ окончанія ея, доходитъ до сорока. Такимъ образомъ, какъ справедливо говоритъ проф. Тайлеръ, „сатира „Мак-Фингалъ" была одной изъ тѣхъ силъ, которыя породили массовое движеніе мы-

*) Подобно тому, какъ и для выясненія смысла и значенія сатиры, приведенной частію въ настоящей главѣ, намъ пришлось описать событія 19 апрѣля 1775 года, хотя изложеніе хода американской революціи не входитъ въ задачи нашего труда.

слей и страстей, движеніе, сдѣлавшее возможнымъ окончательное торжество, такъ называемой американской революціи“.

Другой такой же громадной силой, дѣйствовавшей въ томъ же направленіи, были произведенія знаменитаго Том. Пэна (Paine), характеристикѣ дѣятельности котораго посвящена слѣдующая глава.

XV.

Томасъ Пэнъ и обстоятельства появленія его знаменит памфлета (1776 г.).

1 ноября 1774 года пріѣхалъ въ Филадельфію ан нинъ Том. Пэнъ (Paine), человѣкъ уже не первой мол (38 лѣтъ). Немного онъ привезъ съ собой багажа и ец меньше денегъ, а потому, имѣя твердое намѣреніе пробит дорогу въ новомъ свѣтѣ, онъ долженъ былъ разсчитывать на свой умъ, спѣша найти себѣ работу, преимущественно менныхъ занятій, педагогической дѣятельности или ме, земель" *). Выручило его рекомендательное письмо клина, которымъ тотъ удостовѣрялъ, что податель письма вѣкъ весьма способный и достойный", и просилъ не ему, по крайней мѣрѣ, въ „совѣтѣ и вниманіи".

Надо сказать, что до тѣхъ поръ жизненная карье „весьма способнаго и достойнаго человѣка" была неудачна, чтобы не сказать болѣе. Будучи сыномъ ко (staymaker) въ небольшомъ англійскомъ городкѣ, П взятъ 13 лѣтъ изъ школы для занятія отцовскимъ р которое, однако, скоро надоѣло живому, предпріимчиво Въ теченіе своей жизни Пэнъ нѣсколько разъ бросал месло и затѣмъ снова за него принимался, служилъ акцизѣ и оба раза лишался мѣста за недостаточн исполненіе своихъ обязанностей, которыя, повидимому.

---

*) Какъ это значилось въ рекомендательномъ письмѣ В которое привезъ съ собой въ Америку Т. Пэнъ.

особенно ему нравились. Такимъ образомъ, къ 40 годамъ Пэнъ перепробовалъ много занятій, но ни на одномъ изъ нихъ не остановился. Будучи всего 22 лѣтъ, Пэнъ женился, но овдовѣлъ черезъ годъ; во второй разъ Пэнъ женился въ 1771 году, т. е. за три года до своего отъѣзда въ Америку. Не задолго передъ этимъ отъѣздомъ Пэнъ, лишившись вторично своего мѣста въ акцизѣ и всего своего имущества, проданнаго за долги, разошелся и со своей женой. Супруги разошлись по полюбовному соглашенію, такъ какъ, повидимому, обѣ стороны смотрѣли на эту разлуку не какъ на довершеніе своихъ несчастій, а скорѣе какъ на обстоятельство, нѣсколько смягчавшее всѣ другія непріятности, выпавшія на долю того или другого изъ нихъ *).

Итакъ, въ ноябрѣ 1774 г. Пэнъ пріѣхалъ въ Филадельфію. Благодаря рекомендаціи Франклина, Пэну скоро удалось попасть въ лучшее общество этого города. Въ мартѣ 1775 года Пэнъ уже писалъ въ Лондонъ Франклину, что у него „много друзей“, что „многіе джентльмены“ предлагали ему весьма выгодныя условія въ качествѣ воспитателя ихъ дѣтей, и что онъ помогаетъ одному книгопродавцу въ редактированіи новаго журнала.

Однако, Пэну предстояло въ скоромъ времени пріобрѣсти такую славу, о какой онъ, вѣроятно, никогда и не мечталъ, — не воспитаніемъ дѣтей и не редактированіемъ журналовъ, а собственными литературными произведеніями. Замѣчательно при этомъ, что, Пэнъ, вѣроятно, самъ не подозрѣвалъ въ себѣ талантовъ къ литературной дѣятельности, хотя, кажется, по части признанія за собой разныхъ талантовъ и добродѣтелей Пэнъ особой скромностью не отличался. Какъ бы то ни было, до пріѣзда въ Америку, Пэнъ не написалъ ничего сколько-нибудь заслуживающаго вниманія и, говоря его словами, „не напечаталъ ни строки“.

Въ первый годъ своего пребыванія въ Филадельфіи Пэнъ въ качествѣ живого и любознательнаго иностранца, существуя пре-

---

*) Считаемъ нужнымъ сообщить читателю, что настоящая глава представляетъ собой, за немногими исключеніями, переводъ наиболѣе существенныхъ частей одной изъ главъ сочиненія проф. Тайлера. Къ этому насъ побудило сознаніе важности и оригинальности роли Пэна въ американской революціи, вслѣдствіе чего мы хотѣли характеризовать эту роль авторитетными словами проф. Тайлера.

имущественно на свой литературный заработокъ въ „Pennsylvania Magazine“, ходилъ по книжнымъ лавкамъ, заводилъ знакомство съ выдающимися гражданами города, а когда въ маѣ 1775 г. въ Филадельфіи собрался второй континентальный конгрессъ, то и съ выдающимися людьми остальныхъ колоній, съѣхавшимися на этотъ конгрессъ. Пэнъ былъ принятъ, какъ свой человѣкъ, въ семьѣ Франклина и нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ лицъ. Онъ сумѣлъ заинтересовать своими оригинальными философскими и политическими взглядами Джона Адамса, который въ качествѣ члена конгресса жилъ въ то время въ Филадельфіи и въ своихъ письмахъ отзывался весьма благосклонно и даже лестно о Пэнѣ. Впослѣдствіи, черезъ много лѣтъ, Адамсъ отзывался о Пэнѣ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, говоря, что тотъ, пріѣхавъ въ Америку, „старался попасть во всякое общество, гдѣ только на него обращали какое нибудь вниманіе, и бѣгалъ всюду, куда могъ, чтобы узнать что-нибудь объ американскихъ дѣлахъ“.

Если это было такъ, то можно только сказать, что едва ли Пэнъ могъ найти лучшее употребленіе для своего времени и для своего ума. Пріѣхавъ въ Америку въ началѣ великаго революціоннаго движенія, примкнувъ всей душой къ родственному народу, политическія стремленія котораго вызывали въ немъ величайшую симпатію, Пэнъ едва ли могъ чѣмъ нибудь лучше подготовить себя къ возможному содѣйствію великому движенію, какъ бесѣдами съ тѣми самыми людьми, которые были призваны руководить имъ. Пэнъ тщательно собиралъ, гдѣ только могъ, разные факты и мнѣнія. Онъ старался сдѣлаться американцемъ душой и тѣломъ, проникнуться умомъ и сердцемъ тѣми идеалами, которые волновали американскій народъ...

Въ самомъ дѣлѣ, Пэнъ пріѣхалъ въ Америку въ эпоху крайняго народнаго возбужденія. Первый американскій конгрессъ только что окончилъ свои труды (1774). Выработанныя имъ мѣры борьбы съ Англіей посредствомъ прекращенія торговыхъ сношеній съ ней были предметомъ страстныхъ споровъ во всѣхъ колоніяхъ. Подобно большинству самихъ американцевъ и Пэнъ до 19 апрѣля 1775 года считалъ возможнымъ мирное окончаніе распри и искренно желалъ примиренія метрополіи съ ея колоніями. Вотъ какъ онъ самъ нѣсколько лѣтъ спустя

характеризовалъ свои политическіе взгляды въ первое время по пріѣздѣ въ Америку. „Мнѣ пришлось пріѣхать въ Америку за нѣсколько мѣсяцевъ до начала непріязненныхъ дѣйствій. Американскій народъ я засталъ въ такомъ настроеніи, что его можно было вести на шнуркѣ и направлять при помощи указки... Правда, американцы были очень подозрительны, но ихъ привязанность къ Англіи была всетаки весьма сильна: говорить противъ Англіи считалось между ними чуть не измѣной. Американцы не любили англійскихъ министровъ, но уважали англійскій народъ; въ ихъ неудовольствіи не было ожесточенія, и единственной ихъ цѣлью было по возможности скорѣе придти къ соглашенію съ метрополіей“.

„Какъ ни плохо было мое мнѣніе о министерствѣ, я не считалъ его настолько безразсуднымъ и настолько гнуснымъ, чтобы оно могло начать непріязненныя дѣйствія; еще дальше былъ я отъ предположенія, что англійскій народъ можетъ одобрить такую политику. Самая распря мнѣ представлялась какъ бы судебнымъ процессомъ, въ которомъ стороны, казалось мнѣ, сумѣютъ придти къ какомунибудь полюбовному соглашенію. Я не думалъ о возможности войны, или независимости Америки. А если бы мнѣ кто-нибудь сказалъ въ то время, что я буду солдатомъ или памфлетистомъ *), я бы только разсмѣялся такому человѣку въ глаза. Если у меня и были способности къ той или другой изъ этихъ дѣятельностей, онѣ были скрыты во мнѣ и скрытыми продолжали бы оставаться, если бы обстоятельства не вызвали ихъ наружу“.

Таково, несомнѣнно, было настроеніе Пэна въ началѣ 1775 года. Но, когда произошли роковыя событія весною того же года, многіе американцы пришли къ убѣжденію, что нѣтъ другого надежнаго окончанія распрямъ съ метрополіей, кромѣ полной независимости, отъ которой тѣ же американцы еще недавно такъ искренно открещивались. Къ числу такихъ американцевъ надо отнести и Том. Пэна. Тщательно изучая происходящія событія, вращаясь непрерывно среди наиболѣе выдающихся американскихъ дѣятелей, оно глубоко проникся идеями, волновавшими американскій народъ и, въ январѣ 1776 года, выразилъ свои

---

*) Author, т. е. буквально „авторомъ“ или писателемъ.

мысли по вопросу объ отношеніяхъ Америки къ метрополіи въ блестящемъ памфлетѣ, вышедшемъ въ Филадельфіи, подъ названіемъ „Здравый смыслъ“ *).

Прежде чѣмъ приступить къ изученію этого памфлета, составившаго эпоху въ революціонномъ движеніи (this epoch-making pamphlet, какъ говоритъ проф. Ткйлеръ) и провозгласившаго въ первый разъ безусловную, неотложную необходимость полнаго и безповоротнаго разрыва съ Англіей, въ высшей степени важно бросить бѣглый взглядъ на отношеніе къ этому вопросу общественнаго мнѣнія въ Америкѣ до появленія памфлета Пэна. Всякій, кто вздумалъ бы внимательно ознакомиться со статьями, появившимися между 1765 и 1775 гг. въ американскихъ газетахъ и журналахъ, равно какъ и съ вышедшими тогда же отдѣльными сочиненіями, такъ или иначе касавшимися вопроса объ отношеніяхъ къ Англіи, былъ бы пораженъ тѣмъ фактомъ, что всегда и вездѣ въ такихъ сочиненіяхъ совершенно отвергается идея политической независимости. Почти всѣ наиболѣе талантливые публицисты партіи виговъ—Дж. Отисъ, Дан. Дьюлани, Дж. Дикинсонъ н Ал. Гамильтонъ—отвергали идею независимости. Конгрессъ делегатовъ американскихъ колоній, собравшійся для протеста противъ гербоваго сбора (stamp act congress въ 1765 году), торжественно заявилъ, что онъ считаетъ связь съ Англіей „великимъ благомъ“ для Америки и „желаетъ искреннѣйшимъ образомъ“, чтобы эта связь „никогда не прекращалась“... Въ іюнѣ 1774 года законодательное собраніе колоніи Массачузэтсъ, гдѣ всегда была особенно сильна партія виговъ, въ своей инструкціи делегатамъ, посланнымъ на первый континентальный конгрессъ, писало, что „возстановленіе добрыхъ отношеній между Великобританіей и ея „колоніями“ составляетъ „предметъ пламеннаго желанія всѣхъ добропорядочныхъ людей въ Америкѣ“ **). Первый континентальный конгрессъ

*) Памфлетъ Пэна имѣетъ очень длинное названіе: „Здравый смыслъ о слѣдующихъ любопытныхъ предметахъ: 1) о происхожденіи и задачахъ правительственной власти съ краткими замѣчаніями объ англійской конституціи, 2) о монархіи и наслѣдственной передачѣ власти, 3) мысли о современномъ состояніи американскихъ дѣлъ, 4) современные рессурсы Америки и нѣкотораго рода иныя разнообразныя замѣчанія“, Это—дословный переводъ заглавія памфлета.

**) By all good men.

въ своей петиціи королю отъ 26 окт. 1774 г. выражалъ самыя вѣрноподданническія чувства... „Мы всегда будемъ стремиться“,— писалъ конгрессъ,—„сохранить нашу связь съ Великобританіей, равно какъ и верховную власть Вашего Величества надъ Америкой“... Даже второй континентальный конгрессъ, собравшійся уже послѣ роковыхъ событій, происшедшихъ въ апрѣлѣ и іюнѣ 1775 года *), въ своей почтительной петиціи королю, обвиняя министровъ въ томъ, что они своими распоряженіями вызвали начало непріязненныхъ дѣйствій, въ то же время писалъ, что американцы тѣмъ не менѣе ничего другого не желаютъ, кромѣ „востановленія мира и согласія съ метрополіей“. Амерzканцы, сражавшіеся при Конкордѣ и Кенсингтонѣ, сочли бы за клеветниковъ тѣхъ, кто сталъ бы увѣрять ихъ въ то время, что они борются за независимость Америки. 6 іюля 1775 г. конгрессъ, который уже назначилъ Вашингтона главнокомандующимъ американской арміи, издалъ декларацію, въ которой, изложивъ причины, побудившія его сдѣлать столь рѣшительный шагъ, въ то же время прибавлялъ: „для того, чтобы эта декларація не вызывала безпокойства среди нашихъ друзей и согражданъ, живущихъ въ разныхъ концахъ англійской имперіи, мы заявляемъ, что мы отнюдь не желаемъ порывать столь долгой и столь счастливой связи съ метрополіей, а желаемъ, напротивъ, возстановить ее. Мы подняли оружіе вовсе не подъ вліяніемъ честолюбаго замысла основать самостоятельное государство“. Когда, черезъ нѣсколько дней, эта деклараиія была прочитана (американскимъ) войскамъ генерала Путнама на смотру около Бостона, то они трижды крикнули „ура“ „вѣрно“ („amen“, т. е. аминь или „да будетъ такъ“) при чтеніи того мѣста деклараціи, гдѣ призывалась помощь Всевышняго „для скорѣйшаго примиренія съ противниками на сколько нибудь разумныхъ основаніяхъ“. Джефферсонъ въ письмѣ къ одному своему родственнику, написанномъ почти три мѣсяца спустя послѣ сраженія при Bunker Hill, говорилъ, что онъ „ждетъ съ нетерпѣніемъ того времени, когда состоится, наконецъ, примиреніе съ Англіей“.

Вотъ каково, слѣдовательно, было отношеніе американцевъ

*) Въ іюнѣ 1775 г. произошли схватки англійскихъ войскъ, фактически запертыхъ въ Бостонѣ, съ американской милиціей въ окрестностяхъ этого города при т. наз. Bunker Hill.

всѣхъ классовъ и всѣхъ партій къ вопросу о независимости въ тѣ десять или двѣнадцать лѣтъ, пока подготовлялось революціонное движеніе. Въ одномъ отношеніи и тори, и виги были долго совершенно согласны: и тѣ, и другіе отвергали всякую мысль о независимости. И вотъ въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ среди виговъ произошла рѣшительная перемѣна взглядовъ: они прямо и открыто стали выставлять своей задачей достиженіе той самой независимости, отъ которой они еще такъ недавно открещивались. Однимъ изъ важнѣйшихъ событій, содѣйствовавшихъ такой перемѣнѣ, было появленіе въ январѣ 1776 г. памфлета Пэна „Common Sense“ или „Здравый Смыслъ“ *).

Названіе для памфлета было выбрано весьма удачно: дѣйствительно, онъ представлялъ собой попытку разрѣшить простымъ здравымъ смысломъ довольно спеціальный, очень сложный, не терпѣвшій отлагательства и крайне возбуждавшій умы вопросъ, входящій въ сферу конституціоннаго права. Впрочемъ, авторъ памфлета, въ сущности, и не былъ компетентенъ разрѣшать этотъ вопросъ на какой-нибудь иной почвѣ, такъ какъ онъ былъ поразительно невѣжественъ (ludicrously ignorant) **) въ юридическихъ или политическихъ наукахъ и даже въ исторіи Англіи или Америки. Но для изложенія какого-нибудь вопроса, который можно было разобрать простымъ здравымъ человѣческимъ смысломъ, присущимъ

*) Было бы неосновательно думать, что такое значеніе памфлету Пэна придаетъ лишь проф. Тайлеръ. Вотъ какъ выражается, напр., проф. A. Johnston въ цитированномъ выше трудѣ, описывая колебанія американцевъ: „Т. Пэнъ повернулъ чашку вѣсовъ изданіемъ своего памфлета, который былъ прочитанъ всѣми... Открытое стремленіе къ независимости начинается съ выхода памфлета Пэна“. (9 янв. 1776 г.). The United States, стр. 64. См. также существующее въ русскомъ переводѣ сочин. проф. Э. Чаннинга. Исторія Соед. Штатовъ, 1897, стр. 92.

**) Т. е. буквально „до смѣшного невѣжественъ“. Ознакомившись съ сочиненіями Пэна, относящимися къ американской войнѣ за независимость, мы съ своей стороны были поражены блестящей формой изложенія Пэна, тонкостью нѣкоторыхъ его замѣчаній, глубиной и силой выражаемыхъ имъ чувствъ. Конечно, Пэнъ не былъ глубоко образованнымъ человѣкомъ даже и для своего времени, но „невѣжественнымъ“ въ томъ или иномъ отношеніи можетъ его назвать развѣ лишь *современный* ученый, посвятившій, подобно проф. Тайлеру, всю жизнь изученію какой-нибудь одной болѣе или менѣе широкой области знаній и окруженный всѣми удобствами для научныхъ занятій.

всякому человѣку чувствомъ правды и чувствомъ мѣры, вѣроятно въ Америкѣ не было никого, кромѣ развѣ Франклина, кого можно было бы сравнить съ этимъ недоучившимся (ill-taught), увлекающимся, горячимъ англичаниномъ.

Итакъ Пэнъ вопросъ, который разбирался до тѣхъ поръ преимущественно съ точки зрѣнія права, перенесъ на судъ здраваго смысла и въ своемъ краснорѣчивомъ памфлетѣ никогда не сходилъ съ этой почвы, никогда не вдавался ни въ какія юридическія или другія тонкости. Задачей его—задачей того времени—было убѣдить зауряднаго американца, что теперь уже просто смѣшно держаться еще англійскаго подданства, что пришла пора сдѣлаться американскимъ гражданиномъ, что иначе могутъ думать развѣ только педанты, повторяющіе разный вздоръ о прерогативахъ англійскихъ королей и т. п., что, наконецъ, теперь, когда Англія обнажила мечъ, въ сущности нѣтъ другого выбора кромѣ позорнаго и тягостнаго подчиненія метрополіи или борьбы за національную независимость.

XVI.

Главное литературное произведеніе эпохи революціи.

(Памфлетъ Пэна „Здравый смыслъ“).

„Можетъ быть“, такъ начинается введеніе къ знаменитому памфлету Пэна, „мысли развиваемыя на послѣдующихъ страницахъ *еще* (курсивъ подлинника) недостаточно назрѣли, чтобы придтись большинству по вкусу. Когда какое нибудь учрежденіе долгое время не считается *несправедливымъ*, оно пріобрѣтаетъ внѣшній характеръ учрежденія *справедливаго*. *) Такимъ образомъ, когда затѣмъ на него начинаются нападки, на нападающихъ сыпятся потоки оскорбленій, какъ на людей подрывающихъ освященныя традиціей устои. Однако негодованіе быстро охладѣваетъ. Время больше дѣлаетъ прозелитовъ (converts — обращенныхъ), чѣмъ самые убѣдительные доводы разума.

Такъ какъ продолжительное и сильное злоупотребленіе властью, вообще говоря, приводитъ наконецъ къ тому, что люди, начинаютъ подвергать сомнѣнію самое право на такую власть, такъ какъ

---

*) Здѣсь, какъ и во всѣхъ послѣдующихъ частяхъ памфлета Пэна, мы оставляемъ курсивъ подлинника. Свое извлеченіе изъ памфлета Пэна мы заимствуемъ не изъ сочиненія проф. Тайлера, а изъ лучшаго и позднѣйшаго изданія сочинении Т. Пэна. Writings of Th. Paine edited by Moncure Daniel Conway, vol 1, 1894 New York (Проф. Тайлеръ дѣлаетъ сравнительно небольшое извлеченіе изъ памфлета въ виду существованія въ Америкѣ нѣсколькихъ полныхъ собраній сочиненій Пэна).

англійскій король въ силу *принадлежащаго ему* права поддерживаетъ притязанія парламента на якобы *принадлежащія ему* (парламенту) права, такъ какъ населеніе Америки терпитъ такимъ образомъ жестокія притѣсненія отъ совокупныхъ посягательствъ англійскаго короля и парламента, американцамъ пора также воспользоваться своимъ несомнѣннымъ правомъ разобрать основательно вопросъ о притязаніяхъ короля и парламента и выбросить все то, что захвачено ими въ силу ихъ узурпаторскихъ наклонностей...

„Дѣло Америки есть въ значительной мѣрѣ дѣло всего человѣчества. Уже теперь много возникло—а впослѣдствіи возникнетъ еще больше—такихъ вопросовъ, которые имѣютъ нетолько мѣстное, но и всемірное значеніе, вопросовъ, къ которымъ не могутъ относиться безразлично всѣ истинные друзья человѣчества. Разореніе страны огнемъ и мечемъ, объявленіе войны вопреки естественнымъ правамъ человѣка, повальное избіеніе всѣхъ защитниковъ этихъ правъ—все это такія обстоятельства, которыя касаются всѣхъ, кого природа не лишила элементарнаго чувства состраданія къ ближнему“...

Самый памфлетъ Пэна начинается длиннымъ въ высшей степени увлекательнымъ, но за то и очень одностороннимъ разсужденіемъ „о происхожденіи и задачахъ правительственной власти съ краткими замѣчаніями объ англійскій конституціи“. Это разсужденіе подвергаетъ происхожденіе и задачи королевской власти столь рѣзкой критикѣ, что, конечно, въ XVIII стол. памфлетъ съ такимъ содержаніемъ можно было бы напечатать, кромѣ Англіи и ея жалующихся на порабощеніе колоній, не болѣе, какъ въ трехъ, четырехъ странахъ тогдашняго цивилизованнаго міра. Мы можемъ позволить себѣ лишь самое небольшое извлеченіе изъ этой части памфлета Томаса Пэна *).

„О правительствѣ и обществѣ“, такъ начинаетъ свое разсужденіе Пэнъ, „говорятъ часто, какъ о вещахъ тожественныхъ; между тѣмъ какъ правительство и общество не только не одно и тоже, но они имѣютъ даже совершенно различное происхожденіе. Мы соединяемся въ общества, потому что этого требуютъ

---

*) По соображеніямъ, которыя, надѣемся, будутъ весьма понятны нашимъ читателямъ.

наши нужды; если же у насъ есть правительство, то лишь потому, что мы порочны. Общество содѣйствуетъ нашему счастію *положительно*, облегчая удовлетвореніе нашихъ симпатій, правительство же имѣетъ въ этомъ отношеніи только отрицательныя заслуги, такъ какъ оно лишь сдерживаетъ наши дурныя наклонности".

„Общество всегда и вездѣ есть благо, правительство же, даже и при наилучшей его организаціи, есть не больше, какъ неизбѣжное зло".

„При плохой же организаціи правительство представляетъ зло нестерпимое, такъ какъ, если мы терпимъ отъ правительства такія бѣды, какихъ можно ожидать только въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ вовсе правительства, наше горе усугубляется сознаніемъ того, что мы сами создали и поддерживаемъ ту власть, отъ которой терпимъ притѣсненія. Человѣческое правительство, какъ и человѣческая одежда, есть знакъ утраты невиннаго состоянія (the badge of lost innocence), и дворцы королей воздвигнуты на развалинахъ райскихъ бесѣдокъ *). Въ самомъ дѣлѣ, если бы велѣнія совѣсти были всегда ясны и если бы человѣкъ всегда ихъ слушался, то ему не нужно было бы никакого другого законодателя. Такъ какъ, однако, дѣло обстоитъ иначе, то человѣку приходится отказаться отъ части своихъ правъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить себѣ обладаніе остальными: въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, благоразуміе заставляетъ человѣка изъ двухъ золъ выбирать меньшее. Такъ какъ такимъ образомъ безопасность есть главная цѣль и задача правительства, то изъ этого неизбѣжно слѣдуетъ, что та форма правительственной власти наилучшая, при которой эта цѣль достигается съ наименьшими издержками и при наибольшемъ народномъ благополучіи"...

„Наблюдая природу, мы видимъ, что чѣмъ вещь проще, тѣмъ менѣе она подвергается порчѣ и тѣмъ легче ее въ случаѣ порчи исправить. Имѣя въ виду эту истину, я хочу сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу расхваливаемой на всѣ лады англійской конституціи. Не буду спорить противъ того, что въ тѣ темныя и рабскія (dark and slavish) времена, когда эта

*) Upon the ruins of the bowers of paradise.

конституція возникла, она дѣйствительно представляла собой нѣчто высокое, благородное (noble). Когда весь міръ изнемогалъ отъ тираннін, всякое ограниченіе ея было славнымъ подвигомъ. Легко однако доказать, что англійская конституція на самомъ дѣлѣ есть нѣчто весьма несовершенное, что она не можетъ служить надежной гарантіей отъ народныхъ волненій (convulsions), и не въ состояніи дать многаго изъ того, что обѣщаетъ.

„Абсолютныя правительства (хотя и представляютъ собой позоръ для человѣчества) имѣютъ передъ другими формами правительства преимущество простоты: если народъ страдаетъ, онъ знаетъ верховнаго виновника своихъ бѣдъ, знаетъ, также, какъ устранить главную причину своего несчастія; его не смущаетъ многообразіе причинъ его страданій и средствъ ихъ врачеванія. Англійская же конституція до такой степени сложна, что народъ можетъ страдать многіе годы, не будучи въ состояніи знать, гдѣ кроется причина его бѣдъ: одни будутъ указывать на одну причину другіе на другую, и каждый политическій врачъ станетъ рекомендовать свое лѣкарство“.

„Я знаю, какъ трудно бороться съ усвоенными отъ рожденія предразсудками, царящими по традиціи въ той или другой странѣ. Однако, если мы попытаемся вникнуть въ основные устои англійской конституціи, мы скоро увидимъ, что эти устои не болѣе, какъ подлые остатки (the base remains) двухъ древнихъ формъ тиранической власти вмѣстѣ съ нѣкоторой долей новыхъ республиканскихъ элементовъ (new Republican materials).

Во первыхъ. Остатки монархической тиранніи продолжаютъ существовать въ лицѣ короля.

Во вторыхъ. Остатки тиранніи аристократовъ въ лицѣ пэровъ.

Въ третьяхъ. Новые республиканскіе элементы въ лицѣ членовъ палаты общинъ, отъ добропорядочности которыхъ и зависитъ въ сущности свобода Англіи.

„Король и пэры, пользуясь своими правами по наслѣдству, не зависимы отъ народа, слѣдовательно въ *смыслѣ конституціи* (in a *constitutional* sense) нисколько не содѣйствуютъ народной свободѣ“.

„Говоритъ, что англійская конституція представляетъ собой *союзъ* трехъ властей, взаимно *сдерживающихъ* (*checking*) другъ друга значитъ говорить вздоръ: или эти слова не имѣютъ никакого значенія (have no meaning) или же они заключаютъ грубое взаимное противорѣчіе“.

„Въ самомъ дѣлѣ, когда говорятъ, что палата общинъ есть нѣкоторая узда (check) для короля, то при этомъ очевидно подразумѣваютъ двѣ вещи.

„*Во первыхъ* при этомъ подразумѣваютъ, что на короля нельзя полагаться, если за нимъ не слѣдить по пятамъ, т. е., иными словами, считается несомнѣннымъ фактомъ, что стремленіе къ абсолютной власти есть неизбѣжный порокъ всякаго монарха.

Во вторыхъ при этомъ предполагается, что члены палаты общинъ, представляя собой узду и контроль для короля, разумнѣе его или по крайней мѣрѣ заслуживаютъ большаго довѣрія.

„Но таже конституція, дающая палатѣ общинъ власть контролировать и сдерживать короля, отказывая ему въ денежныхъ средствахъ (вотированіемъ государственнаго бюджета), затѣмъ даетъ и королю власть сдерживать палату общинъ, разрѣшая ему не подписывать по желанію другіе законопроекты, представляемыя палатой общинъ на королевское утвержденіе. Слѣдовательно здѣсь уже предполагается, что король благоразумнѣе (wiser) тѣхъ, кого только что предполагали благоразумнѣе его. Совершенная безсмыслица“!

„Есть что то въ высшей степени несообразное въ самомъ существѣ королевской власти: съ одной стороны человѣка лишаютъ обычныхъ средствъ пріобрѣтать необходимыя свѣдѣнія и житейскій опытъ, съ другой стороны тому же человѣку предоставляютъ рѣшать такія дѣла, гдѣ требуется величайшія знанія и умъ.

„Будучи королемъ, человѣкъ этимъ обособляется отъ всего міра, между тѣмъ по своей роли король долженъ знать міръ превосходно. Изъ такого взаимнаго противорѣчія въ положеніи короля и слѣдуетъ, что и вся его роль есть нѣчто несообразное (absurd) и безполезное“...

„Едва ли нужно доказывать, что король представляетъ собой важнѣйшій элементъ англійской конституціи и что его вліяніе

въ значительной степени основывается на томъ, что отъ него зависитъ назначеніе на разныя должности съ хорошимъ жалованьемъ. Такимъ образомъ если мы были достаточно умны, чтобы оградить себя дверью отъ обсолютной монархіи, мы оказались все-таки настолько безразсудны, что ключъ отъ этой двери дали королю".

„Пристрастіе англичанъ къ своему конституціонному режиму съ королемъ и двумя палатами имѣетъ въ основѣ скорѣе національную гордость, чѣмъ какіе нибудь разумные доводы. Конечно, отдѣльныя личности въ Англіи лучше ограждены отъ произвола, чѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, но въ сущности воля короля является закономъ какъ въ Англіи, такъ и во Франціи съ тою только разницей, что въ Англіи она является не въ видѣ личнаго распоряженія короля, и облекается въ торжественную форму парламентскаго акта. Вѣдь судьба Карла I сдѣлала англійскихъ королей болѣе изворотливыми, и не болѣе справедливыми"...

„Указаніе недостатковъ англійской конституціи въ настоящее время крайне желательно.

„Въ самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ мы не можемъ воздать должнаго другимъ, если находимся подъ вліяніемъ какого нибудь сильнаго увлеченія или пристрастія, равнымъ образомъ мы не можемъ правильно судить и того, что касается насъ самихъ, если слѣпо поддаемся какому нибудь предвзятому взгляду. Подобно тому какъ человѣкъ, увлекающійся проституткой, не можетъ разумно выбрать жену или судить о достоинствахъ жены, такъ и слѣпое увлеченіе гнилой конституціей лишаетъ насъ возможности разумно судить о томъ, какова должна быть хорошая конституція"...

Далѣе Пэнъ приступаетъ къ спеціальной критикѣ королевской власти вообще и королевской власти въ Англіи въ частности, высказывая въ высшей степени рѣзкія и одностороннія сужденія (кстати сказать, подкрѣпляемыя обильными ссылками на Библію), легко объясняемыя крайнимъ напряженіемъ, въ какихъ находились тогда отношенія американскихъ колоній къ Англіи и къ ея коронованному главѣ.

„Такъ какъ люди", говоритъ Пэнъ, явились на свѣтъ равными, то это равенство могло нарушиться лишь вслѣдствіе

какихъ либо послѣдующихъ обстоятельствъ. Мы можемъ сравнительно легко понять, почему люди дѣлятся на бѣдныхъ и богатыхъ. Мы можемъ объяснить это, не прибѣгая даже къ столь рѣзкимъ выраженіемъ, какъ гнетъ и притѣсненія или крайняя скупость".

„Въ самомъ дѣлѣ *притѣсненіе* является чаще *слѣдствіемъ* обладанія богатствомъ, чѣмъ *средствомъ* его пріобрѣтенія...

„Но есть другое и болѣе важное различіе, для котораго нельзя найти ни естественныхъ, ни религіозныхъ причинъ:— это дѣленіе людей на королей и подданныхъ. Сама природа раздѣлила людей на мужчинъ и женщинъ, Богъ создалъ однихъ изъ нихъ добрыми, другихъ злыми.

Но какъ появилась категорія людей, высоко превозносимыхъ выше всѣхъ остальныхъ и какъ бы составляющихъ особую породу, это вопросъ, который заслуживалъ бы серьезнаго изслѣдованія...

„Въ древніе времена, какъ говоритъ намъ Святая Библія, вовсе не было королей, вслѣдствіе чего не было и войнъ, такъ какъ гордость королей является чаще всего источникомъ человѣческихъ войнъ. Въ этомъ столѣтіи Голландія, не имѣющая короля, въ большой мѣрѣ наслаждалась благами мира, чѣмъ какое либо монархическое государство Европы. То же самое мы видимъ и въ древности, такъ какъ спокойная пастушеская жизнь первыхъ патріарховъ носитъ нѣкоторый отпечатокъ счастія, быстро исчезающаго, какъ только начинается въ еврейской исторіи періодъ царей".

„Королевская власть была введена въ міръ язычниками, и дѣти Израиля взяли отъ нихъ этотъ обычай. Это было самое удачное изобрѣтеніе дьявола, чтобы содѣйствовать распространенію въ мірѣ идолопоклонство"...

„Подобно тому, какъ чрезмѣрное превознесеніе одного человѣка надъ всѣми другими не можетъ быть оправдано, если исходить изъ равенства принадлежащихъ намъ отъ природы правъ, такимъ же образомъ этого нельзя оправдать и на основаніи Священнаго Писанія, такъ какъ Всевышній черезъ посредство Гедеона и пророка Самуила опредѣленно объявилъ людямъ, что Онъ не одобряетъ королевской власти. Всѣ мѣста Священнаго

Писанія, въ которыхъ порицается королевская власть, старательно обходятся въ монархическихъ странахъ... Но, конечно, именно эти мѣста и заслуживаютъ особаго вниманія тѣхъ народовъ, которымъ предстоитъ организовать новую правительственную власть".

Крайняя рѣзкость и односторонность дальнѣйшихъ сужденій Пэна о королевской власти вообще, хотя и подкрѣпляемыхъ длинными цитатами изъ Библіи, заставляетъ насъ отказаться отъ приведенія этой части памфлета Пэни и перейти прямо къ заключенію ея, въ которомъ Пэнъ переходитъ къ оцѣнкѣ королей англійскихъ. „Чѣмъ больше форма управленія въ какой-либо странѣ приближается къ республикѣ *), тѣмъ меньше дѣла для короля. Довольно трудно найти подходящее слово для характеристики правительства Англіи. Сэръ Вилліямъ Мередитъ называетъ Англію республикой, но она не заслуживаетъ такого названія при теперешнемъ ея состояніи, такъ какъ тлетворное вліяніе короля, располагающаго назначеніемъ на всѣ должности, настолько пересиливаетъ благое вліяніе палаты общинъ (республиканскій элементъ конституціи), что англійское правительство почти такъ же близко къ монархическому, какъ и правительство французское или испанское. Люди повторяютъ слова, не понимая ихъ значенія. Англичане гордятся не монархическимъ, а республиканскимъ элементомъ своей конституціи, а именно правомъ избирать изъ своей среды членовъ палаты общинъ. Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно видѣть, что когда въ Англіи добропорядочность республиканскихъ элементовъ управленія падаетъ, наступаетъ рабство. Почему въ настоящее время англійская конституція въ упадкѣ? Да потому, что король развратилъ (poisoned, т. е. отравилъ) палату общинъ и совершенно подчинилъ ее своему вліянію".

„Въ Англіи королю нечего другого дѣлать, кромѣ какъ вести войны и раздавать мѣста, т. е. говоря по-просту, разорять народъ... Хорошее занятіе для человѣка, получающаго за это 8 мил. рублей въ годъ жалованья (800,000 фунт. стерл.) и въ прибавку еще обожаемаго въ качествѣ какого-то живого идола"...

---

*) Какъ видно изъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ разсужденій Пэна (равно какъ и вообще изъ англійской и американской политической литературы XVIII вѣка), во времена Пэна слово республика употреблялось въ значеніи близкомъ къ тому, которое имѣетъ въ наше время слово демократія.

Теперь мы переходимъ къ наиболѣе интересной и наиболѣе для насъ важной части памфлета Т. Пэна, называющейся „Мысли о современномъ положенiи американскихъ дѣлъ“.

„На послѣдующихъ страницахъ“, говоритъ Т. Пэнъ, „я предлагаю вниманiю читателя лишь самые элементарные факты и самыя простыя сужденiя здраваго смысла. Въ то же время я прошу читателя отказаться отъ предразсудковъ и предвзятыхъ взглядовъ и слѣдовать голосу разсудка и простыхъ человѣческихъ чувствъ...

„Цѣлыя сочиненiя (volumes) были написаны по поводу раздора возникшаго между Англiей и Америкой. Люди всевозможныхъ положенiй вмѣшивались въ вызванную этимъ раздоромъ литературную полемику, преслѣдуя при этомъ разныя цѣли и увлекаясь разными чувствами. Однако все это оказалось безплоднымъ и перiодъ словесныхъ споровъ не привелъ ни къ чему. Теперь споръ рѣшается силой оружiя, какъ послѣднимъ средствомъ, послѣднимъ аргументомъ. Самъ король побудилъ къ этому американцевъ, и они приняли его вызовъ“...

„Никогда еще на свѣтѣ не возникало такой великой по своему значенiю распри. Рѣшается судьба—не одного какого-либо города, графства, провинцiи или даже королевства, а судьба цѣлаго континента—почти одной восьмой части земного шара. Это не такая борьба, которая имѣла бы значенiе лишь для одного дня, года или даже столѣтiя: отдаленныя потомства заинтересованы въ исходѣ этой распри, влiянiе ея отразится на самомъ далекомъ будущемъ“...

„Теперь, когда пришло время взяться за оружiе, наступила новая эра и для политической мысли. Всякiе аргументы, предложенiя и планы, высказанные до событiй 19 апрѣля, т.-е. до начала непрiязненныхъ дѣйствiй, все это обратилось уже въ древнюю исторiю; теперь намъ до этого такъ же мало дѣла, какъ до прошлогодняго снѣга: все, что тогда было умѣстно, теперь вполнѣ безполезно. Все, что говорилось тогда враждующими партiями американцевъ, сводилось все-таки къ одному пункту—примиренiю съ Великобританiей. Партiи расходились лишь въ способахъ достиженiя этой конечной цѣли: одни предлагали дѣйствовать силой, другiе уступками“...

„Такъ какъ уже много разъ были доказываемы преимущества примиренiя съ Англiей, примиренiя, которое подобно прiятной

мечтѣ, исчезло и оставило насъ въ прежнемъ положеніи, то теперь было бы вполнѣ своевременно посмотрѣть на обратную сторону медали:—изслѣдовать многообразный матеріальный ущербъ, который терпятъ и который всегда будутъ терпѣть американскія колоніи, пока будетъ длиться ихъ связь съ Великобританіей. Итакъ, вдумаемся же въ эту зависимость американскихъ колоній отъ Англіи, посмотримъ, что скажетъ намъ простой здравый смыслъ по поводу того, на что мы можемъ надѣяться въ случаѣ отдѣленія отъ Англіи и чего мы можемъ ждать въ случаѣ дальнѣйшаго продленія связи съ метрополіей.

„Мнѣ приходилось слышать иногда, какъ нѣкоторые доказывали, что, такъ какъ Америка процвѣтала при прежней ея связи съ Англіей, эта связь необходима и для послѣдующаго благополучія Америки. Нельзя представить себѣ болѣе безсмысленныхъ сужденій. Съ одинаковымъ правомъ можно было бы утверждать, что, такъ какъ ребенку молоко было въ свое время очень полезно, ему не слѣдуетъ и впослѣдствіи никогда ѣсть мяса, или утверждать, что по примѣру того, какъ мы жили первые двадцать лѣтъ жизни, намъ слѣдуетъ жить и слѣдующія двадцать лѣтъ. Я однако иду дальше: я утверждаю, что Америка благоденствовала бы еще болѣе и даже много болѣе, если бы она не имѣла связи ни съ какимъ европейскимъ государствомъ. Америка обогатила себя, продавая Европѣ предметы первой необходимости, а для этого рода продуктовъ сбытъ всегда будетъ обезпеченъ, пока у европейцевъ не выйдетъ изъ моды каждый день обѣдать“.

„Но, говорятъ нѣкоторые, Англія защищала насъ! Что она захватила насъ въ свои лапы—это вѣрно; что она защищала американскія владѣнія на нашъ счетъ и свой собственный—это также можно допустить. Но вѣдь она стала бы въ виду подобныхъ мотивовъ защищать и Турцію, т. е. ради интересовъ своей торговли и политическаго могущества.

„Увы! Какъ долго мы находились подъ вліяніемъ усвоенныхъ нами отъ отцовъ и дѣдовъ предразсудковъ, какъ многимъ мы пожертвовали для предвзятыхъ, неоправдываемыхъ дѣйствительностью взглядовъ! Мы кичились покровительствомъ Великобританіи, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что мотивомъ ея было *не привязанность къ намъ*, а *собственные интересы*, что она защищала насъ не ради насъ и не отъ нашихъ враговъ, а отъ ея же вра-

говъ въ ея же интересахъ. Она защищала насъ отъ тѣхъ, кто сдѣлался нашимъ врагомъ изъ-за нашей связи съ Англіей, и кто останется всегда нашимъ врагомъ, пока будетъ длиться эта связь. Стоитъ только Великобританіи отказаться отъ своихъ притязаній на американскій материкъ, или стоитъ только намъ, американцамъ, разорвать свою связь съ Англіей, и мы будемъ оставаться въ мирѣ съ Франціей и Испаніей, хотя бы эти страны и враждовали съ Англіей“...

„Но, вѣдь, Англія все-таки наша мать, говорятъ нѣкоторые. Тѣмъ болѣе гнусно ея поведеніе: даже дикіе звѣри не пожираютъ своихъ дѣтей, даже дикіе люди не ведутъ войны съ членами своей собственной семьи. Вотъ почему, если вышеприведенное соображеніе вѣрно, то оно говоритъ не за Англію, а противъ нея. Впрочемъ это соображеніе и невѣрно, во всякомъ случаѣ не вполнѣ вѣрно. То, что Англія является какъ бы нашей *матерью*, есть фарисейская выдумка короля и окружающихъ его паразитовъ, выдумка, которая повторяется съ ехидною цѣлью повліять на легковѣрныхъ и малодушныхъ людей. Европа, а не Англія является для насъ матерью. Америка была всегда убѣжищемъ людямъ, гонимымъ *во всѣхъ частяхъ* Европы за ихъ политическія или религіозныя убѣжденія. При этомъ надо не забывать, что эти люди убѣжали сюда не отъ нѣжныхъ объятій матери, а отъ жестокихъ преслѣдованій мегеры. Такимъ образомъ про Англію можно сказать, что та самая тираннія, которая побудила первыхъ англійскихъ эмигрантовъ оставить родину, теперь преслѣдуетъ потомковъ этихъ мигрантовъ“.

„Окидывая мыслію обширный земной шаръ, мы забываемъ узкія границы 360 миль (протяженіе Англіи) и даемъ гораздо болѣе широкій просторъ своимъ симпатіямъ: мы считаемъ своими братьями всѣ христіанскіе народы Европы и гордимся великодушіемъ своихъ чувствъ“...

„Много говорилось по поводу громадности соединенныхъ силъ Великобританіи и ея колоній, часто повторялось, что совокупныя ихъ силы могутъ помѣряться со всѣмъ свѣтомъ. Но, вѣдь, это одни разговоры: войны полны превратностей, какъ это хорошо извѣстно каждому. Къ тому же это вполнѣ праздныя рѣчи, потому что Америка никогда не станетъ жертвовать людьми, чтобы

поддерживать силу британскаго оружія въ Азіи, Африкѣ или Европѣ".

„Кромѣ того, съ какой стати намъ мѣряться силами со всѣмъ свѣтомъ? Наша задача—торговля, а если ее вести, какъ слѣдуетъ, то мы обезпечимъ себѣ дружбу и расположеніе всей Европы, такъ какъ всѣ страны Европы заинтересованы въ доступѣ Америки для своей торговли"...

„Я бы попросилъ самаго горячаго сторонника примиренія съ Англіей указать мнѣ хотя бы одно преимущество, которое могла бы извлечь Америка изъ продленія своей связи съ Англіей. Повторяю свой вызовъ, и смѣло утверждаю, что такихъ преимуществъ быть не можетъ! Хлѣбъ нашъ будетъ находить вѣрный сбытъ на рынкахъ Европы, а за ввозимые нами товары намъ придется платить, гдѣ бы мы ихъ ни брали".

„Неудобства же всякаго рода, происходящія отъ нашей связи съ Англіей, неисчислимы. Долгъ нашъ по отношенію къ самимъ себѣ и къ человѣчеству вообще побуждаетъ насъ порвать эту связь. Въ самомъ дѣлѣ вслѣдствіе зависимости отъ Англіи или даже въ силу простой политической связи съ ней, мы невольно впутываемся въ разныя войны и раздоры, происходящія въ Европѣ; мы оказываемся въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ народами, которые при другихъ обстоятельствахъ добивалися бы нашей дружбы... Такъ какъ Европа представляетъ для насъ огромный рынокъ для сбыта товаровъ, то намъ не слѣдовало бы устанавливать особыхъ связей съ какимъ-нибудь однимъ европейскимъ государствомъ предпочтительно передъ всѣми другими. Истинные интересы Америки требуютъ, чтобы она держалась подальше отъ европейскихъ распрей, что для нея будетъ невозможно, пока будетъ длиться ея связь съ Англіей",

„Въ Европѣ слишкомъ много королей и князей, чтобы ей оставаться долго безъ войнъ, а какъ только начинается война между Англіей и какой-нибудь другой державой, торговля Америки приходитъ въ полное разстройство, *единственно въ силу связи Америки съ Англіей*".

„Однимъ словомъ и соображенія о нашихъ правахъ и соображенія о нашихъ удобствахъ должны побуждать насъ къ отдѣленію отъ Англіи. И голосъ природы и вопли убитыхъ кричатъ намъ: *пора отдѣлиться!* Даже разстояніе, которымъ Вседержи-

тель вселенной отдѣлилъ Америку отъ Англіи, представляеетъ сильный естественный аргументъ въ пользу того мнѣнія, что власть послѣдней надъ первой не входила въ предначертанія Творца. Этотъ аргументъ пріобрѣтетъ въ нашихъ глазахъ еще большій вѣсъ и значеніе, когда мы вспомнимъ время открытія Америки и обстоятельства ея заселенія европейцами. Въ самомъ дѣлѣ открытіе Америки совершилось какъ разъ передъ началомъ реформаціоннаго движенія. Такимъ образомъ Всемогущій Богъ открылъ убѣжище, куда въ послѣдующіе вѣка укрывались всѣ гонимые у себя на родинѣ за религіозныя и другія убѣжденія"...

„Хотя я старательно избѣгаю оскорблять кого-нибудь безъ нужды, однако я склоненъ думать, что всѣ сторонники политики примиренія съ Англіей могутъ быть раздѣлены на нѣсколько слѣдующихъ категорій".

„Во-первыхъ, это люди, заинтересованные лично въ примиреніи съ Англіей, такимъ конечно довѣрять не слѣдуетъ; во-вторыхъ, люди недальновидные, которые не могутъ вполнѣ понять современнаго положенія дѣлъ; въ третьихъ, люди съ предвзятыми взглядами, которые не хотятъ вникать въ это положеніе, и наконецъ въ четвертыхъ люди всегда вообще склонные къ умѣренной политикѣ и притомъ представляющіе себѣ Европу лучшей, чѣмъ она есть на дѣлѣ"....

„Многіе имѣютъ счастіе жить вдали отъ ужасныхъ сценъ, которыя происходятъ теперь въ Америкѣ; бѣдствіе разыгрывается недостаточно близко къ ихъ домамъ, чтобы они на себѣ почувствовали, какъ не прочно теперь обладаніе собственностью въ здѣшнихъ колоніяхъ.

Попробуемъ однако перенестись воображеніемъ въ Бостонъ; взглядъ на это мѣсто скорби и страданій сразу образумитъ насъ и вдохнетъ въ насъ желаніе порвать поскорѣе связь съ той страной, довѣряться которой мы болѣе не можемъ. Жители этого злосчастнаго города, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ жившіе въ довольствѣ и достаткѣ, теперь принуждены или сидѣть по домамъ и испытывать мученія голода или идти вымаливать милостыню"....

„Люди пассивнаго темперамента смотрятъ слегка на всѣ оскорбленія и обиды Великобританіи и, все еще не теряя надежды на лучшее будущее, склонны и теперь повторять англичанамъ: *при-*

ходите, приходите, будемъ опять друзьями! Подумайте однако, какой слѣдъ оставляютъ на людей ихъ чувства и страсти, и затѣмъ, скажите мнѣ, возможно ли теперь примиреніе?

„Можете ли вы, читатель, уважать, можете ли вы любить ту страну, которая предала ваше отечество огню и мечу? А если вы этого не можете, то вѣдь, говоря о примиреніи, вы обманываете самого себя и своимъ промедленіемъ готовите гибель потомству. Всякая послѣдующая связь съ Великобританіей, которую мы не можемъ ни любить, ни уважать, будетъ связью насильственной, противоестественной и, такъ какъ она будетъ продолжена лишь для того, чтобы какъ-нибудь выйти изъ теперешняго тяжелаго положеиія, то черезъ непродолжительное время мы можемъ оказаться снова въ положеніи еще болѣе отвратительномъ, еще болѣе невыносимомъ“...

„Если же вы скажете, что вы можете забыть всѣ бѣды, причиненныя намъ англійскимъ правительствомъ, то я спрошу васъ— былъ ли вашъ домъ сожженъ? Видѣли ли вы, какъ на вашихъ глазахъ уничтожали вашу собственность? Лишены ли ваша жена и дѣти крова, лишены ли они и собственнаго куска хлѣба? Погибъ ли у васъ родственникъ или сынъ отъ рукъ нашихъ враговъ? Принадлежите ли къ тѣмъ, кто потерялъ семью, потерялъ свое имущество, остался одиноко доживать свою разбитую жизнь? А, если вы ничего этого не испытали, то вы не судья тѣмъ, кто все это претерпѣлъ. Если же и съ вами случилось одно изъ такихъ несчастій и если вы тѣмъ не менѣе способны подать руку убійцамъ, вы недостойны имени мужа, отца или друга и, кто бы вы ни были по своему положенію или званію, вы по своему сердцу низкій трусъ, а по своему характеру (spirit) подлый паразитъ“.

„Выражаясь такимъ образомъ, я отнюдь не стараюсь быть возможно болѣе рѣзкимъ, я лишь пытаюсь оцѣнить переживаемыя событія съ точки зрѣнія весьма естественныхъ чувствъ и страстей человѣческихъ, безъ которыхъ мы немогли бы исполнять своихъ соціальныхъ обязанностей, безъ которыхъ невозможно было бы и самое счастіе въ жизни. Я вовсе не хочу внушать омерзенія (horror) съ цѣлью возбудить къ мщенію, я хочу пробудить американцевъ отъ роковой бездѣятельности...Ни Британія, ни даже Европа не въ силахъ побѣдить Америки, если сама Америка не погубитъ себя промедленіемъ и отсутствіемъ смѣлости. Если воспользоваться, какъ слѣ-

дуетъ, нынѣшней зимой (памфлетъ Пэна вышелъ 10 янв. 1776 г.), то она стоитъ цѣлаго вѣка; если же пропустить это время, то весь американскій континентъ испытаетъ на себѣ результаты такого бездѣйствія"...

„Предполагать, что американскій континентъ можетъ еще долгое время оставаться подчиненнымъ какой-нибудь внѣшней власти—противно разуму, противно всему, чему насъ учитъ исторія, противно наконецъ естественному порядку вещей. Даже наиболѣе самонадѣянные изъ англичанъ на это не разсчитываютъ. Величайшій мудрецъ не могъ бы придумать плана, которымъ можно было бы хотя на годъ обезпечить американскому континенту спокойствіе, кромѣ отдѣленія отъ Англіи. Говорить *въ настоящее время* о примиреніи—это значитъ предаваться несбыточнымъ мечтамъ. Сама природа опредѣлила теперь разрывъ, и никакое искусство не можетъ больше помочь, ибо, говоря мудрыми словами Мильтона, „не можетъ быть тамъ истиннаго примиренія, гдѣ нанесла глубокія раны смертоносная ненависть".

„Всѣ мирные способы, которыми мы пытались возстановить прежнія отношенія оказались безплодными. Къ мольбамъ нашимъ отнеслись съ презрѣніемъ. Мы убѣдились на себѣ, что ничто такъ не льститъ тщеславію королей, ничто не заставляетъ ихъ такъ упорствовать на своемъ, какъ подача повторныхъ петицій... А если такъ, если дѣло должно дойти до войны, то порвемъ же поскорѣе связь и не будемъ заставлять идущія намъ на смѣну поколѣнія (англичанъ и американцевъ) рѣзать другъ другу горло, удерживая вздорныя названія сыновъ одной и той же матери (Англіи).

„Говорить, что грядущія поколѣнія никогда не сдѣлаютъ новой попытки отдѣленія отъ Англіи, значитъ говорить праздныя и безсмысленныя слова. Мы думали такимъ образомъ, когда прекратилась агитація изъ закона о гербовомъ сборѣ, но въ теченіе перваго же слѣдующаго за этимъ года мы убѣдились въ своей ошибкѣ. Съ равнымъ правомъ можно было-бы ожидать, что народы, побѣжденные однажды, никогда не возобновятъ борьбы. Къ тому же американскія дѣла скоро будутъ слишкомъ важны и слишкомъ сложны, чтобы ихъ могли сколько-нибудь разумно регулировать власти, находящіяся такъ далеко и къ тому же такъ мало знающія Америку... Ѣздить за три, четыре тысячи миль съ докладомъ или петиціей, ждать 4—5 мѣсяцевъ отвѣта, для пра-

вильнаго разъясненія котораго требуются нерѣдко новыя справки, что ведетъ къ дальнѣйшей проволочкѣ — да, вѣдь, не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ все это будетъ казаться дикимъ, глупымъ, нелѣпымъ! Было время, когда такой порядокъ былъ умѣстнымъ, но теперь пришла пора все это сдать навсегда въ архивъ“...

„Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что маленькіе острова, не имѣющіе средствъ защитить себя, ищутъ покровительства большихъ государствъ, но есть что-то до очевидности несообразное въ предположеніи, что цѣлый континентъ будетъ всегда въ зависимости отъ отдаленнаго острова. Никогда въ мірозданіи спутникъ не бываетъ больше центральной планеты“.

„Выступая поборникомъ разрыва съ Англіей и идеи независимости, я не слѣдую никакимъ побужденіямъ, внушаемымъ гордостью, партійными соображеніями или перенесенной обидой. Я глубоко и искренно убѣжденъ, что этого требуютъ истинные интересы Америки, что всякое другое рѣшеніе окажется не болѣе, какъ палліативомъ, что ничѣмъ инымъ мы не можемъ обезпечить себѣ прочнаго благополучія, что, если мы покажемъ немножко болѣе смѣлости, мы сдѣлаемъ Америку наиболѣе славнымъ мѣстомъ земного шара“...

„Такъ какъ Англія не обнаружила ни малѣйшаго желанія идти на компромисъ, мы можемъ быть увѣрены, что отъ нея нельзя добиться условій примиренія, на которыя можно было согласиться или которыя были сколько-нибудь соразмѣрны съ тѣми жертвами деньгами и людьми, которыя мы уже понесли“...

„Удаленіе Норса (перваго министра) или всей клики, управляющей теперь Англіей, было бы въ настоящее время недостаточно если принять въ соображеніе милліоны, которыя мы уже затратили. Временная пріостановка торговли сопровождалась для насъ жертвами болѣе чѣмъ достаточными, чтобы оправдать отмѣну всѣхъ парламентскихъ актовъ, на которыя мы жалуемся, если бы мы добились такой отмѣны. Но если приходится подняться всей Америкѣ, если каждому мужчинѣ приходится стать въ ряды войскъ, то едва ли стоитъ все это затѣвать изъ-за смѣны презрѣннаго министерства. Дорого, очень дорого платимъ мы за отмѣну непріятныхъ для насъ законовъ, если такова только цѣль нашего возстанія!“...

„Такъ какъ я всегда считалъ, что Америка неизбѣжно рано или поздно должна стать независимой, поэтому, разъ начались непріяз-

ненныя дѣйствія, слѣдуетъ довести дѣло до самого конца. Поступить иначе было бы все равно, что разоряться на веденіе процесса о злоупотребленіяхъ арендатора, срокъ аренды котораго уже кончается. Я не менѣе горячо, чѣмъ кто-либо другой желалъ примиренія съ Англіей до рокового дня 19 апрѣля 1775 г., но, какъ только мнѣ стали извѣстны событія этого дня, я отвергъ навсегда мысль о примиреніи съ суровымъ, упрямымъ англійскимъ фараономъ *). Съ этихъ поръ я презираю негодяя, (I disdain the wretch), который, парадируя въ качествѣ якобы *отца своего народа*, можетъ въ то-же время безучастно слушать, какъ этотъ самый народъ рѣжутъ, можетъ спокойно спать, имѣя на душѣ кровь своихъ подданныхъ".

„Допустимъ однако, что примиреніе такъ или иначе состоялось, что же будетъ далѣе? Далѣе послѣдуетъ разореніе Америки. Таково мое глубокое убѣжденіе, и вотъ на чемъ я его основываю".

„*Во-первыхъ*. Такъ какъ верховная власть останется все-таки въ рукахъ короля, ему будетъ принадлежать право *veto* надъ всѣми законодательными актами Америки. А такъ какъ онъ показалъ себя такимъ закоренѣлымъ врагомъ свободы, такъ какъ онъ обнаружилъ неутолимую жажду абсолютной власти, то я спросилъ бы насколько подобаетъ предоставлять ему право говорить колоніямъ: „*вы не будете издавать другихъ законовъ кромѣ тѣхъ, на которыя я изволю дать свое согласіе?!*" Есть ли, далѣе, хотя бы одинъ такой невѣжественный человѣкъ въ Америкѣ, который бы не зналъ, что согласно тому, *что нынѣ называется (англійской) конституціей*, Америка не можетъ имѣть другихъ законовъ кромѣ тѣхъ, на которые послѣдовало согласіе **) короля? Есть ли, далѣе, между американцами, такой глупый человѣкъ, который не понималъ бы, что (на основаніи всего, что происходило до сихъ поръ) король не допуститъ ни одного закона, который бы не согласовался съ *его желаніями и намѣреніями?* Насъ можно въ такой же мѣрѣ поработить отсутствіемъ возможности издавать нужные намъ законы,

*) Pharaoh of England.

**) Черезъ посредство губернатора, который въ своомъ согласіи или несогласіи на законопроектъ, переданный ему законодательнымъ собраніемъ колоніи, руководился инструкціями, присланными ему изъ Лондона. Въ сомнительныхъ случаяхъ губернаторъ прежде, чѣмъ подписывать законопроектъ, запрашивалъ мнѣніе министерства въ Англіи.

какъ и принудительнымъ повиновенiемъ законамъ, изданнымъ для насъ въ Англiи".

„Пойдемъ далѣе. Когда такъ называемое примиренiе будетъ достигнуто, можно ли сомнѣваться, что все влiянiе, вся власть короля будетъ направлена на то, чтобы держать американцевъ въ возможно болѣе низменномъ, рабскомъ положенiи? Вмѣсто того, чтобы идти впередъ, мы будемъ подвигаться назадъ, или будемъ постоянно ссориться съ Англiей, или же наконецъ будемъ, какъ дураки, подавать петицiи. Уже теперь мы, американцы, представляемъ собой нѣчто болѣе значительное, чѣмъ этого желалъ бы король; тѣмъ болѣе онъ будетъ впредь стремиться насъ, что называется, урѣзать. Говоря яснѣе, умѣстно ли давать власть надъ нами тѣмъ, кто завистливо, ревниво относится къ нашему преуспѣянiю, къ нашему прогрессу? Всякiй, кто отвѣчаетъ отрицательно на этотъ вопросъ, этимъ самымъ уже становится въ ряды сторонниковъ независимости, такъ какъ вопросъ о независимости сводится къ вопросу о томъ, будемъ ли мы сами издавать нужные намъ законы или же дадимъ возможность англiйскому королю,— величайшему врагу, какого мы имѣемъ или можемъ имѣть,—объявить намъ: *„не будетъ у васъ другихъ законовъ, кромѣ тѣхъ. какiе мнѣ угодно будетъ утвердишь"*.

„Но имѣетъ же король, скажутъ мнѣ иные, право *veto* въ Англiи, вѣдь и тамъ народъ не можетъ издавать законовъ безъ его согласiя? Если разбирать вопросъ съ точки зрѣнiя справедливости и здраваго смысла, то конечно есть что-то нелѣпое въ такомъ положенiи, при которомъ молодой человѣкъ двадцати одного года (что не разъ бывало на дѣлѣ) можетъ сказать нѣсколькимъ миллiонамъ людей старше и умнѣе его самого: „я не позволяю вамъ имѣть такого то или иного закона".

„Я, однако, не стану возражать подобнымъ образомъ, хотя и не перестану никогда указывать при случаѣ нелѣпость такого порядка вещей. Дѣло въ томъ, что вопросъ значительно мѣняется отъ того, что Англiя есть мѣстожительство короля, а Америка нѣтъ. Вслѣдствiе этого право *veto* англiйскаго короля имѣетъ для американцевъ въ десять разъ болѣе опасный и роковой характеръ, чѣмъ для англичанъ. Такъ, напримѣръ, англiйскiй король никогда не откажетъ въ согласiи на законъ, которымъ бы имѣлось въ виду привести въ возможно лучшiй видъ всѣ оборонительныя силы Англiи,

никогда не согласится одобрить такого же закона для Америки“.

„Америка играетъ второразрядную роль въ системѣ англійской политики, и Англія соображается съ благомъ Америки лишь по стольку, по скольку это нужно для цѣлей Англіи. Заботы о своихъ выгодахъ заставляютъ Англію препятствовать нашему развитію во всѣхъ случаяхъ, когда такое развитіе можетъ принести Англіи ущербъ или вообще не совпадаетъ съ ея видами. Хорошее же насъ ожидаетъ управленіе!....

... „Люди не дѣлаются изъ непріятелей друзьями одной перемѣной названія. Чтобы доказать вамъ, что примирительная политика въ настоящее время была бы очень опасной, я утверждаю, что въ *настоящее время было бы въ интересахъ самого короля отмѣнить ненавистные намъ акты парламента, чтобы только упрочить снова свое положеніе въ качествѣ верховнаго правителя американскихъ колоній и чтобы въ концѣ концовъ хитростью и разными изворотами достичь того, чего онъ, оказывается, не въ состояніи сдѣлать въ короткое время силой.* Такимъ образомъ политика примиренія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и политика нашей погибели“.

„*Во вторыхъ*“. Здѣсь Пэнъ подробно развиваетъ свою мысль, что всякое примиреніе съ Англіей при тогдашнихъ обстоятельствахъ отразилось бы гибельнымъ образомъ на матеріальномъ и всякомъ иномъ благополучіи и развитіи Америки, такъ какъ никто не сталъ бы рисковать на болѣе или менѣе крупныя и важныя дѣла и предпріятія въ виду постояннаго ожиданія возобновленія смутъ и раздора съ Англіей. Мы не будемъ приводить и той части памфлета. Пэна, гдѣ онъ излагатетъ предлагаемую имъ организацію правительственной власти въ Америкѣ въ замѣнъ подлежащей упраздненію власти англійскаго правительства.

„Есть нѣкоторые американцы“, говоритъ при этомъ Пэнъ, „корорые думаютъ, что если мы отвергнемъ всякую зависимость отъ англійскаго короля, мы легко можемъ впасть въ анархію. „Гдѣ мы будемъ искать короля для Америки, верховнаго ея повелители“, говорятъ такіе американцы. „Я вамъ скажу, друзья мои“, отвѣчаетъ Пэнъ, „король нашъ есть и будетъ законъ. Правда, этотъ король не губитъ людей, какъ это дѣлаетъ коронованный, звѣрь (the royal brute) въ Англіи...

„Для того, чтобы у насъ не было недостатка въ торжествахъ, назначимъ день для провозглашенія своей новой конституціи. Пусть ее всенародно возложатъ на алтарь, какъ божескій законъ, какъ слово божіе; пусть на нее возложатъ также корону, чтобы весь міръ зналъ, что въ Америкѣ монархомъ является законъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ абсолютныхъ правительствахъ король играетъ роль закона, то въ свободныхъ странахъ законъ долженъ играть роль короля, и никакого другого короля тамъ быть не должно. Впрочемъ, во избѣжаніе какихъ нибудь послѣдующихъ злоупотребленій слѣдуетъ въ заключеніе церемоніи разбить корону въ дребезги и куски ея разбросать среди народа, которому она принадлежитъ по праву“.

„Намъ принадлежитъ неотъемлемое право имѣть собственное правительство, и всякій, кто мало-мальски понимаетъ измѣнчивость человѣческихъ дѣлъ, не можетъ не придти къ тому убѣжденію, что для насъ безконечно разумнѣе и безопаснѣе теперь же, пока это въ нашей власти, выработать собственную конституцію послѣ тщательнаго и хладнокровнаго обсужденія состоянія и потребностей страны, чѣмъ откладывать это дѣло, рискуя встрѣтить впослѣдствіи разныя новыя неожиданныя затрудненія“...

„Противники независимости, вы не вѣдаете, что творите: вы навсегда обрекаете Америку на опасность тиранніи!.. Въ настоящее время есть тысячи, десятки тысячъ людей, готовыхъ на все, чтобы изгнать навѣки изъ Америки эту варварскую, гнусную силу, которая не постѣснилась даже направить на насъ индійцевъ и негровъ... Вѣдь нелѣпо, вѣдь просто безумно говорить о дружбѣ съ тѣмъ, кому вѣрить не позволяетъ намъ разумъ, кого любить не позволяетъ намъ воспоминаніе о тысячѣ обидъ и притѣсненій. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе порывается и та ничтожная связь, которая оставалась пока между нами и метрополіей“.

„Вы, говорящіе о примиреніи, можете ли вы вернуть намъ прошлое? Можете ли вы проституткѣ вернуть ея прежнюю невинность? Вы этого не можете, значитъ, не можете вы и помирить Америку съ Англіей. Послѣдняя связь оборвалась: англійскій народъ подаетъ противъ насъ петиціи. Есть обиды, простить которыхъ нельзя, которыхъ забыть не позволяетъ сама природа“...

„Я обращаюсь къ вамъ, любящимъ человѣчество, вѣрящимъ

въ него, къ вамъ, имѣющимъ смѣлость противиться не только тиранніи, но и самимъ тираннамъ, собирайтесь подъ знамя возстанія! Взгляните на старый міръ, вѣдь на немъ мѣста нѣтъ, гдѣ бы народъ не страдалъ отъ рабства или притѣсненія! Свободу гонятъ по всему лицу земли! Азія и Африка уже давно ее изгнали, Европа чуждается, не знаетъ ея, даже Англія начинаетъ теперь гнать ее отъ себя. Примите же бѣглянку, дайте ей убѣжище: вмѣстѣ съ этимъ вы приготовите пріютъ и для всего страждущаго человѣчества!“

Памфлетъ Пэна этимъ не кончается, но мы полагаемъ, что и приведеннаго извлеченія (около одной трети) изъ него вполнѣ достаточно, чтобы читатель могъ составить себѣ довольно ясное представленіе о самомъ замѣчательномъ и, можетъ быть, самомъ важномъ по своему вліянію литературномъ произведеніи изучаемой нами критической эпохи въ жизни америнанскаго народа.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ какъ отнеслись къ памфлету Пэна его современники, люди которыхъ онъ хотѣлъ увлечь своимъ страстнымъ призывомъ къ безповоротному разрыву съ Англіей.

XVII.

Вліяніе памфлета Т. Пэна по отзывамъ современниковъ.

Памфлетъ Пэна вышелъ изъ печати въ Филадельфіи 9 января 1776 г. безъ имени автора и сразу произвелъ огромное впечатлѣніе. Уже двадцатаго числа того же мѣсяца появилось второе изданіе, „значительно дополненное“. 25 числа другой филадельфійскій издатель, конкуррируя съ первымъ, объявилъ о предстоящемъ третьемъ изданіи, говоря, что уже „получены мѣстные заказы на сотни экземпляровъ и на тысячу изъ колоніи Виргиніи“. Издатель объявлялъ также, что готовится, сверхъ того, нѣмецкій переводъ. Однако, спросъ на памфлетъ Пэна оказался настолько огромнымъ, интересъ къ нему настолько всеобщимъ и притомъ не только въ Америкѣ, но даже и въ Англіи, что удовлетворить ему было совершенно не подъ силу двумъ филадельфійскимъ издателямъ, хотѣвшимъ монополизировать продажу памфлета. Памфлетъ Пэна былъ перепечатанъ въ цѣломъ рядѣ американскихъ городовъ и, кромѣ того, въ Лондонѣ, Нью-Кестлѣ, Эдинбургѣ, Ротердамѣ и въ Парижѣ. Втеченіе трехъ мѣсяцевъ памфлетъ въ одной Америкѣ былъ проданъ въ количествѣ болѣе 120,000 экземпляровъ. Къ этому времени, вѣроятно, не было въ Америкѣ человѣка, который бы не читалъ памфлета; содержаніе его составляло предметъ разговоровъ и споровъ во всѣхъ концахъ Америки.

Въ первыхъ изданіяхъ памфлета на обложкѣ значилось „написанъ англичаниномъ“. Въ позднѣйшихъ изданіяхъ уже не было такой надписи, но въ виду всеобщаго интереса, возбуждаемаго авторомъ, было напечатано слѣдующее: „Публикѣ совершенно незачѣмъ знать, кто авторъ этого произведенія, такъ какъ обсужденію подлежатъ

мысли памфлета, а вовсе не авторъ ихъ... Объ авторѣ можно только сказать, что онъ не имѣетъ связей ни съ какими партіями и не находится подъ вліяніемъ какихъ нибудь общественныхъ дѣятелей или частныхъ лицъ, слѣдуя только доводамъ разсудка и требованіямъ справедливости“.

Изъ свидѣтельствъ современниковъ о первомъ впечатлѣніи произведенномъ памфлетомъ Пэна, одно изъ наиболѣе раннихъ принадлежитъ генералу Ч. Ли, который 24 января 1776 г., т. е. всего двѣ недѣли спустя послѣ выхода въ свѣтъ памфлета, такъ писалъ Вашингтону: „Видѣли ли вы памфлетъ „Common Sense“. Я никогда не читалъ болѣе талантливаго, болѣе убѣдительнаго произведенія. Я надѣюсь, что эта книжка при томъ содѣйствіи, которое ей оказываютъ безумныя и гнусныя дѣйствія министровъ, нанесетъ послѣдній ударъ (coup de grâce) Великобританіи. Короче сказать, я долженъ сознаться, что аргументы ея автора меня вполнѣ убѣдили въ необходимости окончательнаго разрыва“. Вашингтонъ, очевидно, вполнѣ соглашался съ такимъ мнѣніемъ, такъ какъ онъ выразился почти тѣми же словами въ своемъ письмѣ къ Дж. Риду по поводу памфлета Пэна, письмѣ, посланномъ на другой день послѣ полученія письма Ли.

Еще черезъ нѣсколько дней, 6 февраля, въ статьѣ, напечатанной въ „Pennsylvania Evening Post“, одно лицо изъ колоніи Мэрилэндъ пишетъ: „если вы знаете автора „Common Sense“, скажите ему, что онъ совершилъ настоящее чудо, обративъ заядлыхъ тори въ революціонеровъ (виговъ)“. 14 февраля раздается голосъ восхищенія изъ Южной Каролины: „Кто авторъ „Common Sense“? Я просто готовъ поклониться ему, онъ, право, стоитъ памятника“. 24 февраля были напечатаны подобные же восторженные отзывы о памфлетѣ Пэна въ одной Нью-Іоркской газетѣ: „Памфлетъ „Common Sense“ чудесное произведеніе... Нельзя сомнѣваться въ томъ, что оно моментально произведетъ феноменальную (marvellous) перемѣну въ настроеніи, взглядахъ, чувствахъ многихъ американцевъ... Неизъяснимый восторгъ, овладѣвающій читателемъ памфлета, ... неизгладимое впечатлѣніе, производимое его доводами, ... ручается за то, что сѣмена независимости ... возростутъ на американской нивѣ“. А вотъ что мы читаемъ въ одномъ частномъ письмѣ, отправленномъ изъ Филадельфіи 12 марта. „Здѣсь вездѣ и всюду читаютъ „Com-

mon Sense“, и всякій, кто прочтетъ, становится сторонникомъ окончательнаго разрыва съ Англіей, хотя, можетъ быть, за часъ передъ этимъ тотъ же человѣкъ выражался самымъ рѣзкимъ образомъ по поводу всякаго намека на назависимость“. 12 апрѣля одна Нью-Іоркская газета писала: „памфлетъ „Common Sense“ обратилъ въ сторонниковъ независимости тысячи лицъ, которыя раньше и слышать ничего не хотѣли о разрывѣ съ Англіей“.

Мы не находимъ нужнымъ приводить дальнѣйшихъ доказательствъ огромнаго вліянія, оказаннаго памфлетомъ Пэна на ходъ американской революціи и на окончательное торжество той партіи американцевъ, которая вела дѣло къ окончательному разрыву съ метрополіей. Памфлетъ Пэна вышелъ въ январѣ 1776 года, а въ іюлѣ того же года послѣдовала торжественная декларація независимости, которой конгрессъ безповоротно повелъ дѣло къ политической самостоятельности Америки. Мы видѣли, какъ медленно, какъ неохотно склонялись американцы къ этому рѣшенію и, если, наконецъ, въ настроеніи американцевъ наступила рѣшительная перемѣна, то одной изъ причинъ—одной изъ могущественныхъ причинъ—такого поворота общественнаго мнѣнія было появленіе знаменитаго памфлета Пэна *). Таковъ не только приговоръ исторіи, какъ мы видѣли въ началѣ главы по сужденіямъ Тайлера, таково же было и мнѣніе самихъ современниковъ, какъ мы это видимъ изъ ряда только что приведенныхъ цитатъ.

Такимъ образомъ, памфлетъ Пэна принадлежитъ къ числу тѣхъ—правда рѣдкихъ—литературныхъ произведеній, на примѣрѣ которыхъ можетъ быть доказано очевиднѣйшимъ образомъ, что часто „слово“ не только не можетъ быть противополагаемо „дѣлу“, но само по себѣ составляетъ одно изъ величайшихъ по своему вліянію „дѣлъ“.

Мы подошли теперь къ одному изъ критическихъ моментовъ революціоннаго движенія. Какъ мы уже упоминали, въ іюлѣ 1776 г. конгрессъ представителей всѣхъ американскихъ колоній объявилъ, что цѣль возстанія отнынѣ не въ примиреніи съ

---

*) Сказать кстати, памфлетъ Пэна занимаетъ три съ половиною печатныхъ листа (54 страницы), въ новѣйшемъ изданіи сочиненій Пэна. The Wriings, of Th. Paine, vol. I (New Iork, 1894).

Англіей при условіи согласія ея на извѣстныя уступки колоніямъ, а въ достиженіи формальнаго отказа Англіи отъ какой бы то ни было власти надъ Америкой. Мы познакомились съ рядомъ литературныхъ произведеній, въ которыхъ защищалась та или иная точка зрѣнія на раздоръ Англіи съ ея колоніями, и видѣли, что литература играла видную роль въ развитіи революціоннаго движенія и въ значительной степени подготовила торжество крайнихъ партій. Но, можетъ быть, такое объясненіе не больше какъ плодъ нашей фантазіи, можетъ быть, мы, люди XIX вѣка, когда печать въ формѣ періодической прессы и слово въ рѣчахъ ораторовъ законодательныхъ и иныхъ собраній пріобрѣли столь могущественное значеніе, можетъ быть, повторяемъ, мы преувеличиваемъ значеніе литературы въ эпоху американской революціи, въ особенности вліяніе памфлета Пэна на событій.

Для дальнѣйшаго подтвержденія основательности высказанныхъ выше взглядовъ, мы надѣемся, достаточно привести слѣдующія слова, внесенныя въ свой дневникъ извѣстнымъ историкомъ американской революціи В. Гордономъ *). 7 іюня 1776 г., т. е. въ тотъ самый день, когда въ американскій конгрессъ было формально внесено Р. Ли предложеніе объявить независимость Америки.

„Литературныя произведенія, появившіяся одно за другимъ въ послѣдніе годы и такъ или иначе касавшіяся вопроса объ отношеніяхъ къ метрополіи, возбуждали большой интересъ въ обществѣ и сильно содѣйствотали революціонному движенію; однако, ни одно изъ этихъ произведеній не произвело столь глубокаго впечатлѣнія, какъ „Common Sense“, написанное англичаниномъ Том. Пэномъ... Это сочиненіе появилось, какъ нельзя болѣе, кстати. Согласуясь съ общимъ направленіемъ взглядовъ и чувствъ народа, оно произвело поразительнѣйшій эффектъ, вызвало самый горячій восторгъ, получило самое обширное рас-

---

*) Кстати сказать, англичаниномъ, прибывшимъ въ Америку въ 1770 году отчасти изъ интереса и симпатіи къ протестамъ Америки противъ посягательствъ на ихъ свободу. Гордонъ былъ священникомъ (pastor) конгрегаціонистскаго прихода одного изъ городовъ Массачузэтса. См. Literary History of American Revolution, vol, II, 423—28.

пространеніе... Множество людей, по прочтеніи памфлета, пришли къ убѣжденію, что истинные интересы Америки должны побуждать ее разрубить гордіевъ узелъ, связывающій ее съ Англіей и въ качествѣ независимой страны вступить въ непосредственныя торговыя и иныя сношенія со всѣми странами міра. Памфлетъ Пэна болѣе, чѣмъ что-либо другое, создалъ извѣстное единство въ отношеніи населенія всѣхъ колоній къ тѣмъ вопросамъ, которые подлежатъ обсужденію засѣдающаго въ настоящее время континентальнаго конгресса".

XVIII.

Томасъ Джефферсонъ объ обстоятельствахъ составленія Декларацiи Независимости.

Какъ извѣстно, такъ называемый второй континентальный конгрессъ, т. е. съѣздъ делегатовъ американскихъ колоній, собравшійся въ маѣ 1775 года (и съ тѣхъ поръ не расходившійся вплоть до фактической побѣды революціи въ 1781), видя, что его петиція королю оставлена безъ вниманія и что Англія принимаетъ дѣятельныя мѣры къ подчиненію Америки силой, съ своей стороны распорядился объ организаціи американскихъ сухопутныхъ войскъ и назначилъ главнокомандующимъ Дж. Вашингтона. Дж. Вашингтонъ пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность въ качествѣ способнаго офицера въ теченіи войны, которую незадолго передъ началомъ революціоннаго движенія Англія вела съ Франціей при помощи американской милиціи. Эта война, закончилась, какъ извѣстно, изгнаніемъ Франціи съ американскаго материка (уступкой Канады Англіи и остальныхъ владѣній на американскомъ материкѣ Испаніи).

Мы уже знаемъ, какъ перемѣнилось отношеніе американцевъ къ вопросу объ окончательномъ разрывѣ съ Англіей въ теченіе первой половины 1776 года. Резолюціи въ пользу объявленія независимости были вотированы законодательными собраніями многихъ колоній *), равно какъ и всякаго рода конвентами и на-

*) Въ то время уже образовавшихъ независимыя государства—states—или, какъ у насъ ихъ принято называть, „штаты“. Эти „штаты“ составили весьма слабый союзъ подъ названіемъ „конфедераціи“, причемъ конгрессъ являлся единственнымъ связующимъ элементомъ для этихъ „самодержавныхъ и независимыхъ“ штатовъ. Впослѣдствіи связь „штатовъ“ между собой была значительно увеличена принятіемъ до нынѣ дѣйствующей федеральной конституціи (1789 г.), См. „articles of confederation“ и нынѣшнюю конституцію въ цитированномъ сборникѣ Preston'а.

родными собраніями, засѣдавшими по тому или иному поводу въ теченіе 1776 года.

Общественное настроеніе настолько выяснилось, что, наконецъ, американскій конгрессъ рѣшилъ уступить народному движенію и въ іюнѣ 1776 года поручилъ одному изъ своихъ членовъ Т. Джефферсону составить торжественную „декларацію независимости“ Выборъ оказался какъ нельзя болѣе удачнымъ: декларація, составленная Джефферсономъ, представляетъ собой одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ политическихъ документовъ *), которыми обладаетъ человѣчество, какъ по тому вліянію, которое она имѣла на ходъ ближайшихъ событій—роковыхъ для Америки и важныхъ для всего міра,—такъ и въ особенности по тѣмъ политическимъ доктринамъ, которыя горячо и талантливо развиты въ ней Джефферсономъ. Эти доктрины оказали глубокое вліяніе на политическое развитіе не только самихъ американцевъ, но отчасти даже и европейцевъ, такъ какъ декларація получила самое широкое распространеніе и въ Англіи, и на континентѣ Европы,—особенно во Франціи, гдѣ еще такъ сильно было раздраженіе противъ Англіи, вызванное недавней войной, и такъ живо и горячо сочувствіе повстанцамъ **).

Вотъ какъ авторъ деклараціи независимости Томасъ Джефферсонъ, въ то время делегатъ колоніи Виргинія на континентальномъ конгрессѣ, объясняетъ условія, при которыхъ происхо-

*) Превосходное описаніе обстоятельствъ, при которыхъ конгрессъ вотировалъ декларацію, можно найти въ сочиненіи Higginson'a. A larger history of Un. States 260—270.

**) „Странно было видѣть“,—пишетъ англійскій историкъ Лекки,— „какъ пылало негодованіемъ общественное мнѣніе чисто деспотической страны по поводу того, что Англія нарушила конституціонныя права своихъ колоній... Нельзя было, однако, сомнѣваться въ искренности самого энтузіазма!... Когда, по желанію Франклина, декларація независимости была переведена на французскій языкъ и широко распространена по всей Франціи, Мирабо, сидѣвшій въ то время въ тюрьмѣ въ Венсенѣ недоумѣвалъ, читали ли и поняли ли эту декларацію тѣ, кто высказывалъ такія горячія симпатіи возставшимъ колонистамъ, и приходило ли имъ въ голову, что, исходя изъ теорій, развиваемыхъ въ деклараціи, ни одно правительство въ Европѣ нельзя было бы признать законнымъ, кромѣ правительства Англіи, Швейцаріи и Голландіи“. Цитируемъ по первому изданію Hartpole Lecky, History of England in XVII, century vol. IV, стр. 47—49.

дило составленіе, обсужденіе и окончательное утвержденіе этой знаменитой деклараціи, одного изъ важнѣйшихъ документовъ въ исторіи человѣчества *).

„Въ конгрессѣ—7 іюня 1776 года, делегаты Виргиніи согласно инструкціямъ отъ своихъ избирателей (constituents) предложили конгрессу объявить, что соединенныя колоніи Америки фактически и юридически представляютъ собой свободныя и независимыя государства (states), что они прервали всякія подвластныя отношенія къ Великобританіи, что всякая связь между колоніями и Великобританіей прекращена, почему слѣдуетъ немедленно принять мѣры къ тому, чтобы обезпечить помощь какой нибудь иностранной державы и образовать союзъ (Confederation) между самими колоніями для болѣе полной связи ихъ между собой... Такъ какъ во время послѣдовавшихъ преній выяснилось что колоніи Нью-Іоркъ, Нью-Джерси, Пенсильванія, Делавэръ, Мэрилэндъ и Южная Каролина не вполнѣ еще пришли къ убѣжденію (not yet matured) о необходимости порвать связь съ метрополіей, но однако быстро подвигались къ принятію такого взгляда (they were fast advancing to that state), было найдено болѣе благоразумнымъ выждать нѣкоторое время и отложить окончтельное голосованіе (рѣшеніе) до 1 іюля. Вмѣстѣ съ тѣмъ для того, чтобы это обстоятельство составляло возможно меньшую проволочку въ общемъ ходѣ дѣлъ, было рѣшено немедленно назначить комиссію для редакціи деклараціи независимости“ **).

„Въ составъ комиссіи были выбраны Дж. Адамсъ, Франклинъ, Р. Шерманъ, Р. Ливингстонъ и я. Комиссія по составленію деклараціи независимости поручила сдѣлать это мнѣ. Я составилъ декларацію и, когда она была одобрена всѣми членами комиссіи, представилъ ее конгрессу въ пятницу 28 іюня, когда она была въ первый разъ прочтена конгрессу и согласно его рѣшенію положена на столъ (ordered bo lie on the table)“.

„Въ понедѣльникъ 1 іюля конгрессъ въ спеціальномъ засѣ-

---

*) Объясненія Джефферсона мы цитируемъ по изданію профессора Харвардскаго университета Al. Bushnell Hart'a. American History as told by Contemporaries, vol. II, New.-York, 1898, 537—539.

**) Которая такимъ образомъ должна была представлять собой развитіе положеній, составившихъ содержаніе резолюціи, предложенной конгрессу делегатами Виргиніи.

даніи приступилъ снова къ обсужденію резолюціи, предложенной (7 іюня, см. выше) делегатами колоніи Виргинія. Дебаты по этому поводу продолжались цѣлый день, и резолюція была принята голосами делегатовъ колоніи Нью-Гемпширъ, Коннектикутъ, Массачузэтсъ, Родъ Айлэндъ, Нью-Джерси, Мэрилэндъ, Виргинія, Сѣверная Каролина и Георгія. Делегаты Южной Каролины и Пенсильваніи вотировали противъ принятія резолюціи. Отъ колоніи Делавэръ было только два делегата, и они оказались противоположныхъ мнѣній (голосованіе происходило по колоніямъ, представители каждой колоніи должны были сговориться между собой и вотировать согласно). Делегаты колоніи Нью-Іоркъ заявили, что они всѣ относятся сочувственно къ резолюціи и увѣрены, что также относится къ вопросу и законодательное собраніе колоніи, делегатами котораго они являются, но такъ какъ полученныя ими инструкціи (instructions) были имъ даны годъ тому назадъ, когда общимъ желаніемъ американцевъ было скорѣйшее примиреніе съ метрополіей, въ этихъ инструкціяхъ имъ предлагается воздерживаться отъ всего, что могло бы препятствовать такому примиренію. Вслѣдствіе этого, объяснили делегаты Нью-Іорка, они не считали себя въ правѣ подавать свой голосъ въ ту или другую сторону и просили освободить ихъ отъ голосованія резолюціи, что и было разрѣшено имъ конгрессомъ. Затѣмъ одинъ изъ делегатовъ Южной Каролины Эд. Ругледжъ предложилъ отсрочить окончательное голосованіе до слѣдующаго дня, такъ какъ онъ разсчитывалъ, что, хотя его товарищи, другіе делегаты Южной Каролины, и не сочувствуютъ резолюціи, они все-таки вѣроятно не откажутся присоединиться къ делегамъ остальныхъ колоній, чтобы придать деклараціи единодушный характеръ“.

„Такимъ образомъ окончательное голосованіе было отложено до слѣдующаго дня, когда резолюція была вторично принята, при чемъ на этотъ разъ въ пользу нея подали свой голосъ и делегаты Южной Каролины. Въ это время пріѣхалъ изъ Делавэра третій делегатъ и, будучи сторонникомъ резолюціи, склонилъ голосъ своей колоніи также въ пользу резолюціи. Такъ какъ при этомъ голосованіи участвовалъ нѣсколько иной составъ делегатовъ Пеннсильваніи, то и они подали свой голосъ иначе. Вслѣдствіи этого всѣ 12 колоній, делегаты которыхъ имѣли соответ-

ственныя полномочія, вотировали въ пользу резолюціи. Наконецъ созванный для этого конвентъ (convention) делегатовъ населенія Нью-Іорка также одобрилъ резолюцію; такимъ образомъ былъ восполненъ и тотъ пробѣлъ, который произошелъ отъ того, что делегаты колоніи Нью-Іорка воздержались отъ подачи своего голоса на конгрессѣ" *).

„Въ тотъ же день (2 іюля) конгрессъ приступилъ къ обсужденію составленной мной деклараціи независимости, которая была доложена въ первый разъ конгрессу въ предшествующую пятницу. Малодушная (pusillanimous) мысль, что у насъ есть между англичанами друзья, которыхъ слѣдуетъ по возможности щадить, не покидала многихъ изъ членовъ конгресса. Вслѣдствіе этого изъ деклараціи были выпущены мѣста, гдѣ выражалось порицаніе англійскому народу, чтобы не возбуждать его противъ себя. Такимъ же образомъ было выпущено то мѣсто деклараціи, гдѣ было выражено рѣзкое осужденіе рабству негровъ; это было сдѣлано въ угоду Южной Каролинѣ и Георгіи, которыя никогда не дѣлали попытокъ къ ограниченію ввоза негровъ изъ Африки, но напротивъ, даже, желали продолженія и впредь торговли неграми. Наши сѣверные братья (т. е. представители сѣверныхъ колоній; Виргинія, делегатомъ которой былъ Джефферсонъ, принадлежала къ южнымъ колоніямъ П. М.), надо полагать, также не совсѣмъ хорошо себя чувствовали, слыша рѣзкое осужденіе рабовладѣнія, такъ какъ, хотя жители сѣверныхъ колоній сами имѣли весьма мало рабовъ, они довольно часто занимались ввозомъ рабовъ въ южныя колоніи".

„Обсужденіе деклараціи продолжалось второе, третье и четвертое іюля; вечеромъ четвертаго іюля пренія кончились и декларація была подписана всѣми присутствовавшими членами конгресса кромѣ г. Дикинсона".

---

*) Это случилось уже послѣ самого факта объявленія деклараціи независимости (9 іюля). См. W. Bullit. Review of the Constitution of the United States. Cincinnati. 1899, p. 25.

XIX.

Декларація Независимости,

утвержденная конгрессомъ 4 іюля 1776 г.

Когда по ходу историческихъ событій тому или другому народу приходится по необходимости порвать политическую связь, соединявшую его съ другимъ народомъ, и занять среди земныхъ державъ независимое и равное со всѣми положеніе, на которое даютъ ему право законы природы и Верховнаго Властителя ея, то чувство элементарнаго уваженія къ общественному мнѣнію цивилизованнаго міра (человѣчества—mankind) требуетъ, чтобы этотъ народъ торжественно объявилъ о причинахъ, побудившихъ его на такой шагъ.

Слѣдующія истины мы считаемъ самоочевидными (self-evident). Всѣ люди рождаются равными, всѣ они одарены Творцомъ нѣкоторыми неотъемлемыми правами, къ числу которыхъ относится право на жизнь, свободу и на стремленіе (pursuit) къ счастію.

Правительство существуетъ для того, чтобы болѣе вѣрно обезпечивать людямъ осуществленіе этихъ правъ, при чемъ справедливость требуетъ, чтобы авторитетъ правительства имѣлъ въ основѣ согласіе народа. Когда же правительство является помѣхой для достиженія указанныхъ выше цѣлей, народу принадлежитъ право измѣнить форму правительства или даже вовсе его уничтожить и учредить вмѣсто него новое правительство, положивъ въ основу его такіе принципы и придавъ ему такую форму, которые наиболѣе обезпечивали бы безопасность и благоденствіе народа.

Очевидное благоразуміе несомнѣнно требуетъ, чтобы покоящееся на долгой исторической традиціи правительство не было измѣняемо изъ-за пустыхъ и преходящихъ причинъ, и, какъ по-

казываетъ историческій опытъ человѣчества, люди скорѣе готовы страдать, пока есть возможность терпѣть переносимыя ими бѣдствія, чѣмъ дѣлать попытки освободиться отъ своихъ несчастій, измѣняя формы общественныхъ отношеній, къ которымъ они привыкли. Однако, когда длинный рядъ злоупотребленій и правонарушеній, преслѣдующихъ неизмѣнно одну и ту же цѣль, обнаруживаетъ желаніе правительства захватить чисто деспотическую власть, народу принадлежитъ право, можно даже сказать, народъ обязанъ—низвергнуть такое правительство и организовать вмѣсто него новое, при которомъ было бы больше гарантій въ невозможности дальнѣйшаго повторенія подобныхъ злоупотребленій.

Таковы были терпѣливыя страданія жителей американскихъ (этихъ—these) колоній, и таковы переживаемыя ими въ настоящее время обстоятельства, принуждающія ихъ измѣнить прежнюю форму правительственной власти. Исторія нынѣ царствующаго короля Великобританіи представляетъ собой непрерывный рядъ попытокъ нанести ущербъ американскимъ колоніямъ и захватить власть, принадлежащую по праву самимъ колонистамъ, попытокъ, имѣющихъ прямой и очевидной цѣлью установленіе полной тираннiи (absolute tyranny) надъ американскими колоніями (these States, т. е. собственно надъ здѣшними государствами. Такимъ образомъ колонисты здѣсь называли уже свои колоніи государствами — states. Названіе великой американской республики — United States of America — въ точномъ переводѣ значитъ „Соединенные Государства Америки").

О справедливости вышесказаннаго нелицепріятный міръ можетъ судить по нижеслѣдующимъ фактамъ.

Англійскій король отказывалъ въ своемъ согласіи на законы въ высшей степени полезные и важные для общественнаго благоденствія колоній.

Онъ запрещалъ губернаторамъ утверждать законы настоятельной и чрезвычайной важности, предлагая пересылать ихъ для личной его подписи; когда же такимъ образомъ законы пересылались на утвержденіе короля, онъ оставлялъ ихъ безъ всякаго вниманія.

Онъ отказывался утверждать законы, необходимые для благоустройства значительныхъ областей съ большимъ населеніемъ, если это населеніе не желало отказываться отъ права представ-

вительства въ законодательномъ собраніи, — права неоцѣнимой важности для народа и страшнаго лишь для тиранновъ.

Онъ созывалъ законодательныя собранія въ мѣстахъ необычныхъ, неудобныхъ для большинства членовъ этихъ собраній и отдаленныхъ отъ мѣста храненія важнѣйшихъ государственныхъ актовъ тѣхъ же собраній съ единственной цѣлью причинить непріятности и неудобство членамъ законодательныхъ собраній и хотя этимъ побудить ихъ къ исполненію его желаній.

Онъ неоднократно распускалъ законодательныя собранія, если они съ мужественной тведостью дѣлали отпоръ его посягательствамъ на народныя права.

Распуская такимъ образомъ законодательныя собранія, онъ затѣмъ долгое время не назначалъ времени для новыхъ выборовъ (членовъ законодательныхъ собраній). Вслѣдствіе этого законодательная власть, уничтожить которую нельзя, возвращалась къ своему первоисточнику,—общему населенію колоніи, но, такъ какъ въ то же время въ колоніи не было учрежденія, которое могло бы выполнять функцію законодательнаго собранія, колонія подвергалась всѣмъ опасностямъ такого ненормальнаго положенія общественныхъ дѣлъ.

Онъ пытался помѣшать умноженію населенія американскихъ колоній, затрудняя изданіе законовъ о натурализаціи иностранцевъ, переселяющихся въ Америку, отказывая въ своемъ согласіи на законы, имѣвшіе цѣлью поощреніе эмиграціи въ Америку и, наконецъ, затрудняя пріобрѣтеніе земель въ новыхъ не заселенныхъ мѣстахъ.

Онъ мѣшалъ отправленію правосудія, не давая своего согласія на законы, имѣвшіе цѣлью организацію судебныхъ властей.

Онъ поставилъ судей въ зависимость только отъ себя по отношенію къ оставленію въ должностяхъ и полученію жалованья.

Онъ учредилъ множество новыхъ должностей въ колоніяхъ и прислалъ къ намъ массу чиновниковъ, причиняющихъ множество неудовольствій нашему населенію и проѣдающихъ народныя деньги.

Онъ содержалъ среди насъ въ мирное время постоянную армію, не имѣя на то согласія нашихъ законодательныхъ собраній.

Онъ пытался поставить военную власть въ положеніе, независимое отъ власти гражданской и выше ея.

Онъ въ совокупности съ другими лицами (парламентомъ П. М.) принялъ по отношенію къ намъ рядъ мѣръ, несогласныхъ съ нашей конституціей и недопустимыхъ по нашимъ законамъ, а именно онъ утвердилъ незаконные парламентскіе акты слѣдующаго содержанія:

Для расквартированія въ нашихъ колоніяхъ значительнаго числа вооруженныхъ солдатъ.

Для огражденія ихъ путемъ учрежденія какой-то пародіи суда отъ наказанія за убійства, которыя они могли бы совершить по отношенію къ жителямъ американскихъ колоній (these States, т. е. здѣшнихъ государствъ или „штатовъ“).

Для прекращенія нашей торговли со всѣми частями свѣта.

Для обложенія насъ налогами безъ нашего согласія.

Для лишенія насъ во многихъ случаяхъ благъ суда присяжныхъ.

Для разрѣшенія отправлять насъ на судъ въ метрополію за мнимыя преступленія.

Для уничтоженія свободной системы англійскаго управленія въ сосѣдней провинціи (Квебекъ. П. М.), учрежденія въ ней властей съ неограниченными полномочіями и расширенія границъ самой провинціи, вслѣдствіе чего эта провинція, будучи примѣромъ самовластнаго управленія колоніями, можетъ сдѣлаться подходящимъ орудіемъ для распространенія такихъ же принциповъ управленія и на другія американскія колоніи.

Для отобранія нашихъ хартій (колоніальныхъ хартій, опредѣлявшихъ основныя начала управленія П. М.), отмѣны нашихъ наиболѣе цѣнныхъ законовъ и коренного измѣненія въ системѣ колоніальнаго управленія.

Для распущенія нашихъ законодательныхъ собраній съ послѣдующимъ заявленіемъ, что англійскому парламенту принадлежитъ безусловная власть издавать законы, регулирующіе всѣ стороны нашей жизни (in all cases whatsoever).

Лишивъ насъ своего покровительства и начавъ съ нами войну, англійскій король этимъ самымъ отказался (abdicated) отъ всякой верховной власти надъ американскими колоніями.

Онъ грабилъ наши суда въ морѣ, раззорялъ наши берега, сжигалъ города, лишилъ жизни многихъ изъ нашихъ согражданъ.

Для довершенія своего человѣкоубійственнаго и тиранническаго дѣла, уже сопровождавшагося проявленіями жестокости и

вѣроломства, примѣра которымъ едва ли можно было бы найти даже въ самыя варварскія времена, и во всякомъ случаѣ недостойными главы цивилизованнаго народа,—для довершенія всего этого онъ перевозитъ теперь въ Америку огромныя арміи чужестранныхъ наемныхъ войскъ.

Онъ принуждалъ нашихъ согражданъ, взятыхъ въ плѣнъ съ судовъ, захваченныхъ въ моряхъ и океанахъ, поднимать оружіе противъ своей родины и становиться такимъ образомъ убійцами своихъ друзей и родныхъ или же самимъ пасть отъ руки своихъ притѣснителей.

Онъ возбудилъ среди насъ гражданскія междоусобія и пытался подговорить индійцевъ напасть на нашихъ поселенцевъ, живущихъ на окраинахъ колоній, между тѣмъ какъ извѣстно, что эти дикари во время войны безъ разбору убиваютъ всѣхъ жителей, не щадя ни пола, ни возраста, ни положенія.

Въ то время, когда мы испытывали всѣ эти притѣсненія, мы неоднократно обращались съ почтительнѣйшими вѣрноподданническими петиціями, но всѣ эти петиціи вели лишь къ дальнѣйшему увеличенію притѣсненій. Король, который такимъ образомъ, обличаетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ свойства деспота (Tyrant), недостоинъ быть правителемъ свободнаго народа.

Нельзя насъ упрекнуть и въ томъ, чтобы мы не обращали вниманія нашихъ англійскихъ братьевъ на испытываемыя нами притѣсненія. Отъ времени до времени мы доводили до ихъ свѣдѣнія о незаконныхъ попыткахъ англійскаго парламента распространить на насъ свою компетенцію (jurisdiction). Мы напоминали имъ, при какихъ обстоятельствахъ совершилось переселеніе и колонизація Америки. Мы обращались къ ихъ великодушію и чувству справедливости, мы заклинали ихъ узами кровнаго родства положить предѣлъ этимъ постояннымъ захватамъ власти, которые должны неминуемо привести къ прекращенію сношеній между колоніями и метрополіей и къ послѣдующему разрыву между ними. Но и они были глухи къ голосу справедливости и къ родственнымъ чувствамъ.

Необходимость поэтому побуждаетъ насъ отдѣлиться отъ Англіи и считать англійскій народъ, какъ и всякій другой народъ въ мірѣ, врагомъ во время войны и другомъ во время мира.

Въ виду всего вышеизложеннаго мы, представители Соединен-

ныхъ Штатовъ Америки, собравшись на общій конгрессъ и призывая въ свидѣтели правоты нашихъ намѣреній Верховнаго Судью вселенной, отъ имени американскаго народа и въ силу дарованной народомъ намъ власти торжественно объявляемъ и провозглашаемъ (solemnly publish and declare), что американскія соединенныя колоніи (these United Colonies) въ дѣйствительности и по праву свободные и независимые государства (States), что онѣ прервали всякія подданическія отношенія къ англійскому королю и что всякая политическая связь между этими колоніями и Великобританіей совершенно уничтожена, что въ качествѣ свободныхъ и независимыхъ государствъ (States) онѣ имѣютъ полную власть вести войны, заключать миръ, входить въ союзные договоры, регулировать торговыя отношенія и вообще совершать всѣ дѣла и акты, какіе могутъ по праву дѣлать независимыя государства. Твердо полагаясь на помощь Божественнаго Промысла, мы всѣ готовы защищать эту декларацію, ручаясь взаимно, другъ другу своей жизнью, достояніемъ и честью.

Джонъ Ханконъ (Hancock) президентъ конгресса.

(Далѣе слѣдуютъ подписи 55 членовъ конгресса).

XX.

Литературная дѣятельность Т. Пэна послѣ объявленія независимости.

Послѣ объявленія независимости послѣдовало значительное ослабленіе литературной борьбы между революціонерами и такъ называемыми лойялистами. Положеніе послѣднихъ существенно измѣнилось: если и прежде имъ трудно было открыто защищать свои взгляды въ виду преобладающаго числа ихъ противниковъ и большей ихъ смѣлости и рѣшительности, то теперь лойялистамъ оставалось лишь или прямо отказаться отъ своихъ взглядовъ и дѣйствовать за одно съ революціонерами, или же искать убѣжища среди англійскихъ войскъ или въ мѣстахъ, находящихся во власти послѣднихъ. Съ объявленіемъ независимости для американца быть сторонникомъ Англіи значило быть измѣнникомъ своего отечества.

Однако, и при измѣнившихся обстоятельствахъ литература не переставала играть серьезную роль въ описываемомъ движеніи.

Правда, теперь литература утратила значеніе арены для запоздалой уже аргументаціи за и противъ разрыва съ Англіей, но за то пріобрѣла едва ли менѣе важное значеніе могущественнаго средства для поддержанія бодрости и одушевленія той или другой партіи въ тяжелые дни испытаній, выпадавшихъ въ достаточной мѣрѣ какъ на долю англичанъ и оставшихся имъ вѣрными лойялистовъ, такъ и въ особенности на долю патріотовъ или революціонеровъ.

Заслуги Т. Пэна и въ этотъ періодъ революціоннаго движенія весьма велики. Принимая участіе во многихъ походахъ американскихъ войскъ въ качествѣ адъютанта генерала Грина, испытавъ всѣ лишенія и невзгоды, обрушившіяся на американцевъ

въ первые годы войны, Пэнъ не прекращалъ служить дѣлу освобожденія Америки и своимъ перомъ, выпустивъ въ теченіе войны 16 памфлетовъ подъ общимъ названіемъ „Crisis“, памфлетовъ, не разъ возбуждавшихъ бодрость американцевъ послѣ какой-нибудь особенно тяжелой неудачи или пораженія.

„Мы переживаемъ ужасное время“,—писалъ въ первомъ изъ этихъ памфлетовъ Т. Пэнъ.—„время, когда подвергаются тяжелому испытанію человѣческія сердца... Кто теперь не упадетъ духомъ, кто теперь покажетъ себя патріотомъ, тотъ окажетъ отечеству великую услугу. Побѣда надъ тиранніей, какъ и надъ дьяволомъ, достается не легко. Будемъ помнить, что чѣмъ тяжелѣе борьба, тѣмъ болѣе славы въ побѣдѣ... Воспряньте же духомъ, друзья, не щадите силъ; никакое усердіе, никакой трудъ не могутъ считаться чрезмѣрными въ виду той великой цѣли, которую мы преслѣдуемъ. Пусть знаютъ грядущія поколѣнія, что въ глубокую и жестокую зиму, когда, кажется, насъ могли поддержать лишь сила надежды и добродѣтели, всѣ американцы оставили свои дома въ городахъ и деревняхъ и сошлись для отраженія опаснаго врага... Мертво должно быть то сердце, которое и теперь остается безчувственнымъ. Собственныя дѣти будутъ проклинать трусость тѣхъ, кто сробѣетъ въ настоящій часъ, когда одно дружное усиліе можетъ спасти все дѣло и обезпечить счастіе потомству... Какъ я люблю тѣхъ, кто имѣетъ силу и самообладаніе улыбаться среди тревоги, кто дѣлается тѣмъ смѣлѣй, чѣмъ ближе становится опасность!.,. Пусть дрожатъ подлыя души; тѣ же, у кого сердце твердо, кто дѣйствуетъ, слѣдуя голосу убѣжденія, сумѣютъ остаться вѣрными своимъ принципамъ не смущаясь даже призракомъ смерти... Безумно ожидать милосердія отъ тѣхъ, кто отказалъ намъ въ справедливости! Твердость и мужество сулятъ намъ славное будущее, трусость и малодушіе могутъ принести намъ лишь одни бѣды и несчастія: страну нашу разорятъ, города обезлюдятъ, всѣхъ насъ лишатъ свободы и безопасности, дома обратятъ въ казармы и публичные дома для гессенскихъ *) наемниковъ. Представимъ себѣ такую кар-

*) Англійское правительство, не имѣя возможности набрать достаточное количество солдатъ для войны съ американцами у себя дома (отчасти вслѣдствіе того, что въ Англіи не было полнаго сочувствія войнѣ съ Америкой), принуждено было нанять солдатъ въ Германіи, гдѣ на эту сдѣлку охотно пошелъ гессенскій герцогъ. Многіе гессенскіе солдаты на

тину и, если между нами есть хотя одинъ глупецъ и негодяй, который думаетъ и чувствуетъ иначе, пусть онъ страдаетъ, не вызывая ни въ комъ сожалѣнія".

Дѣйствіе памфлетовъ Пэна, которые онъ подписывалъ такъ много говорившими сердцу американцевъ словами „авторъ „Common Sense", было громадно и распространялось на всю народную массу, какъ это удостовѣряютъ многіе современники. Изъ приведенной выше цитаты читатель можетъ судить лишь объ общемъ характерѣ содержанія памфлетовъ Пэна, но только литературный талантъ, равный таланту самого Пэна, могъ бы воспроизвести блестящую ихъ форму, такъ много значущую для всякаго произведенія, которое должно дѣйствовать на народную массу, зажигая въ ней огонь страсти, пробуждая въ ней вѣру и надежду среди ряда неудачъ и разочарованій.

„Кто хочетъ наслаждаться благами свободы", писалъ Пэнъ на другой день послѣ особенно тяжкаго пораженія, понесеннаго американской арміей,—„долженъ умѣть мужественно сносить всякія невзгоды, всякія страданія. Вчерашнее событіе должно лишь возбуждать въ насъ сознаніе долга передъ отечествомъ и сдѣлать насъ еще болѣе готовыми къ новымъ жертвамъ; оно отнюдь не можетъ, оно никакъ не должно колебать нашу твердость. Вѣдь мы воюемъ не за тотъ или иной клочекъ земли, мы воюемъ за великое дѣло. Не все ли равно, нанесемъ ли мы врагу сразу одно рѣшительное пораженіе или же уничтожимъ его постепенно?... Въ концѣ концовъ, мы всегда до сихъ поръ въ общемъ выигрывали, выиграемъ и теперь!... Неужели десяти или двѣнадцати тысячамъ разбойниковъ, которые, кстати сказать, потеряли вчера полторы или двѣ тысячи убитыми и ранеными, удастся покорить Америку или хотя бы одинъ штатъ? Это можетъ произойти лишь тогда, когда мы будемъ сидѣть, сложа руки, и сами дозволимъ имъ это сдѣлать. Еще одно одно такое сраженіе, пусть даже оно опять для насъ будетъ неудачнымъ, еще болѣе ослабитъ нашего врага и подгото-

---

шли себѣ преждевременную могилу въ Америкѣ, платя своей кровью за расточительность своего герцога. Это, можетъ быть, лучше всего показываетъ, въ какомъ положеніи находился тогда въ Европѣ народъ. См. Goldwin Smiths. The United States. A political history, 1893, 85.

Число этихъ несчастныхъ гессенскихъ солдатъ, посланныхъ для порабощенія Америки, достигало почти 18,000.

вить окончательное его пораженіе... Мы слишкомъ много поставили на карту, не можемъ колебаться ни минуты и должны рѣшительно дѣйствовать. Непріятель вторгался и въ другіе штаты, но его вездѣ прогоняли, прогонимъ его и мы. Теперь пришелъ нашъ чередъ и, кто знаетъ, можетъ быть намъ суждено нанести послѣдній ударъ!“...

Какъ мы уже упоминали, Пэнъ съ самаго начала войны за независимость дѣлилъ съ американцами выпавшіе на ихъ долю труды и опасности. Средства къ жизни Пэнъ зарабатывалъ себѣ то въ качествѣ секретаря комитета конгресса по иностраннымъ дѣламъ, то въ качествѣ клерка въ одной коммерческой конторѣ, то въ качествѣ секретаря законодательнаго собранія Пенсильваніи. Въ сентября 1777 года, составляя для конгресса въ Филадельфіи депеши къ Франклину, находившемуся въ то время въ Парижѣ, онъ услышалъ грохотъ выстрѣловъ подступавшаго непріятеля. Пэнъ моментально составилъ свѣжій номеръ „Crisis'а, въ которомъ старался предовратить народную панику, и затѣмъ кинувъ перо, бросился къ властямъ, которыхъ убѣждалъ принять рѣшительныя мѣры къ защитѣ города, предлагая, прежде всего, составить волонтерскій отрядъ. Это ему не удалось, и онъ, не теряя времени, поспѣшилъ къ мѣсту стоянки американскихъ войскъ и въ качествѣ адъютанта генерала Грина принималъ участіе въ опасныхъ походахъ того года; въ полномъ ужасовъ отступленіи къ Valley Forge Пэнъ шелъ рядомъ съ Вашингтономъ *).

Въ февралѣ 1781 года, въ то время, когда, казалось, война за независимось должна была скоро прекратиться вслѣдствіе отсутствія у американцевъ всякихъ средствъ къ продолженію ея, Пэнъ уѣхалъ во Францію вмѣстѣ съ полковникомъ Лоренсомъ (послѣдній ѣхалъ въ качествѣ чрезвычайнаго посла) просить денежной помощи у французскаго короля. Черезъ полгода Пэнъ и Лоренсъ вернулись, привезя съ собой, какъ результатъ поѣздки, 2.500,000 ливровъ; кромѣ того, съ ними пришло судно съ грузомъ платья, аммуниціи и оружія. Это послѣдняя присылка изъ Франціи была весьма своевременна и, можетъ быть, безъ нея не могли бы состояться

*) Критическое положеніе американской арміи послѣ отступленія описано въ оффиціальномъ донесеніи Вашингтона къ президенту конгресса: до 3000 солдатъ, пишетъ Вашингтонъ, не могутъ нести службы, такъ какъ не имѣютъ обуви и частію другой одежды. Донесеніе помѣчено 23 декабря 1777 г.

нѣкоторыя событія, подготовившія роковую для англичанъ сдачу генерала Корнваллиса.

„Какъ ни благородна, какъ ни велика была помощь американскому дѣлу, оказанная этими заслугами Пэна“—говоритъ проф. Тайлеръ,—„все же ее никакъ нельзя сравнивать съ той помощью которую Пэнъ оказалъ дѣлу революціи, какъ писатель, въ особенности какъ авторъ „Crisis'a“. Между декабремъ 1776 года, когда появился первый памфлетъ серіи, носившей упомянутое названіе, до декабря 1783 года, когда вышелъ изъ печати послѣдній памфлетъ, этотъ неутомимый человѣкъ выпустилъ 16 такихъ памфлетовъ, пытаясь въ каждомъ изъ нихъ отвѣтить на запросы дня и—что можетъ быть самое поразительное—составляя свои литературныя произведенія въ крайней нуждѣ и бѣдности, бѣдности настолько значительной, что однажды, вскорѣ послѣ возвращенія изъ Франціи, Пэнъ извинялся передъ своимъ другомъ Лоренсомъ, находившимся въ то время среди войскъ, осаждавшихъ Іорктаунъ, по поводу промедленіи въ высылкѣ сапогъ, заказанныхъ Лоренсомъ въ Филадельфіи, признавшись откровенно что у него раньше не было денегъ заплатить за сапоги“.

Надо сказать, наконецъ, что Пэнъ своими литературными произведеніями оказалъ великія услуги американцамъ не только во время войны,—своимъ страстнымъ призывомъ къ борьбѣ,—но и послѣ фактическаго торжества американцевъ—убѣдительной проповѣдью необходимости единенія, необходимости для отдѣльныхъ колоній (въ то время уже штатовъ) пожертвовать частью своихъ верховныхъ правъ для образованія достаточно сильнаго государства, способнаго постоять за честь новаго американскаго флага.

„Объединеніе колоній въ одно государство—вотъ что должно теперь больше всего озабочивать всякаго мыслящаго американца“,—писалъ Пэнъ въ концѣ войны... „Только такимъ образомъ мы можемъ обезпечить себѣ значеніе въ международныхъ сношеніяхъ и безопасность у себя дома. Короче говоря, мы не можемъ имѣть прочной національной самостоятельности иначе, какъ въ качествѣ „Соединенныхъ Штатовъ“. Отдѣльныя лица и отдѣльныя колоніи (штаты) могутъ называть себя какими угодно именами, но міръ, и въ особенности міръ враговъ, не испугаешь громкимъ названіемъ. Верховная власть должна имѣть силу противостоять врагу, и мы, американцы, только тогда можемъ надѣяться имѣть у себя

такого рода верховную власть, если мы составимъ изъ колоній дѣйствительно „Соединенные Штаты“, съ федеральнымъ правительствомъ, облеченнымъ серьезной властью... Я всегда возмущаюсь, когда слышу сколько-нибудь пренебрежительное отношеніе къ вопросу объ образованіи болѣе тѣсной федераціи штатовъ и болѣе сильнаго союзного правительства—оплота нашей свободы безопасности, счастія... Въ самомъ дѣлѣ, это важнѣйшій вопросъ политической организаціи Америки, который долженъ больше, чѣмъ что-нибудь другое, озабочивать нашъ умъ, шевелить наше чувство. Въ качествѣ представителей особой націи, мы существуемъ лишь какъ граждане „Соединенныхъ Штатовъ“, принадлежность тому или другому отдѣльному штату есть второстепенное мѣстное отличіе. Это отличіе существуетъ лишь для насъ самихъ; первое-же отличіе выдѣляетъ насъ отъ всего остального міра. Для насъ нѣтъ и не должно быть болѣе высокаго званія, какъ званіе американскихъ гражданъ, или просто американцевъ“!

XXI.

Лойялистская литература послѣ начала борьбы за независимость.

Лойялистская литература послѣ объявленія независимости въ двухъ отношеніяхъ отличалась отъ литературы революціонной того же времени. Во-первыхъ, она далеко уступала послѣдней по объему, во-вторыхъ, она обращалась преимущественно къ чувству читателей, можетъ быть, вслѣдствіе ослабѣвшей среди лойялистовъ увѣренности въ значеніи аргументаціи въ такое время, когда люди были увлечены страстями.

Едва-ли можно удивляться тому, что литература лойялистовъ между 1776 и 1783 гг.*) значительно уступаетъ революціонной литературѣ того же времени по объему: всѣ наиболѣе энергичные лойялисты должны были теперь или совсѣмъ уѣхать изъ Америки, или же искать убѣжища среди непріятельскихъ войскъ: лойялисты не располагали ни одной газетой, ни одной типографіей, исключая тѣхъ, которыя находились въ городѣ Нью-Іоркѣ **), или въ тѣхъ городахъ, которые на болѣе или менѣе продолжительный срокъ попадали во власть англичанъ. Не надо забывать и того, что даже и тѣ литературныя произведенія лойялистовъ, которыя во время борьбы съ англичанами были напечатаны, могли лишь съ большимъ трудомъ получить распространеніе среди колонистовъ, такъ какъ представляли собой родъ контрабанды, запретнаго плода, который надо было прятать отъ нескромныхъ глазъ.

Страстность литературы лойялистовъ, преобладаніе въ ней эмоціональнаго элемента нисколько не лишаетъ ее, однако, исто-

---

*) Т. е. между годомъ объявленія независимости и годомъ заключенія мира.

**) Который во время войны находился въ рукахъ англичанъ.

рическаго значенія въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ средствъ для пониманія внутреннихъ пружинъ американской революціи. Обѣ стороны, обѣ партіи американцевъ боролись не только головой, не только руками, но и сердцемъ; война была не только въ сферѣ мыслей и физической силы, но и въ области чувствъ и страстей; противники старались поразить одинъ другого не только фактами и аргументами, но и насмѣшками, упреками, проклятіями...

Съ самаго же начала рѣзкаго разлада между двумя партіями, на которыя раздѣлились американцы, тори или лойялисты чаще всего упрекали виговъ въ противорѣчіи самимъ себѣ, выражавшемся въ томъ, что виги или революціонеры стремились защитить американскую свободу такими пріемами и такими путями, которые, по мнѣнію тори, являлись сами по себѣ величайшими посягательствами на свободу. Вслѣдствіе этого, говорили тори, многіе примкнули къ революціонерамъ исключительно изъ опасенія общественнаго остракизма, изъ боязни преслѣдованій черни. Мы уже упоминали объ одной изъ мѣръ континентальнаго конгресса (въ 1774 г.)—о предложеніи американцамъ составить такъ называемое „Соглашеніе“, которымъ подписывавшіеся подъ нимъ обязывались не входить ни въ какія торговыя сношенія съ англичанами, не покупать и не употреблять продуктовъ англійской промышленности и т. д.

Многіе американцы, такъ увѣряли тори, подписывали такое „соглашеніе“ вовсе не изъ сочувствія къ затѣямъ революціонеровъ, а исключительно изъ страха прослыть политически неблагонадежными. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это было дѣйствительно такъ. У насъ остался даже отъ того времени любопытный литературный документъ—въ видѣ пародіи на извѣстный монологъ Гамлета,—характеризующій, съ точки зрѣнія тори, положеніе многихъ американцевъ одного съ нимъ образа мыслей.

Вотъ начало этого монолога.

Затрудненіе американскаго лойялиста.

Подписывать или не подписывать—вотъ въ чемъ вопросъ?
Что лучше для честнаго человѣка—подписать и обезпечить безопасность,
Или, пренебрегая всѣмъ, избѣгать всякихъ „соглашеній“?
Бѣжать,—все равно куда,—и бѣгствомъ избѣгнуть

Тысячи оскорбленій, которыхъ всегда должны здѣсь ждать лойялисты.

Бѣжать — нуждаться? Только-ли нуждаться — можетъ быть, даже умереть съ голоду?

. . . .

Итакъ, какъ мы только что упоминали, лойялисты чаще всего упрекали революціонеровъ въ томъ, что они насаждаютъ свободу насильственными мѣрами. Въ этомъ отношеніи любопытно также слѣдующее „Посланіе“ (въ стихахъ) къ Роберту Вильсу—издателю „Carolina Gazette“—одного молодого лойялиста, попавшаго за эту смѣлую выходку въ тюрьму.

„Извини, дорогой Робертъ, я не могу считать вѣрнымъ,
Хотя это и утверждаетъ Соломонъ, что подъ луной нѣтъ ничего новаго.
Если бы Соломонъ жилъ въ наше время, онъ долженъ былъ бы сознаться,
Что въ нашемъ западномъ полушаріи все ново, стараго не осталось и слѣда.
Если же онъ, однако, стоялъ бы на своемъ и повторялъ свои слова,
Я бы предложилъ этому мудрому сыну Давида нѣсколько простыхъ вопросовъ:
—Случалось ли когда-нибудь на свѣтѣ, чтобы люди были наказываемы судомъ
За то, что они не нарушали закона? Было-ли когда-нибудь,
Чтобы людей обмазывали дегтемъ и обсыпали затѣмъ перьями за то, что они пьютъ чай?
Случалось-ли прежде, чтобы насиліемъ и притѣсненіями людей принуждали быть свободными?
Видано-ли было когда-нибудь, чтобы люди, утверждающіе, что всѣ человѣческія существа
Всегда были и всегда будутъ по праву свободны, какъ вѣтеръ,
Въ то же время сжигали своихъ рабовъ за то, что тѣ
Повѣрили такимъ словамъ, которыя не сходятъ съ устъ ихъ господъ... *)

---

*) Рабовладѣніе составляло темное пятно на свѣтломъ фонѣ общественной жизни американскихъ колоній Надо сказать, впрочемъ, что рабовладѣніе получило развитіе въ Америкѣ въ значительной степени вопреки желанію самихъ колонистовъ, такъ какъ торговля неграми (вывозимыми изъ Африки) приносила большія выгоды „Королевскому Африканскому Обществу“, которое занималось этой торговлей и которое пользовалось особымъ покровительствомъ англійскаго правительства. Возстаніе противъ Англіи отодвинуло на задній планъ вопросъ объ уничтоженіи

Лойялисты упрекали революціонеровъ и въ томъ, что ихъ вожди принадлежатъ по своему происхожденію и положенію къ низшимъ слоямъ общества, тогда какъ большинство людей богатыхъ, занимающихъ высокое положеніе въ обществѣ и людей высоко образованныхъ —лойялисты. Эта мысль развивается, напр., въ „Новѣйшемъ катехизисѣ“, напечатанномъ въ „New York Gazette“ 23 мая 1777 года. Вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ и относящихся къ нимъ отвѣтовъ, которые мы находимъ въ этомъ оригинальномъ катехизисѣ.

Вопр. Кто главные сторонники и коноводы американской революціи?

Отв. Небольшая кучка безпринципныхъ людей и неудачниковъ въ Англія и гнусная, злонамѣренная шайка въ Америкѣ, нахально присвоившая себѣ названіе конгресса...

Вопр. Изъ кого состоитъ этотъ конгрессъ?

Отв. Изъ ничтожныхъ, никому неизвѣстныхъ адвокатовъ, кляузниковъ, обанкротившихся лавочниковъ, злостныхъ контрабандистовъ и т. п.

Вопр. Изъ кого состоятъ шайки революціонеровъ и кто ихъ предводители?

Отв. Эти шайки состоятъ изъ всякихъ отбросовъ и подонковъ общества; предводители ихъ по своимъ достоинствамъ не уступаютъ членамъ конгресса...

Члены американскаго конгресса особенно часто были предметомъ насмѣшекъ и въ стихахъ, и въ прозѣ со стороны лойялистскихъ писателей. Особенно широкое распространеніе среди лойялистовъ получила вышедшая въ 1776 году (т. е. въ годъ объявленія независимости) баллада „The Congress“, въ которой непризнаваемое тори законодательное собраніе было осыпано въ прекрасныхъ стихахъ массой крайне рѣзкихъ эпитетовъ.

Смѣлые плуты, набитые дураки,
Сующіеся не въ свое дѣло ослы
И ихъ покорные прихвостни—
Вотъ изъ кого состоитъ конгрессъ.

рабовладѣнія въ Америкѣ, такъ какъ этотъ вопросъ могъ бы оттолкнуть отъ общаго дѣла южныя колоніи, гдѣ трудъ негровъ-рабовъ успѣлъ уже получить широкое примѣненіе. Какъ извѣстно, уничтоженіе рабства негровъ въ Америкѣ произошло лишь во второй половинѣ XIX стол. и вызвало междоусобную войну между южными и сѣверными штатами.

Когда Господь рѣшилъ показать намъ свой гнѣвъ
И подвергнуть всякимъ бѣдствіямъ,
Онъ не поразилъ насъ язвой или голодомъ, а подвергъ гораздо болѣе тяжкому испытанію:
Онъ послалъ намъ конгрессъ.

И вотъ теперь миръ оставилъ наши злосчастные берега,
Загремѣли пушки, наполняя сердца ужасомъ,
Мы только и слышимъ о крови, ранахъ о страданіяхъ и смерти.—
И все это дѣло конгресса.

. . . .

Когда мерзостныя насѣкомыя какъ-нибудь попадутъ на свѣтъ,
Они стараются поскорѣй убѣжать
И скрыться гдѣ-нибудь во мракѣ.
Такъ себя держитъ и конгрессъ *)

Конгрессъ попираетъ всякія права свободныхъ людей,
По его командѣ мы постимся и молимся **)
Онъ платитъ намъ ничего не стоющими бумажками,
Вотъ какова гнусная политика конгресса!

. . . .

По поводу послѣдняго изъ приведенныхъ стиховъ надо замѣтить, что неумѣренный выпускъ бумажныхъ денегъ конгрессомъ служилъ не разъ поводомъ для язвительныхъ насмѣшекъ лойялистовъ. Правда, къ такому выпуску бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ конгрессъ былъ вынужденъ исключительными трудностями своего положенія; ему приходилось вести войну съ сильнымъ и богатымъ врагомъ, не имѣя никакихъ собственныхъ источниковъ дохода, кромѣ тѣхъ взносовъ, которые дѣлались каждой колоніей отдѣльно, такъ какъ конгрессъ своей властью не имѣлъ права взимать съ населенія никакихъ налоговъ. ***)

---

*) Намекъ на то, что конгрессу, собравшемуся первоначально въ Филадельфіи, пришлось въ теченіе войны мѣнять мѣсто своихъ засѣданій въ зависимости отъ движенія непріятельской арміи.

**) Конгрессъ нѣсколько разъ въ критическія минуты борьбы съ Англіей назначалъ день, который предлагалъ всѣмъ американцамъ провести въ постѣ и въ молитвахъ Всевышнему объ оказаніи помощи ихъ правому дѣлу.

***) Выше было сказано, какъ слаба была первоначально связь между „Соединенными Штатами", пока они составляли, такъ назыв., „конфедерацію" (до 1789 г.).

Извѣстно, однако, какъ склонны правительства злоупотреблять выпускомъ бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ даже во время глубокаго мира и тѣмъ болѣе, конечно, во время войны. Мы не удивимся поэтому, что и конгрессъ не сумѣлъ соблюсти мѣру и, выпустивъ въ 1775 году на 6 милліоновъ бумажныхъ долларовъ, въ 1776 году довелъ число выпущенныхъ бумажекъ до 19 мил., до 63 въ 1778 и до 140 въ 1779 г. Съ конца 1776 года началось паденіе цѣнности бумажнаго доллара, до тѣхъ поръ мѣнявшагося al pari; въ концѣ 1777 года за бумажный долларъ давали 33 цента (вмѣсто 100) серебромъ, въ концѣ 1779 года 12 центовъ и въ началѣ 1780 менѣе 2 центовъ. Въ это время (въ 1779 г.) за фунтъ сахару приходилось платить 11 долл, и 100 долларовъ за фунтъ чаю. Въ 1781 г. Джефферсонъ заплатилъ доктору за два визита 3,000 дол., а Т. Пэнъ за пару шерстяныхъ носковъ 300 бумажныхъ долларовъ.

Такой упадокъ цѣнности денежныхъ знаковъ, созданныхъ революціоннымъ правительствомъ, казалось, предвѣщалъ близкую и неизбѣжную неудачу войны, которую приходилось вести на такія средства; несомнѣнно такая увѣренность въ значительной степени содѣйствовала тому, что лойялисты особенно охотно изощрялись по поводу финансовыхъ средствъ революціонеровъ. Такъ, три мѣсяца спустя послѣ объявленія независимости, въ „New-York Gazette“ было напечатано сатирическое объявленіе, въ которомъ предлагалось большое количество бумажныхъ долларовъ въ качествѣ одного изъ наиболѣе дешевыхъ матеріаловъ для оклеиванія стѣнъ. Въ другой разъ въ той же газетѣ сообщалось, что бумажные доллары употребляются многими для растапливанія печей, для закуриванія трубокъ и для другихъ еще болѣе низменныхъ цѣлей.

Въ 1778 году въ той же газетѣ былъ напечатанъ разсказъ подъ названіемъ „Сонъ“, въ которомъ въ шуточномъ тонѣ было изложено то, что происходило на томъ свѣтѣ при прибытіи туда умершихъ въ недавнее время членовъ конгресса. Эти почтенные государственные люди, говорилось въ разсказѣ, „были такъ преисполнены сознаніемъ важности присвоеннаго ими себѣ званія, что взяли съ собой даже на тотъ свѣтъ свои сенаторскія кресла, хотя имъ пришлось вслѣдствіе этого заплатить вдвойнѣ за переправу черезъ Стиксъ“. Впрочемъ, вопросъ о цѣнѣ не имѣлъ для американскихъ

сенаторовъ никакого значенія, „такъ какъ они захватили съ собой изрядное количество бумажныхъ долларовъ, а Харонъ оказался настолько наивнымъ, что принялъ отъ нихъ эти доллары. Теперь онъ ругается на чемъ свѣтъ стоитъ, не зная какъ бы сбыть съ рукъ эти доллары хоть по какой-нибудь цѣнѣ“.

Само собой разумѣется, что при такомъ состояніи общественныхъ финансовъ офицеры и солдаты революціонной арміи должны были выносить чрезвычайныя лишенія. Послѣ прибытія союзныхъ французскихъ войскъ многіе американскіе офицеры, за неимѣніемъ порядочнаго костюма и за недостаткомъ средствъ для приличнаго стола, не могли отвѣчать своимъ французкимъ друзьямъ на ихъ пріемы и угощенія. Американцы лойялисты, какъ и англійскіе офицеры постоянно издѣвались поэтому надъ жалкимъ обмундированіемъ революціонныхъ войскъ и ихъ хроническимъ безденежьемъ. Одинъ англійскій офицеръ, служившій въ войскахъ, стоявшихъ гарнизономъ въ Нью-Іоркѣ, записалъ въ свой дневникъ 1 марта 1777 года слѣдующія строки: „Одинъ дезертиръ изъ арміи мятежниковъ, явившійся къ намъ въ Нью-Іоркъ сегодня утромъ, говоритъ, что американскія войска испытываютъ крайній недостатокъ въ хлѣбѣ и что, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ главной квартиры американскихъ воискъ, Вашингтону приходится подвязывать свои брюки ремешками, такъ какъ пуговицы онъ уже давно продалъ, чтобы купить чего нибудь съѣстного. Бумажекъ, правда, у него много, но съ тѣхъ поръ, какъ старый Франклинъ уѣхалъ во Францію, некому превозносить эту дрянь, и мѣстные жители не уступаютъ даже своей скверной провизіи за бумажные доллары“...

При такомъ положеніи дѣлъ американцамъ было весьма трудно вести войну съ Англіей, и они дѣятельно искали себѣ союзниковъ въ Европѣ. Франція, у которой была еще свѣжа въ памяти утрата Канады, конечно, радовалась случаю отмстить своему старому врагу, но долго не рѣшалась сдѣлать это открыто. Наконецъ, старанія Франклина, находившагося въ Парижѣ съ декабря 1776 года, увѣнчались успѣхомъ, и въ февралѣ 1778 года Франція заключила формальный союзъ съ американцами.

Мысль о возможности такого союза сдѣлала англійское правительство готовымъ на всякія уступки, и вотъ, когда союзъ Франціи съ Америкой былъ уже совсѣмъ близокъ къ осуществленію, въ самомъ началѣ 1778 г. министерство внесло въ парламентъ

билль, въ которомъ было торжественно заявлено, что „Англія отказывается отъ права облагать какими бы то ни было налогами и пошлинами сѣверо-американскія колоніи, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда это требуется для регулированія торговыхъ отношеній, при чемъ весь чистый доходъ отъ такихъ пошлинъ и налоговъ подлежитъ обращенію на пользу тѣхъ колоній, съ населенія которыхъ они будутъ взысканы“. Но теперь—увы!—было поздно, и даже обѣщаніе такихъ уступокъ не могло больше склонить колонистовъ къ примиренію съ метрополіей.

Заключеніе формальнаго союза съ Франціей произвело огромное впечатлѣніе и на лойялистовъ, которые много разъ обсуждали въ литературѣ всю неестественность такого сближенія одного изъ самыхъ деспотическихъ королевствъ Европы съ американскими революціонерами. Подумали ли вы о томъ, спрашивали лойялисты революціонеровъ, что вмѣшательство Франціи лишь подливаетъ масла въ огонь и можетъ только усилить рѣшимость Англіи сокрушить возстаніе?.. Но допустимъ даже, что, благодаря поддержкѣ Франціи, Англія потеряетъ свои американскія колоніи. Что тогда будетъ? Будетъ гораздо хуже, чѣмъ было когда нибудь раньше. Англію, вашу любящую, хотя, можетъ быть, временами строгую мать — замѣнитъ Франція — предательская и жестокая мачиха; вмѣсто обычаевъ конституціонной Англіи у васъ водворится чистый французскій абсолютизмъ; съ теченіемъ времени у васъ заведется и американская Бастилія; затѣмъ, начнется гоненіе на англійскій языкъ и, возможно даже, будетъ сдѣлана попытка обратить васъ въ католичество и т. д. Въ высшей степени любопытнымъ и характернымъ примѣромъ того, какимъ образомъ лойялисты въ своихъ сочиненіяхъ, вызванныхъ союзомъ революціонеровъ съ Франціей, старались подорвать этотъ союзъ, обращаясь къ расовымъ, религіознымъ и другимъ предразсудкамъ американцевъ, можетъ служить слѣдующій дневникъ, напечатанный въ New-York Gazette въ мартѣ 1779 года и изображающій пророчески то, что будетъ въ Америкѣ черезъ десять лѣтъ.

„Бостонъ 10 ноября 1789 г. Его превосходительство графъ Деспотовъ *), повинуясь приказу Его Величества, опубликовалъ

*) Count Tyran.

сегодня манифестъ о пресѣченіи ереси и установленіи инквизиціи въ нашемъ городѣ, какъ это уже сдѣлано во многихъ городахъ американскаго континента во владѣніяхъ Его Величества короля французскаго.

„Чтеніе Библіи не на латинскомъ языкѣ запрещено подъ угрозой наказанія по усмотрѣнію инквизиціи".

„11 ноября. Католическая религія не только внѣшнимъ образомъ исповѣдуется теперь многими въ Америкѣ, она сдѣлала, въ самомъ дѣлѣ, весьма значительные успѣхи среди всѣхъ классовъ общества, благодаря въ особенности неустаннымъ трудамъ доминиканскихъ и францисканскихъ монаховъ, не упускающихъ случая распространять повсюду сѣмена католической религіи... Говорятъ, что наша старая кирка будетъ обращена въ католическій соборъ и что такимъ же образомъ многія другія кирки будутъ обращены въ костелы.

„12 ноября. Его Величество повелѣть изволилъ, чтобы изъ жителей Массачузэтса было набрано 5,000 солдатъ для пополненія гарнизоновъ на Вестъ-Индскихъ островахъ. Офицеры для этихъ гарнизоновъ уже пріѣхали изъ Франціи.

„13 ноября. Сегодня опубликованъ высочайшій указъ, которымъ запрещается употребленіе англійскаго языка во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ съ 20 числа текущаго мѣсяца. Съ того же числа начнется дѣйствіе опубликованныхъ ранѣе указовъ, которыми отмѣненъ судъ присяжныхъ и введено французское уложеніе...

„17 ноября. Одинъ важный государственный преступникъ, находившійся уже долгое время въ Новой Бастиліи, былъ сегодня тайнымъ образомъ казненъ. Онъ долгое время командовалъ американскими силами въ войнѣ съ Англіей, но впослѣдствіи былъ арестованъ по приказанію правительства, такъ какъ подозрѣвали, что онъ имѣетъ опасное вліяніе въ странѣ, недавно завоеванной Франціей и не вполнѣ еще колонизованной французами.

„Его Величеству угодно было пожаловать многимъ знатнымъ дворянамъ значительную часть земель, принадлежащихъ Его Величеству въ Америкѣ. Дворяне будутъ сдавать эти земли крестьянамъ, обязаннымъ за это платить извѣстную арендную плату и исполнять нѣкоторыя натуральныя повинности (барщину).

„Его Величество изволилъ издать всемилостивѣйшій приказъ, запрещающій американцамъ имѣть у себя огнестрѣльное оружіе, подъ страхомъ ссылки въ каторжныя работы.

„22 ноября. Изъ Вилліамсбурга въ Виргиніи сообщаютъ, что тамъ произошли нѣкоторыя волненія при первомъ взиманіи подушной подати. Однако, благодаря своевременно подоспѣвшему нормандскому полку, квартирующему въ окрестностяхъ, безпорядки были быстро прекращены послѣ того, какъ нѣсколькими залпами, направленными въ толпу, пятьдесятъ человѣкъ было уложено на мѣстѣ. Полагаютъ, что такой энергичный образъ дѣйствій правительства остановитъ всякія дальнѣйшія попытки возмущенія американцевъ.

„23 нояря. Его Величество приказалъ генералъ-губернатору (viceroy) избрать пятьсотъ мальчиковъ изъ наиболѣе видныхъ и вліятельныхъ американскихъ семействъ и отправить ихъ во Францію, гдѣ будетъ приложено особое попеченіе о воспитаніи ихъ въ духѣ глубокой преданности католической религіи и покорности французскимъ властямъ“...

„Изданъ приказъ о томъ, чтобы вся торговля Америки производилась на судахъ, построенныхъ во Франціи и имѣющихъ французскихъ матросовъ и командировъ“.

„Вотъ какое счастіе ожидаетъ въ недалекомъ будущемъ Америку, если, благодаря вмѣшательству Франціи, ей удастся избавиться отъ связи съ Великобританіей“.

Конечно, говоритъ по этому поводу проф. Тайлеръ, теперь, болѣе чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ этого пророчества, для насъ, знающихъ, что ни одно изъ вышеприведенныхъ предсказаній не оправдалось, кажутся смѣшными и наивными тѣ страхи и опасенія, которыя частію испытывали сами, частію старались возбуждать въ другихъ американскіе лойялисты. Однако, подобные документы, полагаемъ, представляютъ большой интересъ, позволяя заглянуть въ самыя сокровенныя мысли противниковъ разрыва съ Англіей и составить себѣ нѣкоторое представленіе не о той борьбѣ, которая происходила на поляхъ сраженій и которая была описана много разъ, а о той внутренней борьбѣ, которая должна была въ большей или меньшей мѣрѣ происходить въ душѣ каждаго американца при появленіи въ Америкѣ въ качествѣ союзниковъ тѣхъ самыхъ французовъ, съ которыми американцы не

разъ вели войну сообща со своей метрополіей и которыхъ они такъ недавно дружными усиліями изгнали съ американскаго континента. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что американцы весьма охотно помогали англичанамъ въ ихъ борьбѣ съ французами въ Америкѣ, такъ какъ они въ высшей степени опасались распространенія владычества французовъ на американскомъ континентѣ и въ особенности возможности попасть когда-нибудь подъ неограниченную власть французскихъ администраторовъ, не знавшихъ другихъ законовъ, кромѣ приказовъ и предписаній версальскаго двора.

При всей краткости этого обзора лойялистской литературы послѣ объявленія войны за независимость, мы не считаемъ возможнымъ умолчать о двухъ главныхъ сатирикахъ этой партіи: Дж. Стансбери (Stansbury) и Джонатанѣ Оделлѣ. Особенно рѣзки, особенно полны ненависти и презрѣнія къ революціонерамъ сатиры послѣдняго. Нѣтъ такого ругательства, нѣтъ такого браннаго слова, которыя только допускаются на печатныя страницы и которыхъ мы не нашли бы въ безукоризненныхъ съ точки зрѣнія техники литературнаго творчества, но полныхъ яда сатирахъ Дж. Оделля. По его мнѣнію, вожди революціоннаго движенія какъ въ литературѣ, такъ и на полѣ битвы и въ конгрессѣ безпринципные мерзавцы, увлекшіе довѣрившійся имъ народъ на путь беззаконія и мятежа, обреченнаго къ тому же на несомнѣнную неудачу. Впрочемъ, по мнѣнію Оделля, этихъ негодяевъ было больше, чѣмъ обыкновенно предполагалось, такъ что, если бы почему либо тотъ или другой изъ нихъ сошелъ со сцены, на смѣну ему всегда явился бы другой, не уступающій первому ни въ наглости, ни въ безчестности, ни въ низости.

Если бы Адамсъ обратился въ прахъ,
Его мѣсто занялъ бы другой такой же Адамсъ,
Если бы смутьянъ Ханкокъ *) отправился къ праотцамъ,
Его сейчасъ же замѣнилъ бы такой же олухъ!
Ну, а если бы мы избавились какимъ-нибудь чудомъ отъ Лоренса?
Что-жъ толку?—У него есть сынъ.
А если бы самъ Вашингтонъ сошелъ со сцены?
Нашелся бы преемникъ и ему,—хотя бы, напр., Гринъ.
Такихъ плутовъ и мошенниковъ мы могли бы назвать сколько угодно,

*) Предсѣдатель конгресса.

Число ихъ, повидимому, не уступаетъ числу бумажекъ, выпущен-
ныхъ конгрессомъ.
Когда самодержавнымъ Соед. Штатамъ понадобилось отправить
посла въ Парижъ,
Вѣдь сразу нашлось три, и притомъ одинъ другого лучше!
Въ самомъ дѣлѣ, каковъ подборъ: фанатикъ *) деистъ и болванъ...
. . . .
Ну, а если бы Франклинъ отправился къ чорту въ адъ,
Не безпокойтесь, ему на смѣну найдется цѣлыхъ сто на выборъ!

Нечего и говорить, какимъ неудержимымъ потокомъ брани и оскорбленій обрушился Оделль на Том. Пэна—англичанина, пріѣхавшаго въ Америку въ 1775 г. и отдавшагося всѣмъ своимъ существомъ движенію противъ вскормившей его родины. Не пощадилъ Оделль и самого Вашингтона—этого героя изъ героевъ войны за независимость, человѣка, на котораго еще теперь большинство американцевъ смотрятъ какъ на олицетвореніе всѣхъ добродѣтелей, и представляющаго, во всякомъ случаѣ, одну изъ самыхъ благородныхъ личностей, какихъ только знаетъ исторія. Между тѣмъ вотъ какъ выражался о немъ въ одной изъ своихъ сатиръ Оделль.

„Раздавайся адская музыка, гремите чортовы барабаны!
Салютуйте пушки,—вотъ идетъ военачальникъ!
. . . .
Послушай ты, Вашингтонъ, про свои преступленія,
Внимай разсказу о твоихъ злодѣяніяхъ:
Ты оказалъ поддержку гнусному дѣлу,
Ты возсталъ противъ своего короля, отечества и законовъ,
Ты совершилъ клятвопреступленіе, поощрялъ ложь и обманъ,
Ты насиловалъ чужую совѣсть, ты разорвалъ священнѣйшія узы;
Къ тебѣ взываютъ тысячи женъ и отцовъ,
Требуя своихъ мужей и сыновей, убитыхъ по твоей винѣ!;
Если въ поляхъ теперь земледѣлецъ не снимаетъ жатвы,
Если города обратились въ пустыню—это дѣло твоихъ рукъ!
. . . .
Ты виновникъ тысячи преступленій, тысячи мерзостей.
Потому что ты ихъ поддерживаешь, ты ихъ защищаешь!

Мы уже упоминали, что въ лагерѣ лойялистовъ было два главныхъ сатирика Стансбери и Оделль. Когда война закончилась полнымъ торжествомъ революціи, и для Америки началась эра

*) Т. Пэнъ. Франклинъ и Лоренсъ.

самостоятельной жизни, Стансбери помирился съ новымъ порядкомъ вещей и предлагалъ даже всѣмъ американцамъ забыть свою недавнюю вражду, работая совмѣстно на пользу народную.

Теперь, когда война окончательно прекратилась,
Не будемъ больше думать о ней!
Забудемъ, какъ позорныя воспоминанія,
Ложь и оскорбленія, которыми мы осыпали другъ друра въ пылу партійнаго раздраженія.
Стыдясь того, что мы были когда-то врагами,
Не будемъ напоминать о ранахъ, нанесенныхъ другъ другу въ борьбѣ.

Однако, въ первые мѣсяцы по окончаніи войны американскій народъ не могъ такъ легко забыть тѣ оскорбленія, которыми осыпалъ его въ своихъ сатирахъ Стансбери, и когда послѣдній поселился со своей семьей въ одной деревнѣ въ штатѣ Нью-Джерси, его посадили въ тюрьму и, хотя выпустили оттуда черезъ недѣлю, но потребовали въ тоже время, чтобы онъ выѣхалъ въ теченіе 9 дней изъ Соед. Штатовъ. Онъ уѣхалъ въ Канаду, и лишь въ концѣ 80-хъ *) годовъ онъ счелъ возможнымъ возвратиться опять къ семьѣ, поселившейся въ городѣ Нью-Іоркѣ, носившемъ уже тогда болѣе или менѣе космополитическій характеръ.

Не таковъ былъ Оделль: онъ остался непримиримымъ врагомъ революціонеровъ навсегда. Когда, вопреки его ожиданію, англійскому королю пришлось признать самостоятельность Соед. Штатовъ, Оделль поспѣшилъ переселиться въ Канаду, гдѣ умеръ въ глубокой старости, не отказавшись до самой смерти ни отъ одного изъ словъ, высказанныхъ имъ по поводу революціоннаго движенія.

---

*) Миръ, какъ извѣстно, былъ заключенъ въ 1783 г.

XXII.

Фрэнсинъ Хопкинсонъ—сатирикъ революціонной партіи.

Намъ извѣстно, что нѣкоторая часть американцевъ — есть основаніе думать, что эта часть доходила почти до одной трети *)— не сочувствовала крайнимъ мѣрамъ революціонеровъ и въ особенности безповоротному разрыву съ Англіей, торжественно возвѣщенному всему міру американскимъ конгрессомъ знаменитой деклараціей независимости 4 іюля 1776 г.

Помимо всякихъ другихъ соображеній болѣе или менѣе практическаго свойства для многихъ трудно было разстаться съ завѣщанной отцами и не чуждой извѣстной сантиментальности любовью къ старой, славной Англіи, съ которой Америка имѣла связи культурно-историческія, религіозныя, литературныя и научныя, наконецъ, связи кровныя, такъ какъ и въ теченіе XVIII столѣтія никогда не прекращался свѣжій притокъ эмигрантовъ изъ Англіи. Всѣ эти связи, равно какъ и отношенія торгово-промышленныя, далеко превосходили по своей важности связь политическую, которая до послѣднихъ мѣръ, принятыхъ министерствомъ, имѣла скорѣе формальный или номинальный характеръ. Какъ читатель могъ самъ видѣть изъ предшествующаго изложенія, американцы возстали не столько для того, чтобы сбросить съ себя тяготѣвшее надъ ними иго, сколько для того, чтобы оборвать сразу первыя попытки англійскаго правительства наложить на нихъ такое иго.

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что при начавшемся революціонномъ движеніи многіе американцы не могли сразу пре-

---

*) См. выше, главу IX.

одолѣть своихъ традиціонныхъ чувствъ къ метрополіи и проникнуться ненавистью къ тѣмъ, кого они привыкли уважать и даже любить. При такихъ условіяхъ одной изъ задачъ революціонеровъ было дискредитировать въ глазахъ народной массы не только англійское правительство, но и самый англійскій народъ, его обычаи и привычки, взгляды, идеалы. Эту задачу взялъ на себя знакомый намъ Фр. Хопкинсонъ *) и чрезвычайно удачно исполнилъ ее въ так. наз. „Письмѣ одного иностранца о характерѣ англійскаго народа“. Это письмо появилось въ самый годъ объявленія независимости и, можно думать, является нѣкоторымъ подражаніемъ знаменитымъ „Lettres Persanes“ Монтескье, сочиненія котораго получили весьма широкое распространеніе въ Америкѣ **).

Это письмо содержитъ весьма сдержанное по формѣ, но чрезвычайно злое по смыслу описаніе разныхъ сслабостей, пороковъ и причудъ англичанъ, якобы замѣченныхъ однимъ иностранцемъ, которому случилось прожить нѣсколько лѣтъ среди нихъ. Весьма естественно, что въ своемъ письмѣ иностранецъ касается и ссоры Англіи съ Америкой. Онъ объясняетъ эту ссору разногласіемъ по поводу ариѳметической истины 2×2=4, чѣмъ онъ замѣняетъ знакомую намъ формулу, суммирующую причину ссоры: „безъ представительства не можетъ быть обложенія налогами“ (no taxation without representation), такъ какъ, по его мнѣнію, и та, и другая формула выражаютъ истины одинаково очевидныя.

„Лучшій изъ монарховъ“, такъ пишетъ Хопкинсонъ, „обратилъ, наконецъ, свои милостивые взоры на Америку. Тамъ у него было три милліона подданныхъ, которые его слушались, любили и почитали. Онъ назначалъ для управленія краемъ своихъ чиновниковъ; ему всецѣло принадлежало право регулированія торговыхъ сношеній Америки, такъ что избытки американцевъ легко попадали въ королевскую казну или въ карманы англійскихъ купцовъ и фабрикантовъ. Тѣмъ не менѣе онъ не задумался затѣять ссору со своими вѣрными и доставлявшими столько выгодъ подданными, потому, что они не хотѣли признать, что дважды два пять. Американцы написали цѣлые томы по этому вопросу, изощряя весь

*) См. выше, главу VIII.

**) Монтескье былъ въ особенности извѣстенъ, какъ авторъ „Esprit des lois“.

свой умъ и краснорѣчіе, чтобы убѣдить своего мудраго короля, что онъ заблуждается. Они умоляли принять отъ нихъ выраженія искреннѣйшихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, заявляли, что согласны на то, чтобы и впредь плоды труда ихъ служили къ вящшему обогащенію короля и его подданныхъ въ Англіи, но почтительнѣйше просили въ то же время, чтобы ихъ не принуждали къ признанію, что дважды два пять, такъ какъ это было бы въ высшей степени опаснымъ и въ высшей степени прискорбнымъ противорѣчіемъ очевидной истинѣ"... „Однако, мудрый и полный человѣколюбія монархъ Англіи былъ весьма далекъ отъ того, чтобы уступить въ этомъ пунктѣ своимъ американскимъ подданнымъ. Онъ съ презрѣніемъ отвергъ ихъ петицію, равно какъ и ихъ адресы съ выраженіемъ любви и вѣрноподданническихъ чувствъ и торжественно заявилъ, что готовъ даже рискнуть короной своихъ предковъ, чтобы только заставить упрямыхъ американцевъ признать, что дважды два пять".

„Съ этой цѣлью онъ не только послалъ въ Америку свой флотъ и свою армію, но даже нанялъ шайку бандитовъ у одного ничтожнаго князька, который, для приданія блеска своему двору, не стѣсняется торговать кровью своихъ подданныхъ. Онъ вооружилъ далѣе негровъ и дикихъ индѣйцевъ, чтобы и они преслѣдовали бѣдныхъ американцевъ безъ пощады, пока тѣ не признаютъ, какъ этого требуетъ ихъ король, что дважды два пять".

„Америка въ настоящее время представляетъ собой сцену, гдѣ происходятъ акты величайшей жестокости и насилія. Королевская армія этой просвѣщеннѣйшей изъ націй насилуетъ женщинъ, убиваетъ мужчинъ, опустошаетъ поля, разоряетъ дома. Англійскіе генералы невозмутимо исполняютъ свою кровавую миссію, и Его Величество, всемилостивѣйшій король, время отъ времени получаетъ донесенія въ томъ видѣ, въ какомъ заблагоразсудится представить дѣло генераламъ"...

„Кто бы могъ повѣрить, что мирныя поля Америки будутъ преданы раззоренію за то только, что американцы не согласятся признать, по требованію своего добраго короля и его мудраго парламента, что дважды два пять".

„Они, однако, не только не соглашаются признать новой истины, но, будучи раздражены такимъ обращеніемъ, торжественно провозгласили, что впредь они не желаютъ болѣе зависѣть отъ ка-

призовъ короля или подчиняться правительственной власти, въ которой они не участвуютъ, надъ которой не имѣютъ контроля, и которая для нихъ, слѣдовательно, является чистымъ произволомъ. Они рѣшили быть впредь народомъ свободнымъ и провозгласили передъ всѣмъ міромъ, что утверждаютъ и будутъ впредь всегда утверждать, что дважды два—четыре, какъ это говоритъ и здравый смыслъ всего человѣчества".

Таково по мнѣнію нашего иностранца происхожденіе войны съ американцами. Но какъ же все это кончится?—спрашиваетъ онъ. Требованіе короля такъ неразумно, что, казалось бы, скоро сами англичане перестанутъ поддерживать своего короля. Въ Америкѣ, повидимому, многіе такъ и думаютъ, пишетъ нашъ иностранецъ, но для того, кто наблюдалъ близко англійскую жизнь, не можетъ быть такихъ иллюзій. „Дѣло въ томъ, что король и его министры забрали такую власть надъ парламентомъ, что могутъ легко проводить какіе имъ угодно мѣры и законы, народная же масса мало думаетъ о томъ, кто правъ, кто виноватъ въ раздорѣ съ колоніями... Трудно представить себѣ, до чего доходитъ невѣжество простого люда въ этой „цивилизованной" странѣ. Большинство англичанъ ровно ничего не понимаетъ внѣ того дѣла или ремесла, которымъ тотъ или другой изъ нихъ занимается, научившись ему отъ своихъ родителей и родственниковъ... Вотъ ремесленникъ, котораго выучили дѣлать булавочныя головки... Онъ занимается этимъ дѣломъ 40 лѣтъ и, разумѣется, достигъ въ немъ необычайнаго искусства, но вѣдь за то онъ такъ и умретъ, не зная, какъ сдѣлать цѣлую булавку. Онъ считаетъ себя вѣнцомъ творенія, потому что умѣетъ дѣлать булавочныя головки... Онъ ходитъ въ церковь, восхищается блескомъ царскаго двора, дѣлаетъ булавочныя головки и думаетъ, что исполняетъ такимъ образомъ свои религіозныя, гражданскія и профессіональныя обязанности. Онъ увѣренъ, что нѣтъ на свѣтѣ города красивѣе Лондона, что Blackfriars мостъ *) самый чудный изъ мостовъ, и что Темза величайшая рѣка въ мірѣ. Напрасно вы бы стали увѣрять его, что въ Америкѣ есть множество рѣкъ, по сравненію съ которыми Темза не больше какъ канава, и что американскія колоніи, образовавшія теперь самостоятельное госу-

*) Одинъ изъ лондонскихъ мостовъ.

дарство, далеко превосходятъ всю Англію вмѣстѣ съ Ирландіей и Шотландіей"...

„Заговорите съ англичаниномъ объ англійской конституціи, и онъ сейчасъ же вамъ скажетъ, что это „славная (glorious) конституція", а спросите-ка затѣмъ его, въ чемъ состоитъ эта конституція, и онъ не сумѣетъ вамъ указать важнѣйшихъ основъ ея: онъ знаетъ только, что эта конституція предоставляетъ ему полную свободу дѣлать булавочныя головки и продавать ихъ на рынкѣ".

„Заговорите съ англичаниномъ о свободѣ выборовъ, и онъ вамъ поспѣшитъ сказать, что онъ „въ такія дѣла не вмѣшивается", что живетъ онъ въ мѣстечкѣ, посылающемъ представителя въ парламентъ, каковымъ, конечно, всегда бываетъ мѣстный помѣщикъ такой-то, потому что помѣщикъ знакомъ съ первымъ министровъ, а жена его, разодѣтая въ шелкъ и бархатъ, ходитъ по воскресеньямъ въ ихъ приходскую церковь.. Да и можетъ ли это быть иначе? Впрочемъ, все это его не касается: онъ вѣритъ въ Бога, почитаетъ короля и выдѣлываетъ булавочныя головки— чего еще можно требовать отъ человѣка?".

Въ этомъ произведеніи Хопкинсонъ стремился высмѣять англичанъ и возбудить презрительное отношеніе къ нимъ со стороны американцевъ; въ другихъ своихъ произведеніяхъ Хопкинсонъ старался высмѣять такимъ же образомъ тѣхъ изъ американцевъ, которые болѣе или менѣе открыто держали сторону метрополіи. Такъ онъ нѣсколько разъ иронизировалъ надъ слабостью тори подчиняться обаянію громкихъ титуловъ англійской аристократіи. Дѣлу революціи много мѣшала извѣстная, если можно такъ выразиться, комильфотность, аристократизмъ торизма или лойялизма, и нѣкоторая часть американцевъ въ своихъ отношеніяхъ къ революціонному движенію несомнѣнно поддавалась этому чувству. „Я зналъ одну даму", говоритъ Хопкинсонъ въ одномъ изъ своихъ сатирическихъ произведеній, „которая не имѣла никакихъ политическихъ убѣжденій и весьма смутно представляла себѣ истинныя причины раздора съ метрополіей, тѣмъ не менѣе она была рѣшительная и убѣжденная тори, просто поддаваясь обаянію громкихъ титуловъ. Слова «the imperial crown», «the royal robes», «the high court of parliment», «the lord chancellor of England» и т. д. производили на

нее чарующее впечатлѣніе, тогда какъ такія выраженія, какъ „капитанъ А, бывшій портной“ „полковникъ В, трактирщикъ, и даже „Джонъ Вашингтонъ, сельскій хозяинъ“ (farmer) вызывали къ ней одно презрѣніе. Я убѣжденъ, что, если бы нашей арміей командовалъ какой-нибудь индійскій вождь съ длиннымъ ирокезскимъ или могиканскимъ титуломъ, эта дама относилась бы гораздо болѣе почтительно къ революціонному движенію“.

Примѣръ болѣе рѣзкой сатиры представляетъ басня Хопкинсона „Птицы, звѣри и летучія мыши“. Въ этой баснѣ Хопкинсонъ изображаетъ тѣхъ американцевъ, которые мѣняли свои убѣжденія чуть не изо дня въ день, смотря по ходу военныхъ дѣлъ, заявляя себя то лойялистами, то революціонерами.

Не малую услугу дѣлу революціи оказалъ Хопкинсонъ и составленными имъ „Двумя письмами“, якобы написанными однимъ лойялистомъ, и содержащими въ высшей степени хвастливое и циничное изложеніе политическаго подхалимства и полной безпринципности, въ которыхъ, обыкновенно, упрекала революціонная партія лойялистовъ или тори „Г-нъ издатель“, читаемъ мы въ одномъ письмѣ, „я тори, отецъ, мой былъ также тори, онъ воспиталъ меня въ духѣ преданности и безусловнаго повиновенія ганноверской династіи *) всегда и вездѣ и при всякихъ обстоятельствахъ, будь она права или неправа—безразлично... Между тѣмъ возмнившій о себѣ слишкомъ много народъ, живущій на самомъ захудаломъ клочкѣ нашей жалкой планеты, по внушенію дьявола, возымѣлъ недавно предерзостное намѣреніе противиться желанію Его Величества Георгія III—пошли ему, Господи, многая лѣта,—управлять нами во всѣхъ отношеніяхъ безъ изъятія (in all cases whatsoever **) по своему желаніе и благоусмотрѣнію. Что до меня лично касается, то я долженъ сказать, что я проклинаю и ругаю на чемъ свѣтъ стоитъ это наглое упрямство. Его Величество по своей великой добротѣ и къ моему несказанному удовольствію изволилъ послать флотъ и армію для покоренія и

* Какъ извѣстно, въ 1714 году вступилъ на англійскій престолъ Георгъ курфюрстъ Ганноверскій подъ именемъ короля Георга I.

**) Это было напоминаніе о словахъ, которыми парламентъ, отмѣняя гербовой сборъ, возбудившій неудовольствіе американцевъ, тѣмъ не менѣе формально подтверждалъ свое право на изданіе всякаго рода законовъ для жителей колоній.

наказанія этой гнусной страны. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что святая обязанность всѣхъ тѣхъ, кто считаетъ себя сторонникомъ самодержавнаго правленія и вѣрнымъ подданнымъ Его Величества Короля Георга III, оказывать, не щадя живота своего, посильную помощь арміи и флоту Его Величества и знатнымъ лордамъ и генераламъ, которые поставлены во главѣ ихъ нашимъ обожаемымъ монархомъ".

Среди многихъ способовъ и пріемовъ, которыми вѣрноподданные американцы стараются помочь своему королю въ его благородномъ предпріятіи, говорится въ сатирѣ Хопкинсона, видное мѣсто занимаютъ разные кружки тори, члены которыхъ составляютъ комитеты, избирающіе себѣ какой-нибудь особый способъ помощи королевскимъ войскамъ: „комитетъ мошенническихъ продѣлокъ" *), „комитетъ вымогательствъ" **), „комитетъ распространенія фальшивыхъ слуховъ" и „комитетъ вракъ" (lies). Особенно дѣятельны и особенно важны по своему значенію послѣдніе два комитета. „Задача комитета фальшивыхъ слуховъ" заключается „въ возможно болѣе широкомъ распространеніи извращенныхъ свѣдѣній о важныхъ дѣйствіяхъ и о ходѣ общественныхъ дѣлъ"—свѣдѣній, которыя могли бы „встревожить и запугать болѣе робкихъ революціонеровъ и смутить народъ". Обязанность „комитета вракъ" нѣсколько иная: она заключается въ „изобрѣтеніи временныхъ (temporary) лживыхъ извѣстій" спеціально для жителей города Филадельфіи ***), „особенно такихъ, которыя относятся къ преніямъ и постановленіемъ конгресса. Эти „утки" должны быть каждый день свѣжія, при чемъ каждый разъ слѣдуетъ оговаривать, что свѣдѣнія получены отъ какого-нибудь болтливаго члена конгресса, безъ упоминанія, однако, фамиліи этого члена. Впрочемъ, въ болѣе важныхъ случаяхъ можно даже назвать фамилію какого-нибудь вліятельнаго члена конгресса, особенно если есть возможность надѣяться, что ложь возымѣетъ свое дѣйствіе прежде, чѣмъ явится опроверженіе".

Въ нашемъ мірѣ клевещутъ на всѣхъ порядочныхъ людей, говорится далѣе въ сатирѣ. Клевещутъ, конечно, и на тори „Нѣкоторые узколобые люди увѣряютъ, что мы будто бы дѣ-

*) Committee of wiles und stratagemes.

**) Committee of extortion.

***) Мѣсто засѣданій конгресса.

лаемъ все, что отъ насъ зависитъ, чтобы погубить свою родину и навлечь бремя рабства на грядущія поколѣнія. Мы же утверждаемъ, что мы думаемъ лишь о томъ, что можетъ быть полезнымъ для обезпеченія нашего собственнаго благополучія. Да и скажите, пожалуйста, что для насъ сдѣлало потомство, чтобы изъ-за его блага мы рисковали конфискаціей своего имущества и, можетъ быть, даже попали на висѣлицу *)... Правда, когда англійскіе генералы разобьютъ окончательно мятежниковъ, то наши сосѣди и знакомые попадутъ сотнями въ тюрьмы и дюжинами на висѣлицы, имущества ихъ будутъ конфискованы, жены и дѣти очутятся въ безысходной нуждѣ и даже нищетѣ, но мы-то, по крайней мѣрѣ, будемъ вполнѣ безопасны, сохранимъ свою жизнь и имущество, и, можетъ быть, будемъ награждены за наши теперешнія старанія назначеніемъ на видныя мѣста съ хорошимъ жалованіемъ".

Впослѣдствіи Хопкинсонъ въ „Письмѣ къ издателю New Jersey Gasette", вторично возвращается къ вопросу о систематическомъ распространеніи лжи, какъ одному изъ любимыхъ средствъ борьбы лойялистовъ съ революціонерами. „Какъ только Хоу (Howe—англійскій генералъ) вступилъ въ Нью-Іоркъ", писалъ Хопкинсонъ, „онъ тотчасъ же назначилъ генералъ штабъ-враля который распространилъ неизмѣримое число утокъ о Рилингтонѣ и Гэнѣ" (начальникахъ революціонныхъ войскъ). То же самое было сдѣлано и послѣ занятія англичанами Филадельфіи. Такимъ же образомъ и революціонерамъ не слѣдовало бы пренебрегать этимъ своееобразнымъ орудіемъ борьбы, которымъ столь энергично пользуются ихъ противники. Разумѣется, „было бы совершенно безплодно пытаться бороться съ этой ложью систематическимъ возстановленіемъ правды въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Клинъ клиномъ вышибаютъ. Поэтому я предлагаю, чтобы конгрессъ со своей стороны учредилъ нѣсколько должностей штатныхъ вралей съ хорошимъ жалованьемъ. Я думаю, что мое предложеніе заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы теперь же напечатать въ газетахъ объявленіе, прибли-

---

**) Какъ было упомянуто выше, въ началѣ возстанія и даже въ первые годы его, шансы американцевъ на успѣхъ были весьма слабы, и тори были увѣрены въ окончательномъ торжествѣ англійскаго оружія.

зительно слѣдующаго содержанія. „Требуется на американскую службу лицо, вполнѣ подготовленное для занятія вакансіи генералъ-враля (Liar General) Соединенныхъ Штатовъ, и къ нему три помощника. Лица, желающія занять эти должности и способныя сослужить службу отечеству въ этомъ званіи, приглашаются сообщить свои адреса... къ 1 марту. Такъ какъ предполагается, что особенно много такихъ лицъ окажется среди тори,— симъ объявляется полное прощеніе тѣмъ изъ нихъ, которые заявятъ о своемъ желаніи употреблять впредь свои способности къ вранью на пользу и славу своей родины. NB. Кандидаты должны представить доказательства своей прежней успѣшной дѣятельности такого же рода“.

Наиболѣе любопытнымъ примѣромъ остроумія Хопкинсона, слѣдуетъ считать, однако, юмористическое объявленіе, напечатанное имъ 1 ноября 1781 г. вскорѣ послѣ сдачи англійскаго генерала Корнвалиса, въ значительной степени предрѣшившей окончательный успѣхъ революціонеровъ. Въ объясненіе послѣдующаго надо прибавить, что типографія Рилингтона въ Нью-Іоркѣ, гдѣ печаталась газета „The Royal Gazette“, возбуждала особенное раздраженіе среди революціонеровъ, такъ какъ и названная газета, и другія изданія типографіи были полны въ высшей степени рѣзкой и прямо-таки бранной критики и всякихъ оскорбленій по адресу революціонеровъ, конгресса, американской арміи и ея начальниковъ. Такимъ образомъ, Рилингтонъ больше чѣмъ всякій другой усердный лойялистъ долженъ былъ сознавать, что съ удаленіемъ со сцены англійскихъ войскъ и ему придется поспѣшно ликвидировать всѣ дѣла въ Америкѣ.

Вотъ почему въ составленномъ Хопкинсономъ „Объявленіи“, сообщается, якобы отъ имени самого Рилингтона, что „недавняя капитуляція Корнваллиса со всей арміей и нѣкоторыя другія обстоятельства, побуждаютъ нижеподписавшагося предпочесть въ качествѣ мѣстожительства Европу“ и поспѣшить продажей съ аукціона „всего оставшагося нераспроданнымъ товара, состоящаго изъ книгъ, картъ и плановъ, разнаго рода приборовъ и инструментовъ, а также нѣкоторыхъ привилегированныхъ медицинскихъ средствъ“. Далѣе слѣдуетъ такой списокъ.

Книги:

„Исторія американской войны, или славные подвиги британ-

скихъ генераловъ Гэджа, Хоу (Howe), Бургойна, Корнваллиса и Клинтона.

„Спутникъ монарховъ или новая система политики, основанія которой покоятся на непреложныхъ свидѣтельствахъ опыта. Пользуясь указаніями этой книги, всякій государь можетъ въ короткое время сдѣлаться предметомъ отвращенія всѣхъ своихъ подданныхъ и презрѣнія для всѣхъ здравыхъ людей вообще.

„Избранныя басни Эзопа и примѣры изъ дѣйствительной жизни, подтверждающіе мораль этихъ басенъ. Между этими баснями находятся: „Собака и ея тѣнь“, „Человѣкъ и курица, носившая золотыя яйца“ и т. д.

„Разсужденіе о правахъ Великобританіи на владычество надъ морями. Любопытный примѣръ политическаго фантазерства.

„Состояніе Великобританіи въ октябрѣ 1760-го и въ октябрѣ 1781 г. Матеріалы для интересныхъ параллелей и контрастовъ.

„Географическое, политическое и историческое описаніе королевскихъ владѣній въ Сѣв. Америкѣ“. Это драгоцѣнное сочиненіе состояло порвоначально изъ 13 томовъ in-folio, но теперь самимъ царственнымъ авторомъ его сокращено до одной карманной книжки in-12 для болѣе удобнаго ползованія какъ имъ самимъ, такъ и его наслѣдниками и подданными*)...

„Слезы раскаянія, или нѣчто о современномъ настроеніи лойялистскихъ бѣглецовъ въ Нью-Іоркѣ и другихъ мѣстахъ.

„Политическія враки“ еженедѣльное изданіе нижеподписавшагося, брошюрованное и переплетенное...

Карты и планы:

„Изящная карта британскихъ владѣній въ Сѣв. Америкѣ въ весьма маленькомъ масштабѣ.

„Точныя карты береговъ С. Америки съ показаніемъ глубинъ, бухтъ, острововъ и устьевъ рѣкъ. Эта карта исполнена по спеціальному приказу Его Величества; въ работахъ принимали участіе сотни военныхъ и торговыхъ судовъ съ затратой милліоновъ англійскихъ денегъ.

„Битва при Саратогѣ и сдача при Іоркѣ.**) Два изящныхъ литографированныхъ плана этихъ сраженій, посвященные королю.

---

*) Намекъ на близкую утрату Англіей ея 13 колоній въ Сѣв. Америкѣ,

**) Два крупныхъ пораженія англичанъ; при Іоркѣ произошла капитуляція Корнваллиса.

Приборы и апараты:

„Любопытный новоизобрѣтенный волшебный фонарь—весьма полезный для государственныхъ людей. Этотъ фонарь сдѣланъ искуснымъ механикомъ по указаніямъ лорда Норса *) для развлеченія наивныхъ людей въ Англіи. Зрители наслаждаются фантастическими видами несуществующихъ предметовъ и событій, никогда въ дѣйствительности не происходившихъ, оставаясь въ полномъ невѣдѣніи о предметахъ, ихъ окружающихъ, и о совершающихся важныхъ событіяхъ, касающихся до нихъ самихъ.

„Микроскопы съ сильнымъ увеличеніемъ для разсматриванія мелкихъ предметовъ, съ готовымъ наборомъ таковыхъ для упражненій. Между ними большое число дѣйствительныхъ и мнимыхъ побѣдъ британскихъ генераловъ въ Америкѣ.

„Электрическій аппаратъ съ новѣйшими усовершенствованіями, назначенный для англійскаго короля и его министровъ. Аппаратъ требуетъ осторожнаго обращенія, иначе, какъ это показалъ опытъ, экспериментаторъ можетъ легко самъ получить ударъ, который направляетъ на другого.

„Сильные очки для близорукихъ государственныхъ людей.

Привилегированныя медицинскія средства:

„Живительный бальзамъ: успокаиваетъ нервы, сердцебіеніе, помогаетъ при слабости и упадкѣ духа. Въ большомъ ходу у офицеровъ арміи Его Королевскаго Величества.

„Экстрактъ лжи. Извлечено изъ многихъ сотенъ номеровъ „The Royal Gazette of New-York".

„Живительный элексиръ для успокоенія лицъ, подверженныхъ припадкамъ страха. Необходимо для тори во всѣхъ частяхъ Америки.

NB. Каждый, купившій товару на 5 ф. стерл. (50 рублей), получитъ даромъ толстую пачку фальшивыхъ американскихъ долларовъ англійскаго производства и двѣ такихъ же пачки королевскихъ манифестовъ съ объявленіемъ прощенія американскимъ мятежникамъ.

---

*) Напомнимъ, что лордъ Норсъ былъ первымъ министромъ въ Англіи во время войны ея съ американскими колоніями.

XXIII.

Поэтическія и другія литературныя произведенія революціонеровъ послѣ объявленія независимости.

Какъ мы знаемъ, литературная борьба тори и виговъ или лойялистовъ и революціонеровъ не прекратилась съ началомъ военныхъ дѣйствій, а продолжалась во все время борьбы Америки съ Англіей, вплоть до заключенія мира. Особенное раздраженіе и ненависть со стороны революціонеровъ вызывали, какъ и можно было ожидать, тѣ американцы, которые даже въ то время, когда Англія обнажила ножъ на своихъ американскихъ подданныхъ, не задумались открыто примкнуть къ англичанамъ или, по крайней мѣрѣ, оказывать имъ болѣе или менѣе явное содѣйствіе.

Выше мы приводили примѣры литературнаго выраженія крайняго озлобленія лойялистовъ противъ революціонеровъ, для параллели приведемъ примѣръ литературнаго выраженія такого же озлобленія противъ лойялистовъ со стороны революціонеровъ или виговъ. Послѣдующія строки представляютъ извлеченіе изъ статьи въ „Pensylvania Packet“ отъ 5 авг. 1779 г. подъ названіемъ „Месть тори“, подписанная „Вигомъ“ *).

„Среди ряда ошибокъ, которыя американцы совершили въ теченіе войны съ Англіей, немногія имѣли и имѣютъ болѣе гибельныя послѣдствія, чѣмъ ихъ снисходительное отношеніе къ тори? Первое время насъ могли побуждать къ этому справедливость или политическія соображенія **), но развѣ не удивительно,

---

*) Заимствуемъ изъ „American History as told by contemporaries“ edited by prof. A. Bushnell Hart, 1899, vol. II, 474—78.

**) Т. е., надо думать, надежда на то, что тори образумятся и примкнутъ къ революціонерамъ.

что мы продолжаемъ держаться той же политики и теперь, когда вполнѣ выяснились дурные ея результаты.

„Мы кричимъ, что наши денежные знаки все время падаютъ въ цѣнѣ и принимаемъ мѣры къ тому, чтобы поднять ихъ цѣнность, но не обращаемъ при этомъ вниманія на то, что тори, составляющіе главную причину ихъ обезцѣненія, преспокойно живутъ между нами по прежнему. Мы не можемъ больше молчать объ этомъ; мы не должны допускать, чтобы нашей независимости, которую мы сумѣли пока отстоять отъ внѣшнихъ враговъ, грозилъ и врагъ внутренній. Возстань, Америка! Тебѣ грозитъ великая опасность и при томъ оттуда, откуда ты ее меньше всего ждешь! Тебя погубятъ тори,—твои злѣйшіе враги! Уже давно пора убрать ихъ вонъ изъ нашей среды. Они представляютъ постоянную опасность для нашихъ вольностей. Они могутъ погубить ихъ тысячей способовъ и дѣятельно пользуются ими.

„Кто былъ виновникомъ войны? Тори!.. Кто убѣдилъ великобританскаго тирана вести войну пріемами, неизвѣстными доселѣ среди цивилизованныхъ народовъ и способными возбудить даже негодованіе варваровъ? Тори! Кто убѣдилъ дикарей пустыни стать подъ знамена непріятеля? Тори! Кто помогалъ индѣйцамъ скальпировать старыхъ и молодыхъ женщинъ, дѣтей и умирающихъ героевъ? Тори! Кто подговаривалъ и помогалъ сжигать наши города, раззорять поля, насиловать женщинъ? Тори! Кто виной тому, что тысячи изъ насъ оплакиваютъ преждевременную смерть самыхъ близкихъ людей? Тори! Кто мѣшалъ всякимъ попыткамъ конгресса обезпечить вольности нашего отечества? Тори! Кто отказывается принимать наши деньги? Тори! Кто употребляетъ всѣ усилія для обезцѣненія ихъ? Тори! Кто распространяетъ лживые слухи, чтобы поколебать мужество виговъ? Тори! Кто имѣетъ предательскія сношенія съ врагомъ? Тори! Кто одинъ день принимаетъ присягу на вѣрность С. Штатамъ и нарушаетъ ее на слѣдующій день? Тори! Кто больше всего мѣшаетъ быстрому пополненію нашихъ полковъ новыми волонтерами? Тори! Кто отговариваетъ отъ поступленія въ арміи? Тори! Кто склоняетъ поступавшихъ дезертировать? Тори! Кто, наконецъ, укрываетъ дезертировъ? Тори! Кто, однимъ словомъ, желаетъ, чтобы насъ покорили, поработили? Тори!

„Неужели же мы и впредь будемъ терпѣть, чтобы эти люди

жили свободно среди насъ, люди, виновные во всѣхъ перечисленныхъ и въ тысячѣ другихъ не указанныхъ нами бѣдъ, которыя обрушились на нашу страну! Да и только ли они живутъ? Развѣ они не участвуютъ въ нашихъ собраніяхъ? Развѣ они не оскорбляютъ насъ своей наглостью? Развѣ они не устраиваютъ сами собственныхъ, предательскихъ сборищъ?.. Однимъ словомъ, развѣ они не пользуются всѣми тѣми правами, какими пользуются отбывшіе свой срокъ солдаты, проливавшіе свою кровь за отечество, или патріоты, всѣмъ пожертвовавшіе для праваго дѣла! Да, на всѣ эти вопросы къ великому и вѣчному нашему позору—можно отвѣчать только утвердительно! Да, мы терпимъ среди себя, мы оказываемъ вниманіе тѣмъ самымъ людямъ, которые желаютъ нашего порабощенія. Потомство не повѣритъ этому, а если повѣритъ, то проклянетъ память своихъ предковъ за ихъ постыдную слабость!"

„Можемъ ли мы разсчитывать хотя бы на благодарность за свою гуманность, если только это высокое слово умѣстно въ этомъ случаѣ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Не ожидайте, что вы найдете въ груди тори хоть искорку этой или какой-либо иной добродѣтели! Какіе принципы могутъ быть у негодяевъ, которые желаютъ, чтобы ихъ отечество было порабощено величайшимъ тираномъ, котораго знаетъ современное человѣчество? Пора намъ освободиться отъ этихъ змѣй, которыхъ мы согрѣли на своей груди! Необходимо тотчасъ же прогнать ихъ вонъ! Мнѣ страшно подумать о всѣхъ бѣдахъ, которыя можетъ доставить намъ хотя одинъ тори, оставшійся среди насъ. Мы должны каждый день ждать какихъ нибудь заговоровъ, убійствъ и всякаго рода козней на которыя можетъ подтолкнуть тори ихъ злоба и досада! Чего нельзя ожидать отъ рукъ тѣхъ, кто уже запятналъ себя кровью своихъ согражданъ

„Вспомнимъ, какъ мерзавецъ Матьюсъ которому мы позволили жить свободно въ Нью-Іоркѣ, задумалъ устроить покушеніе на Вашингтона. Заговоръ былъ открытъ, но если бы Матьюсъ получилъ должное возмездіе, онъ не могъ бы теперь, найдя пріютъ у англичанъ, варварски мучить нашихъ несчастныхъ друзей, попавшихъ въ плѣнъ и заключенныхъ въ нью-іоркскихъ тюрьмахъ?

„Неужели послѣ всего этого мы можемъ терпѣть около себя хотя одного тори? Что до меня касается, я долженъ сказать, что у меня вся кровь закипаетъ въ жилахъ, когда я встрѣчу тори на улицѣ или

въ ресторанѣ. Ихъ гнусность можно сравнить развѣ лишь съ ихъ наглостью... Вездѣ, во всякомъ обществѣ они позволяютъ себѣ развивать свои омерзительныя доктрины и затѣмъ смѣются надъ малодушіемъ тѣхъ, кто позволяетъ имъ дѣлать это безнаказанно... Проснитесь же, американцы, сознайте грозящую вамъ опасность! Не теряйте ни минуты, гоните вонъ отъ себя всѣхъ тори! Пусть Америка будетъ пріютомъ лишь для свободныхъ людей!

„Гоните прочь всякаго мерзавца, который желаетъ, чтобы на васъ наложилъ цѣпи англійскій тиранъ. Посылайте ихъ туда, гдѣ они могутъ вполнѣ наслаждаться столь дорогимъ для нихъ рабскимъ состояніемъ—на Британскіе острова; пусть они пьютъ изъ чаши рабства, пусть они ѣдятъ хлѣбъ озлобленія до конца своихъ дней, пусть они влачатъ тамъ свое существованіе!.. Никогда не позволяйте имъ вернуться въ эту счастливую страну и вкушать плодовъ независимости, которой они стараются всячески помѣшать. Обречемъ ихъ на изгнаніе, на вѣчное изгнаніе изъ отечества!“

Можно себѣ представить, какъ сильно дѣйствовали на массу патріотовъ такія рѣзкія, такія полныя дикой ненависти литературныя произведенія, появлявшіяся въ американскихъ газетахъ и журналахъ, имѣвшихъ уже въ то время огромное вліяніе вслѣдствіе широкаго распространенія образованія и въ особенности грамотности среди народной массы. Ненависть къ тори (на которую послѣдніе отвѣчали, какъ мы видѣли выше, по крайней мѣрѣ, такой же ненавистью къ революціонерамъ) объясняется въ значительной степени тѣми трудностями, которыя приходилось преодолѣвать американцамъ въ неравной борьбѣ съ сильнымъ и богатымъ врагомъ. Американцы не имѣли ни денегъ, ни войска,— которое должны были создать на скоро изъ волонтеровъ, записывавшихся на извѣстный срокъ,—ни даже сильной центральной власти. Американскій конгрессъ въ самомъ дѣлѣ былъ конгрессомъ въ обычномъ смыслѣ слова, такъ какъ представлялъ собой собраніе делегатовъ фактически пользующихся полной независимостью колоній,—делегатовъ, дѣйствовавшихъ въ предѣлахъ полномочій, данныхъ имъ посылавшими ихъ законодательными собраніями колоній, называвшихъ себя со времени объявленія независимости „states“ т. е. „государствами“).

Вести въ такихъ условіяхъ борьбу съ однимъ изъ сильнѣй-

шихъ государствъ всего міра, знать, что извѣстная часть самихъ же американцевъ болѣе или менѣе явно оказываетъ помощь или нравственное и матеріальное содѣйствіе англичанамъ, и въ своемъ раздраженіи противъ такихъ своихъ согражданъ не потерять чувства мѣры—это значило бы выказать такое самообладаніе, до котораго далеко еще и современному человѣчеству.

До чего доходило нервное состояніе революціонеровъ и лойялистовъ и къ какимъ средствамъ прибѣгали иногда послѣдніе, чтобы смутить народную массу, всегда чуткую къ разнаго рода слухамъ и росказнямъ, можно судить по слѣдующей баснѣ, распущенной лойялистами и англичанами. Разсказывали, что будто бы въ одномъ изъ старѣйшихъ американскихъ городовъ, Плимутѣ, курица снесла яйцо, на которомъ можно было прочитать довольно явственно пророческія слова. „О, Америка! ты будешь побѣждена Хоу“ (фамилія англійскаго главнокомандующаго, репутація котораго, какъ искуснаго генерала, сильно смущала американцевъ въ теченіе первыхъ лѣтъ революціи).

Революціонеры не могли, конечно, оставить безъ вниманія такого слуха, способнаго смутить многія простыя души, и вотъ въ скоромъ времени въ одной американской газетѣ появилось написанное стихами „Другое пророчество“, заканчивавшееся такими словами:

Когда яйца будутъ говорить то, что дураки думаютъ,
Когда куры будутъ умѣть и говорить, и писать,
Когда крокодилы станутъ проливать искреннія слезы,
Когда лицемѣры обратятся въ искреннихъ людей,
Когда всѣ люди сдѣлаются подлецами
И проникнутся рабскими чувствами,
Когда тори станутъ правдивыми людьми,
Когда порокъ станетъ добродѣтелью и мракъ свѣтомъ,
Когда свободные люди обратятся всѣ въ трусовъ
И забывъ, какъ надлежитъ вести себя настоящимъ мужамъ,
Перестанутъ защищать святое и правое дѣло,
А небо будетъ помогать нашимъ кровожаднымъ, варварскимъ врагамъ,
Тогда только Америку побѣдитъ Хоу!

Мы не имѣемъ возможности знакомить читателя хотя бы съ незначительной частью огромной литературы всевозможныхъ пѣсенъ, балладъ, гимновъ, которые въ изобиліи появлялись на страницахъ американскихъ газетъ въ эпоху революціи и несомнѣнно значительно

содѣйствовали подъему духа какъ народной массы, такъ и въ особенности революціонныхъ войскъ, которымъ не только приходилось часто испытывать тяжелыя пораженія, но и нуждаться постоянно въ одеждѣ, кровѣ, пищѣ. Между этого рода литературными произведеніями особенно выдѣляется простотой языка и возвышенностью мысли „Молитва американскаго патріота", автора которой до сихъ поръ еще не могутъ опредѣлить съ достовѣрностью историки американской литературы.

Отецъ всѣхъ, Всемогущій
    На небѣ и здѣсь на землѣ,
Потоки доброты котораго
    Изливаются на всѣ созданія.
Помоги ммѣ не забыватать, откуда я пришелъ
    И куда мнѣ предстоитъ по смерти вернуться!
Отврати меня отъ личныхъ цѣлей,
    Такъ какъ я тѣсно связанъ со всѣми людьми.
Пусть весь мой умъ, всѣ мои мысли
    Будутъ направлены на благо родины:
Того требуетъ разсудокъ, того требуетъ добродѣтель
    Того требуютъ природа и Ты.
Пусть ничто меня не отвлекаетъ
    Отъ святого дѣла свободы:
Ни тщеславіе, ни корысть, ни жажда похвалъ,
    Ни ложная дружба—да не введутъ меня во искушеніе!
Не допусти меня увлекаться личной злобой
    Въ дни испытанія отечества,
Или воспользоваться общественной властью
    Для отмщенія личныхъ обидъ.

Можетъ быть еще болѣе замѣчателенъ по простотѣ и въ то же время по чрезвычайной силѣ и выразительности знаменитый „American Soldier's Hymn", который въ самомъ дѣлѣ пѣли американскіе солдаты, идя въ бой. Американцы сравниваютъ этотъ гимнъ съ знаменитымъ Лютеровскимъ „Ein feste Burg ist unser Gott". Къ сожалѣнію упомянутый выше американскій гимнъ еще труднѣе поддается переводу, чѣмъ приведенная „Молитва американскаго патріота". Всякій, кто знаетъ, какъ сильно возбуждаетъ даже въ наши дни по истеченіи почти 4 столѣтій послѣ тѣхъ событій, какими онъ былъ вызванъ, названный Лютеровскій гимнъ, можетъ судить о томъ, какую громадную нравственную силу представляли подобные гимны и пѣсни

въ тѣ бурные дни, которые вдохновляли авторовъ этихъ великихъ произведеній. Нравственное вліяніе одной такой пѣсни, одного такого гимна можетъ иногда далеко превзойти вліяніе той или другой побѣды на полѣ брани. Вспомнимъ, что нѣкоторыя изъ такихъ произведеній не умираютъ, а продолжаютъ жить въ народѣ и снова распѣваются имъ въ дни новыхъ испытаній, пробуждая и поддерживая благородныя чувства и мысли *)...

Однако, большинство сочиненій революціонеровъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, отличалось рѣзкостью выраженій и крайнимъ озлобленіемъ противъ англичанъ и въ особенности противъ лойялистовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательны поэтическія произведенія Фил. Френо (Freneau), по происхожденію французскаго гугенота **), котораго Тайлеръ справедливо называетъ поэтомъ ненависти (poet of hatred). Поэмы Френо, отличались необыкновенной страстностью нападокъ на лойялистовъ и англичанъ, выдѣляясь въ то же время и необыкновенными литературными достоинствами—легкостью стиха, мѣткостью выраженій, богатствомъ риѳмы. Вотъ почему дѣйствіе ихъ было огромно. Къ тому же Френо былъ весьма плодовитъ, такъ что одинъ списокъ его поэтическихъ произведеній, написанныхъ въ теченіе борьбы съ Англіей, занялъ бы болѣе страницы. Надо сказать, наконецъ, что поэтическія произведенія Френо замѣчательны не только по силѣ выражаемой авторомъ ненависти къ англичанамъ и лойялистамъ, но, можетъ быть, еще въ большей степени необыкновенно страстными призывами къ борьбѣ за великій принципъ свободы, прославленію которой посвящена не одна страница талантливыхъ произведеній Френо. Только совокупность всѣхъ этихъ условій и объясняетъ, конечно, доминирующее значеніе Френо среди поэтовъ американской революціи,

*) Rouger de Lisle обезсмертилъ себя, написавъ въ 1792 г., слова и музыку марсельезы. Сила пѣсни можетъ иногда казаться опасной правительствамъ, какъ это было, напр., относительно марсельезы, пѣніе которой было запрещено во Франціи во времена реставраціи и второй имперіи.

**) Какъ извѣстно, гонимые во Франціи гугеноты искали себѣ убѣжища въ разныхъ странахъ и въ томъ числѣ и въ пустыняхъ Америки (въ XVII вѣкѣ).

среди литературныхъ силъ, поддерживавшихъ это великое освободительное движеніе.

Мы можемъ лишь самымъ бѣглымъ образомъ остановиться на произведеніяхъ Френо. Въ стихотвореніи „Стансы" по поводу новаго американскаго фрегата „Alliance" *), напечатанномъ въ 1778 г., Френо изображаетъ Нептуна, осматривающаго свои водныя владѣнія и вдругъ къ своему удивленію замѣчающаго чудной, но совершенно новый для него корабль.

По мѣрѣ того какъ монархъ приближался,
Все яснѣе и яснѣе становился усѣянный звѣздами флагъ. **)
Удивленный Нептунъ спрашиваетъ у одного тритона изъ своей свиты.
Что это за флагъ развѣвается на кораблѣ?
Такого чуднаго корабля
Я, право, много лѣтъ уже не видѣлъ.
Этотъ корабль—столь быстрый, крѣпкій и грозный—
Должно быть, принадлежитъ великому и способному народу.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ морского бога тритонъ разсказываетъ Нептуну послѣднія политическія новости и объясняетъ, что корабль принадлежитъ націи, только что народившейся на крайнемъ западѣ и, однако, побѣдоносно борящейся съ наглой державой, пытающейся ее поработить, борется удачно даже на морѣ, гдѣ эта держава привыкла владычествовать безраздѣльно. Въ послѣднемъ стихѣ тритонъ такъ характеризуетъ въ краткихъ словахъ народъ, которому принадлежалъ корабль, припоминая по этому поводу знаменитый въ древности корабль „Арго", на которомъ совершили свое плаваніе такъ называемые аргонавты.

Даже на палубѣ знаменитаго „Арго"
Не было людей съ такими великими сердцами,
Аргонавты совершали свой походъ, отыскивая золотое руно,
Эти моряки рискуютъ жизнью, борясь съ тиранніей.

---

*) Названномъ такъ вѣроятно въ честь только что заключеннаго союза съ Франціей.

**) Американскій флагъ представляетъ собой бѣлое поле съ красными полосами; въ одномъ изъ угловъ поля находится синій квадратъ, усѣянный звѣздами (прежде ихъ было 13 по числу колоній, составившихъ первоначальный союзъ, затѣмъ по мѣрѣ увеличенія числа штатовъ увеличивалось и число звѣздъ, доходя въ настоящее время до 50).

Въ томъ-же 1778 году Френо напечаталъ другое стихотвореніе „Независимость Америки и окончательное освобожденіе отъ британской тираннiи“, въ которомъ мы находимъ между прочимъ такія строки.

Свершилось! Великобританія сожалѣетъ теперь о своемъ безуміи!
Пусть это послужитъ вамъ, тираны, урокомъ: будьте впредь умнѣе!
Если въ вашихъ рукахъ оказалась власть надъ людьми,
Не отнимайте у нихъ ихъ человѣческихъ правъ!
Когда Богъ изъ хаоса сотворилъ міръ
Онъ создалъ и человѣка, но создалъ его свободнымъ
По образу своему и подобію.
Какъ послѣ этого ты дерзаешь, тиранъ, налагать на него ярмо?

А вотъ нѣсколько строкъ изъ той части поэмы, которая характеризуетъ Георга III.

На немъ мы видимъ, до чего можетъ дойти человѣческая низость.
Онъ соединяетъ въ себѣ одномъ всѣ гнусности, на которыя способенъ человѣкъ.
Каинъ, Немвродъ, Неронъ—дьяволы въ образѣ человѣка,
Иродъ, Домиціанъ - всѣ они смотрятъ на него съ удивленіемъ
И, завидуя его дѣламъ, говорятъ,
Что никто не могъ быть мерзѣе ихъ, кромѣ Георга III.

Вотъ еще примѣръ чрезвычайной рѣзкости Френо—тѣ строки, которыя относятся къ злѣйшимъ его врагамъ, американцамъ-лойялистамъ или тори.

Такихъ подлецовъ еще на свѣтѣ не было,
И, дай-то Богъ, чтобъ никогда не было и впредь!
Если только духи изъ ада носятся среди насъ,
То навѣрно эти духи вошли въ эти подлыя души.
Убійство и кровь—вотъ что больше всего ихъ услаждаетъ.
Кричите вокругъ ихъ домовъ, ночные вороны!
Когда они справляютъ свадьбы, пусть вѣдьмы, и отчаяніе
И печаль, и горе, и черная ночь имъ сопутствуютъ.
Пусть зажгутъ имъ свадебный свѣтъ лѣшіе изъ ада
И быстро гонятъ ихъ къ гибели,
Пусть они гонятъ ихъ по всему свѣту,
Чтобы они нигдѣ ни могли найти покоя!

Въ 1779 г. прекратился журналъ „United Service Magazine“, гдѣ помѣщалъ преимущественно свои произведенія Френо. Мо-

жетъ быть, вслѣдствіе этого Френо, бывшій, кстати сказать, по профессіи командиромъ коммерческаго судна (однако, Френо окончилъ курсъ въ университетѣ—Princeton college) отправился на суднѣ изъ Филадельфіи въ одну изъ сосѣднихъ колоній и вмѣстѣ со всѣмъ экипажемъ и другими пассажирами попалъ въ плѣнъ къ англичанамъ. Хотя, какъ мы говорили, Френо былъ на суднѣ, въ качествѣ простого пассажира, его посадили въ одну изъ пріобрѣвшихъ печальную историческую извѣстность плавучихъ тюремъ Нью-Іоркской гавани, гдѣ, вслѣдствіе совокупнаго вліянія отвратительнаго воздуха, скверной пищи, плохой воды и жестокаго обращенія, онъ схватилъ сильнѣйшую лихорадку. Его перевели на т. наз. лазаретное судно, гдѣ обстановка оказалась не лучше, но откуда Френо удалось бѣжать. Описаніе Нью-Іоркскихъ плавучихъ тюремъ составляетъ предметъ одной изъ самыхъ злыхъ,—если не злѣйшей,—изъ сатиръ Френо „The British Prison-Ship“ (Британская плавучая тюрьма). Надо прочитать самому всю эту сатиру, полную отвратительныхъ картинъ, чтобы представить себѣ, какую дикую ненависть къ англичанамъ,—виновникамъ всѣхъ этихъ ужасовъ,—должна была возбуждать сатира Френо и какъ сильно она, какъ и прочія сатиры Френо, должна была содѣйствовать готовности американцевъ не останавливаться ни передъ какими жертвами, чтобы свергнуть съ себя власть метрополіи.

Имѣя въ виду дать ниже прозаическое описаніе англійскихъ тюремъ, составленное однимъ американскимъ плѣннымъ солдатомъ, мы не находимъ возможнымъ приводить отрывковъ изъ этой или другихъ сатиръ Френо, тѣмъ болѣе, что читателю, знакомому по переводу лишь съ содержаніемъ сатиръ Френо, весьма трудно судить о производимомъ ими впечатлѣніи, секретъ котораго кроется не только въ содержаніи, но и въ формѣ и въ особенности въ соотвѣтствіи этой формы литературному развитію, вкусамъ, настроенію тѣхъ лицъ, къ которымъ обращался авторъ сатиръ.

Надо сказать, впрочемъ, что сочиненія революціонеровъ и вообще всѣхъ сочувствовавшихъ американцамъ въ ихъ борьбѣ за независимость, оказывали огромное вліяніе не только на самихъ же революціонеровъ, но въ значительной степени и на англичанъ, среди которыхъ во все время войны все болѣе и бо-

лѣе росло число противниковъ политики короля и его министровъ. Мы знаемъ, что въ теченіе періода, предшествовавшаго разрыву съ Англіей, наиболѣе рѣзкія политическія статьи и памфлеты американцевъ получали широкое распространіе и въ Англіи, привлекая вниманіе какъ народныхъ массъ, такъ и нѣкоторыхъ выдающихся общественныхъ и государственныхъ дѣятелей *), Начавшаяся война, конечно, подняла шовинистскій духъ въ Англіи и значительно уменьшила число искренних доброжелателей американцевъ, тѣмъ не менѣе ихъ было достаточно, какъ это видно по слѣдующему факту, характеризующему какъ англійское общество конца прошлаго столѣтія, такъ и ту высоту политической свободы—или точнѣе одного изъ главныхъ ея элементовъ—свободы прессы,—которой тогда пользовались англичане.

Въ 1778 г. въ самый разгаръ борьбы съ Америкой одинъ, жившій въ Англіи, католическій священникъ Чарльзъ Генри Уортонъ (Wharton), кстати сказать уроженецъ Америки, написалъ „Поэтическое Посланіе къ Георгу Вашингтону —главнокомандующему арміей С.-Амер. Соедин. Штатовъ". Это „Посланіе" представляло настоящій диөирамбъ Вашингтону и великому новому народу, зарождавшемуся на американскомъ континентѣ. Мы находимъ въ немъ также рѣзкую критику безумной политики Англіи, вызвавшей справедливое негодованіе и, наконецъ, возстаніе американцевъ. „Посланіе" было первоначально (1778 г.) напечатано въ Америкѣ, а черезъ два года перепечатано и въ Англіи, гдѣ оно въ теченіе трехъ недѣль разошлось въ количествѣ 15,000 экземпляровъ по довольно большой для того времени цѣнѣ $2^1/_2$ шил. (болѣе рубля), при чемъ, какъ то значилось на книгѣ, доходъ отъ изданія предназначался на оказаніе помощи военно-плѣннымъ американцамъ...

Таково было положеніе англійской прессы и печати вообще

*) Впрочемъ, и въ самой Англіи появлялись произведенія, рѣзко защищавшія колонистовъ. Такъ въ 1775 году въ Англіи вышло сочиненіе Прайса (Price) „О свободѣ", въ которомъ авторъ весьма энергично защищалъ точку зрѣнія колонистовъ и рѣзко осуждалъ дѣйствія министерства. Это сочиненіе въ теченіе 2 лѣтъ имѣло 8 изданій. Въ 1776 г. лондонскій Сити избралъ Прайса, какъ у насъ выражаются, „почетнымъ гражданиномъ" за его защиту колонистовъ. См. H. Lecky, A history of England in XVIII century, vol. III, 330 и 535.

въ то время, которое, по мнѣнію англичанъ, грозило погубить ихъ свободу... Такъ *свободно*, скажемъ мы, *со своей точки зрѣнія*, могли пользоваться революціонеры въ Америкѣ и сочувствующія имъ лица въ Англіи силою литературы и печати вообще, чтобы повернуть общественное мнѣніе на свою сторону и дискредитировать политику „величайшаго изъ тирановъ“ Георга III.

XXIV.

Американскій солдатъ о своемъ заключеніи въ англійской плавучей тюрьмѣ въ Нью-Iоркѣ.

Ни одна категорія литературныхъ произведеній не вызвала можетъ быть, такого озлобленія революціонеровъ противъ англичанъ, какъ рядъ описаній того обращенія, тѣхъ страданій, которыя приходилось выносить американскимъ солдатамъ или матросамъ, которые попадали въ плавучія тюрьмы *) Нью-Iорка. Нѣкоторыя изъ этихъ описаній явились во время войны, другія уже послѣ окончанія ея, значительно содѣйствуя продленію взаимнаго недоброжелательства, которымъ долгое время характеризовались отношенія Англіи и С. Штатовъ. Всѣхъ такихъ описаній такъ много, что они выдѣлены проф. Тайлеромъ въ особую категорію „prison literature", составляющую предметъ особой обширной главы.

Изъ всѣхъ примѣровъ этихъ описаній, приводимыхъ проф. Тайлеромъ, мы остановимся лишь на одномъ, принадлежащемъ

---

*) *Американскій* историкъ Ал. Бушнелль Хартъ, приводя въ цитированномъ выше сборникѣ извлеченіе изъ отчета о состояніи англійскихъ мѣстъ заключенія для американскихъ плѣнниковъ (отчетъ написанъ *американцемъ*, которому англичане *среди войны* въ 1778 г. по просьбѣ Вашингтона разрѣшили посѣтить тюрьмы Нью-Iорка, чтобы убѣдиться насколько справедливы разсказы о ихъ ужасномъ состояніи) говоритъ по поводу этого отчета слѣдующее. „Варварства, бывшія на плавучихъ тюрьмахъ въ Нью-Iоркѣ и аналогичныя жестокости по отношенію къ лойялистамъ, которые были заключены въ тюрьмахъ Коннектикута, можно считать типичными явленіями вѣка, когда вообще обращеніе съ арестантами было гнусно какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ" (American history as told by contemporaries, 1899, p. 508).

простому американскому солдату, такъ какъ это описаніе заслуживаетъ вниманія не только по содержащимся въ немъ фактамъ, но и потому, что оно характеризуетъ въ извѣстной мѣрѣ американскихъ солдатъ того времени, степень ихъ развитія, способность выражать свои мысли и т. д. Нельзя сомнѣваться, что во всѣхъ этихъ отношеніяхъ американскіе солдаты представляли значительный контрастъ по сравненію не только съ наемными гессенцами, запроданными ихъ княземъ для борьбы противъ народа, о которомъ эти несчастные никогда дотолѣ ничего не слышали, но даже и по сравненію съ самыми англійскими войсками, набиравшимися тогда (и отчасти набирающимися до сихъ поръ) изъ подонковъ городскаго и сельскаго пролетаріата... Конечно, этотъ контрастъ, равно какъ и контрастъ между тѣми побужденіями, которыя заставляли становиться подъ знамена англичанъ и ихъ гессенскихъ наемниковъ, съ одной стороны, и американцевъ — съ другой, оказалъ не малую долю вліянія на окончательный исходъ борьбы, гдѣ всѣ шансы на успѣхъ, казалось, принадлежали великой европейской державѣ!..

Итакъ, мы приводимъ ниже извлеченіе изъ „Разсказа о плѣнѣ Томаса Андроса и о заключеніи его въ плавучей тюрьмѣ въ Нью-Іоркской гавани въ 1781 году“.

Во времи первыхъ актовъ борьбы колоніи съ метрополіей, въ 1775 г. 16-лѣтній Том. Андросъ былъ земледѣльческимъ рабочимъ на одной фермѣ въ колоніи Коннектикутъ; мать его была вдова и жила въ большой бѣдности. Когда распространилось извѣстіе о роковыхъ схваткахъ при Лексингтонѣ и Конкордѣ, молодой рабочій записался въ солдаты и участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ. Въ августѣ 1781 г. онъ былъ взятъ въ плѣнъ и посаженъ въ плавучую тюрьму „Old Jersey“ въ нью-іоркской гавани. „Это было“, пишетъ Андросъ, „старое 64 пушечное судно, по своей ветхости негодное къ активной службѣ. Съ него былъ снятъ весь рангоутъ *) и такелажъ **), такъ что оставался только старый, отвратительный, прогнившій корпусъ. Омерзительная внѣшность этого судна вполнѣ гармонировала съ тѣми гнусно-

*) Такъ называются мачты, реи и другія деревянныя части вооруженія.

**) Такъ называются всякаго рода снасти (веревки) на суднѣ.

стями, которыя происходили внутри его... Нельзя сомнѣваться въ томъ, что ни одно судно англійскаго флота не погубило столько человѣческихъ жизней... Число американскихъ матросовъ, погибшихъ на этомъ суднѣ, опредѣляется по меньшей мѣрѣ въ 11.000. Послѣ того, какъ стало для всѣхъ очевиднымъ, что смерть ожидаетъ почти каждаго, попавшаго въ эту плавучую тюрьму, заключеніе въ ней плѣнныхъ въ сущности нисколько не отличалось отъ массоваго разстрѣлянія тѣхъ же плѣнныхъ на общественной площади... Но люди, повидимому, забыли милосердіе, и насъ обрекли на заключеніе въ эту тюрьму. Во все время моего пребыванія въ ней, насъ не посѣтилъ ни одинъ Говардъ или ангелъ милосердія, чтобы узнать наши страданія или облегчить ихъ. Одинъ или два раза, по желанію какого-то посѣтителя, побывавшаго у насъ на верхней палубѣ, сотнямъ заключеннымъ, стоявшимъ на этой палубѣ такъ тѣсно, какъ только это было возможно, была брошена корзина съ яблоками, чѣмъ была произведена чрезвычайная давка среди арестантовъ, грозившая здоровью и жизни толпившихся. Такой поступокъ могло внушить не состраданіе, а жестокость... Когда я увидѣлъ это, я поспѣшилъ убѣжать какъ можно дальше въ сторону.

„Въ началѣ перваго вечера насъ загнали въ темную нижнюю палубу, заперевъ всѣ выходы изъ нея и поставивъ для ихъ охраны вооруженныхъ солдатъ. Тутъ мнѣ представилась отвратительная сцена, описать которую было бы невозможно. Около входа въ трюмъ вооруженные солдаты гнали заключенныхъ къ помпамъ для откачиванія воды, такъ какъ судно иначе могло бы затонуть вслѣдствіе большой течи... Кругомъ слышались брань, ругательства, проклятія. Во время откачиванія допущенъ былъ снизу небольшой свѣтъ, отъ котораго дѣлался еще замѣтнѣе и еще ужаснѣе окружавшій насъ мракъ. Мнѣ казалось, что я вижу прообразъ ада и уже на землѣ испытываю муки, которыя обѣщаны грѣшникамъ лишь на томъ свѣтѣ. Мнѣ вспомнились слова Мильтоновскаго описанія ада.

Юдоль горя, страна печали
Гдѣ нѣтъ мѣста миру и покою...

...„Когда я попалъ въ это мѣсто страданій, отчаянія и смерти, насъ заключенныхъ на суднѣ было около 400, но скоро это число

увеличилось втрое. Настолько же увеличилась и смертность. Тутъ царили невозбранно всякія тяжелыя болѣзни, особенно дизентерія, оспа и желтая лихорадка... Больные и здоровые находились вмѣстѣ. Въ короткое время число больныхъ и умирающихъ дошло до 200 или даже болѣе, причемъ всѣ они были помѣщены въ носовой части жилой палубы, куда загонялись на ночь и всѣ остальные арестанты. Крайнее нервное разстройство составляетъ обычный симптомъ желтой лихорадки и, можно себѣ представить весь ужасъ нашего положенія, когда вдругъ среди мрака, въ которомъ мы находились (жилая палуба не освѣщалась), раздавалось предостереженіе: „берегитесь, по палубѣ идетъ сумасшедшій человѣкъ съ ножомъ въ рукахъ".

„Такъ какъ многіе жестоко страдали отъ лихорадки, то постоянно требовалась вода для питья, но воду можно было достать, только выйдя на верхнюю палубу, куда впускали не болѣе одного человѣка заразъ. Вслѣдствіе этого ночью многимъ приходилось страшно томиться отъ жажды. Къ тому же выходить наверхъ напиться воды не всегда было безопасно. Будучи раздражаемы постоянными требованіями пропуска наверхъ, когда уже тамъ кто-нибудь былъ, часовые отгоняли докучливыхъ арестантовъ штыками.

„Утромъ люки открывались. Мы могли выйти на верхнюю палубу и оставаться тамъ весь день. Но первое же зрѣлище, которое представлялось нашимъ глазамъ, производило ужасное впечатлѣніе: съ судна увозили на лодкѣ мертвыя тѣла на ближній берегъ, гдѣ эти тѣла чуть-чуть закапывались въ песокъ... Какой бы болѣзнью ни приходилось страдать тому или иному изъ заключенныхъ, его предоставляли на волю судебъ. Насколько мнѣ извѣстно, докторъ никогда не былъ приглашаемъ для оказанія помощи арестантамъ.

„Заключеннымъ давали ведра и щетки для мытья палубы и уксусъ для спрыскиванія. Но всѣми овладѣвала такая апатія и отчаяніе, что почти никогда никто не хотѣлъ приниматься за чистку. Къ тому же корабль представлялъ собою сверху до низу такую сплошную клоаку, что вычистить его было бы и невозможно. Мнѣ кажется, что такого грязнаго, полнаго заразы и смерти жилища, назначеннаго для людей, никогда еще не было среди христіанскихъ народовъ... Самое элементарное человѣколюбіе тре-

бовало бы болѣе гуманнаго обращенія даже и съ пиратами... *Но съ точки зрѣнія англичанъ мы были мятежниками и измѣнниками отечеству, мы возстали противъ метрополіи и начали ничѣмъ не вызванную* безосновательную гражданскую смуту и войну... Поэтому они считали себя въ правѣ не соблюдать по отношенію къ намъ тѣхъ правилъ гуманности, которыя полагается соблюдать по отношенію къ плѣннымъ, взятымъ во время войны съ иностраннымъ государствомъ...

„Я не помню, чтобы на кораблѣ что-нибудь напоминало о существованіи религіи. Я не видѣлъ никогда ни у кого Библіи, не слышалъ молитвы или религіозной бесѣды, я не видалъ никогда на суднѣ священника, хотя, кажется, никогда еще на свѣтѣ не было собрано на такомъ небольшомъ пространствѣ столько страждущихъ и умирающихъ, столько нуждающихся въ утѣшеніяхъ религіи... Если и слышалось упоминаніе о Богѣ, то лишь въ связи съ богохульствомъ и проклятіями... Прошу не забывать, что разсказываемое мною относится почти исключительно къ тому времени, когда я былъ на суднѣ. Я почти ничего не говорю о томъ, что было до или послѣ этого... Еще менѣе я желалъ бы, чтобы всѣ гнусности плавучихъ тюремъ ставились въ вину всей націи безъ исключенія. Конечно, такіе факты представляютъ позоръ, который Англія не смоетъ съ себя совершенно и по прошествіи тысячелѣтія. Однако, какъ только все это стало извѣстно болѣе честнымъ и гуманнымъ англичанамъ, они самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовали противъ описанныхъ жестокостей“.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что американскій солдатъ, вынесшій лично всѣ тѣ ужасы, о которыхъ онъ разсказываетъ, пытается возвыситься надъ чувствомъ личнаго озлобленія и удерживаетъ читателя отъ огульнаго осужденія всей націи за то, что среди нея же самой встрѣтило самое рѣзкое осужденіе со стороны лучшей части общества, т. е. проявляетъ такое уваженіе къ истинѣ и такое самообладаніе, признаковъ котораго тщетно было бы искать въ комментаріяхъ и сужденіяхъ многихъ русскихъ періодическихъ изданій по поводу англо-трансваальскаго конфликта *).

*) Мы думаемъ, что слѣдующія нѣсколько строкъ, извлекаемыя нами изъ сочиненія Лекки представляютъ интересъ для читателя, какъ при-

Наша работа разрослась далеко за предѣлы, которые мы себѣ поставили. Поэтому мы находимъ себя вынужденными отказаться отъ характеристики литературной дѣятельности Франклина, тѣмъ болѣе, что Франклинъ за весь разсматриваемый періодъ (съ 1764 г. по 1785 г.) въ теченіе двадцати одного года почти непрерывно жилъ внѣ Америки (за исключеніемъ времени отъ мая 1775 до октября 1776 г.), сначала (съ 1764 по 1776 г.) въ Лондонѣ въ качествѣ агента нѣсколькихъ американскихъ колоній, а послѣ объявленія независимости (съ 1776 по 1785 г.) въ Парижѣ въ качествѣ чрезвычайнаго посла Соед. Штатовъ при французскомъ дворѣ. Такимъ образомъ, своими весьма многочисленными статьями Франклинъ вліялъ первое время на англичанъ, а затѣмъ на французовъ и на континентальную Европу вообще, слѣдовательно, онъ не принималъ прямого участія въ литературной борьбѣ, происходившей въ Америкѣ между революціонерами, съ одной стороны, и всѣми ихъ противниками, съ другой.

Мы опускаемъ также характеристику немногочисленныхъ драматическихъ произведеній, написанныхъ въ Америкѣ во время революціи и такъ или иначе касавшихся переживаемыхъ страной политическихъ событій. Это были первые опыты самостоятельной американской драмы и потому со стороны формы эти опыты, вообще говоря, болѣе чѣмъ посредственны, содержаніе же ихъ такъ полно намековъ на разныхъ лицъ и разныя событія того времени, что каждая выдержка изъ этихъ драмъ потребовала бы—для полнаго пониманія—длинныхъ комментарій.

мѣръ относительнаго безпристрастія англійскихъ историковъ. Описывая обращеніе съ плѣнными англичанъ и американцевъ, Лекки говоритъ: „Справедливость требуетъ прибавить, что американцы, если не имѣть въ виду отношенія ихъ къ лойялистамъ во все время войны съ Англіей обнаруживали почти всегда замѣчательную гуманность. Всѣ попытки англичанъ обвинить американцевъ въ дурномъ обращеніи съ плѣнными и заключенными оказывались всегда несправедливыми въ противоположность такимъ же обвиненіямъ американцевъ противъ англичанъ, оказавшимся болѣе чѣмъ основательными“ (H. Lecky, цитир. сочин. vol. IV, стр. 100).

XXV.

Церковная проповѣдь, какъ одинъ изъ литературныхъ факторовъ американской революціи.

„Въ Америкѣ, какъ это было и во время великаго возмущенія (Grand Rebellion) *) въ Англіи, революціонному движенію много содѣйствовала церковная проповѣдь“, — писалъ одинъ лойялистскій публицистъ во время борьбы съ Англіей.

Въ самомъ дѣлѣ духовенство въ Америкѣ сохранило еще значительную долю того огромнаго вліянія, какое оно имѣло въ первое время по переселеніи въ Новый Свѣтъ, которое, какъ извѣстно, и вызвано было отчасти стремленіемъ пересоздать все общественное устройство на основахъ ученія Библіи **).

Извѣстный намъ Джемсъ Отисъ ***) считалъ невозможнымъ успѣхъ движенія противъ Англіи, если къ нему не примкнетъ, какъ онъ выразился, „черный полкъ“ (the black regiment) ****). Въ 1774 г. лойялистъ Д. Леонардъ въ статьѣ, излагающей быстрый ростъ революціоннаго духа среди американцевъ, объясняетъ его въ значительной мѣрѣ агитаціей „проповѣдниковъ диссидентовъ“. „Какъ должно дѣйствовать на собраніе вѣрующихъ“,—писалъ Леонардъ *****),—когда они по воскресеньямъ

---

*) Grand Rebellion или, чаще, Great Rebellion называется въ Англіи революціонное движеніе XVII вѣка окончившееся казнью Карла I и установленіемъ республики.

**) См. Higginson. A larger hystory of United States, 1885. Конечно наши слова относятся почти исключительно къ колоніямъ, составлявшимъ такъ назыв. „Новую Англію“.

***) См. выше главу II.

****) Намекъ на черное одѣяніе пасторовъ.

*****) О Леонардѣ см. главу X.

слышать съ церковной каѳедры отъ проповѣдниковъ, почитать и уважать слова которыхъ они привыкли съ самого дѣтства, тѣ же слова, тѣ же мысли, которыя они въ будніе дни читаютъ въ газетахъ!".

Литературная исторія церковной проповѣди во время революціи есть въ сущности исторія церковной проповѣди революціонныхъ принциповъ, такъ какъ тѣ проповѣдники, которые не были сторонниками возмущенія, лишь въ исключительныхъ случаяхъ могли найти настолько смѣлаго типографщика (printer) *), который рѣшился бы напечатать противореволюціонную проповѣдь. Впрочемъ и произносить-то такія проповѣди было почти невозможно. Когда же отношенія Америки и Англіи дошли до крайняго напряженія и между ними фактически началась борьба, проповѣдникамъ не прощали даже и то, если они избѣгали касаться политическихъ вопросовъ и такимъ образомъ не поддерживали въ народѣ духъ протеста. „Говоритъ ли г-нъ Вайбердъ въ своихъ проповѣдяхъ противъ политическихъ притѣсненій и другихъ золъ нашего времени?"—спрашивалъ свою жену Джонъ Адамсъ въ письмѣ изъ Филадельфіи *) вскорѣ послѣ сраженія при Бонкеръ Хиллъ „Скажи ему что у насъ **) духовенство всѣхъ исповѣданій, не исключая и епископальнаго, мечетъ громы и молніи каждое воскресенье. Оно молится за Бостонъ и Массачузэтсъ, открыто благодаритъ Бога за наши успѣхи противъ англичанъ и возноситъ молитвы за американскую армію".

Какъ извѣстно, очагомъ революціоннаго движенія были колоніи т. наз. Новой Англіи и въ особенности Массачузэтсъ; тамъ же, конечно, раздавались съ церковной каѳедры наиболѣе рѣшительныя и смѣлыя проповѣди духовенства.

30 марта 1775 года, въ тяжелые дни между сраженіями при Конкордѣ и Бонкеръ Хиллъ, въ селѣ Уотертаунъ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бостона, собрались делегаты отъ многихъ городовъ Массачузэтса въ качествѣ временнаго правительства колоніи въ замѣнъ законодательнаго собранія, которое при начавшихся фактически военныхъ дѣйствіяхъ противъ англійскихъ

---

*) Въ то время еще не дифференцировались функціи типографщика и издателя, и владѣтель типографіи былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и издателемъ.

**) Гдѣ онъ находился для участія въ занятіяхъ конгресса.

***) Т. е. въ Филадельфіи.

войскъ не могло, конечно, собраться въ Бостонѣ. Это было въ годовщину дня, когда согласно королевской хартіи законодательному собранію надлежало выбирать членовъ колоніальнаго совѣта *) (colonial council). Уже почти въ теченіе полуторааста лѣтъ законодательное собраніе колоніи отправлялось въ этотъ день „in corpore“ въ церковь и слушало проповѣдь какого-нибудь выдающагося проповѣдника, спеціально приглашаемаго для такого случая. Такъ было сдѣлано и на этотъ разъ. Делегаты отправились въ старое зданіе, служившее для молитвенныхъ собраній (meeting house) и выслушали проповѣдь Самуила Лангдона — ректора **) Харвардскаго колледжа, который съ первыхъ же словъ поспѣшилъ явиться выразителемъ горя, негодованія и твердой рѣшимости на борьбу, которыми были исполнены сердца его слушателей.

„Сегодня“, такъ началъ Лангдонъ, — „день знаменательный, когда обыкновенно въ столицу нашей колоніи среди общей радости съѣзжались со всѣхъ концовъ Массачуэтса народные представители. Увы! теперь наша столица занята гарнизономъ наемниковъ и обратилась въ опору деспотизма. Какъ я могу говорить вамъ съ этой каѳедры о предстоящихъ вамъ важныхъ занятіяхъ, не усугубивъ печаль вашу изложеніемъ грустныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ? Мы дожили до такого времени, когда британская свобода близка къ окончательному паденію, когда готова рухнуть и разлетѣться въ прахъ конституція, составлявшая силу и гордость англичанъ, когда Америкѣ грозятъ жестокія притѣсненія, когда властная рука протягиваетъ свои когти къ Новой Англіи и особенно къ

---

*) Въ большинствѣ американскихъ колоній управленіе было организовано на подобіе управленія метрополіи; роль короля исполнялъ губернаторъ, законодательное собраніе, выбираемое народомъ, соотвѣтствовало палатѣ общинъ; такъ назыв. колоніальный совѣтъ, способъ избранія котораго былъ неодинаковъ въ разныхъ колоніяхъ, соотвѣтствовалъ палатѣ лордовъ или верхней палатѣ. Губернатору принадлежало право налагать свое „veto“ на законодательные и другіе акты колоніальныхъ собраній.

**) Въ то время роль ректора (president) въ колледжахъ весьма часто исполняли духовныя лица, такъ какъ и самые колледжи возникли первоначально преимущественно для того, чтобы подготовлять колонистамъ собственныхъ церковныхъ проповѣдниковъ.

Массачуэтсу, желая заставить насъ повиноваться произвольнымъ актамъ законодателей, которыхъ мы не выбирали и которые сами вовсе не будутъ чувствовать того бремени, которое они съ легкимъ сердцемъ возлагаютъ на насъ. Наши угнетатели не затруднились нисколько нарушить самыя положительныя и самыя торжественныя обѣщанія королей, они не задумались измѣнить существеннымъ образомъ хартію нашей колоніи, руководствуясь одними ложными слухами. Они стали держаться по отношенію къ намъ совершенно новой политики, не справляясь ни съ какими законами... Судьбы наши находятся больше не въ рукахъ нашихъ довѣренныхъ людей, на мудрость и справедливость которыхъ мы могли бы полагаться!.. Нѣтъ, надъ нами въ качествѣ правителей хотятъ поставить людей, къ которымъ мы не питаемъ никакого довѣрія, принципы которыхъ идутъ въ разрѣзъ съ нашими нравами и вольностями, людей, готовыхъ служить кому угодно и совершать какія угодно беззаконія за хорошее жалованье, людей, которыхъ мы никогда не видѣли и которыхъ всѣ связи и интересы находятся по ту сторону Атлантическаго океана. Вотъ какіе люди будутъ присланы намъ въ качествѣ администраторовъ и судей по усмотрѣнію тѣхъ, кто, располагая всѣмъ богатствомъ и всѣми силами страны, задается благороднѣйшей цѣлью поработить сначала колоніи, а затѣмъ и весь англійскій народъ".

Въ виду „критическаго и крайне опаснаго положенія" Америки со времени сраженія при Конкордѣ и Лексингтонѣ континентальный конгрессъ опредѣлилъ, чтобы 20 іюля 1775 года „во всѣхъ англійскихъ колоніяхъ въ Америкѣ было днемъ поста и чтобы въ этотъ день повсемѣстно было совершено богослуженіе съ вознесеніемъ молитвъ Всевышнему *) о помощи".

Въ самомъ дѣлѣ этотъ день былъ вездѣ проведенъ такимъ образомъ въ постѣ и молитвѣ; вообще это былъ первый случай, когда во всей Америкѣ (С. Штатахъ) соблюдался постъ въ одинъ и тотъ же день, въ чемъ между прочимъ выразилось начало на-

*) Journal of American Congress, т. I, 81—82 (цитировано у Тайлера II, 284).

ціональной жизни колоній, жившихъ до революціи каждая своей особенной жизнью *).

Въ этотъ день, 20 іюля 1775 г., въ лагерѣ американскихъ войскъ въ Роксбёри (Массачузэтсъ) передъ собравшимися офицерами и солдатами произнесъ горячую проповѣдь молодой пастырь Эзра Сампсонъ, недавно окончившій Іэль Колледжъ (Yale College),—человѣкъ настолько способный, что его товарищи по колледжу говорили про него, что онъ „Сампсонъ не только по фамиліи, но и по дарованіямъ". „Разсказываютъ про одного турецкаго генерала", сказалъ между прочимъ проповѣдникъ, „что будучи посланъ сражаться съ арміей христіанъ, нарушившей самыя торжественныя обязательства, онъ выступилъ впередъ своихъ войскъ и, взявъ въ руки договоръ, который христіане нарушили, и держа его такимъ образомъ, чтобы онъ былъ видѣнъ христіанамъ, такъ обратился ко Всевышнему: „Всемогущій Боже! если ты, какъ они говорятъ, Богъ христіанъ, ты долженъ любить правду и ненавидѣть вѣроломство. Посмотри же, какъ они нарушили этотъ договоръ, а такъ какъ ты не можешь помогать тѣмъ, кто не правъ, пошли имъ пораженіе, а мнѣ побѣду".

„Онъ кончилъ, обнажилъ мечъ и повелъ войска въ бой. Схватка была жаркая, но христіане скоро обратились въ бѣгство. Развѣ мы въ настоящее время не можемъ указать, какъ на доказательство вѣроломства и злыхъ умысловъ нашихъ враговъ, на нарушенную хартію нашей колоніи, на жестокій законъ о закрытіи Бостонской гавани и на другіе измѣнническіе и безчестные акты по отношенію къ несчастнымъ жителямъ Массачузэтса и въ особенности города Бостона".

Утромъ того же дня, который былъ назначенъ конгрессомъ для поста, покаянія и молитвы (20 іюля 1775 г.) члены конгресса собрались въ обычное мѣсто засѣданія въ $9^1/_2$ ч. утра и затѣмъ

---

*) Англиканская церковь считаетъ постъ въ извѣстныхъ случаяхъ полезнымъ, но не обязательнымъ для вѣрующихъ. Въ годы общественныхъ бѣдствій англійскій король назначалъ иногда извѣстный день для поста и общественной церковной службы; описанный случай былъ первый, когда конгрессъ поступилъ аналогично въ Америкѣ. Если не ошибаемся, въ настоящее время президентъ республики каждый годъ назначаетъ одинъ день для поста и молитвы во всей Америкѣ, когда прекращаются занятія во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ.

отправились всѣмъ составомъ въ церковь, въ которой долженъ былъ говорить проповѣдь пасторъ Дюшэ (Duché), считавшійся однимъ изъ самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ среди англиканскаго духовенства въ Америкѣ. Изобразивъ Америку, какъ вѣтвь, еще не отпавшую отъ британскаго древа, Дюшэ произнесъ чрезвычайно рѣзкую и страстную проповѣдь, которая несомнѣнно должна была очень понравиться всѣмъ наиболѣе радикальнымъ членамъ конгресса. Пасторъ говорилъ, что Америку „разоряютъ и притѣсняютъ“, что метрополія совершенно безъ всякаго основанія „крайне рѣзко и сурово относится къ своимъ американскимъ колоніямъ“ и сумѣлъ возбудить крайнее негодованіе среди слушателей изображеніемъ несправедливости и варварства такого противоестественнаго отношенія Англіи къ колоніямъ, заселеннымъ потомками англійскихъ выходцевъ. „Мы теперь подвергаемся опасности жестокихъ и несправедливыхъ нападеній не отъ какихъ нибудь чужестранныхъ народовъ, не отъ дикарей окружающей насъ пустыни, нѣтъ, на насъ подняла свою безжалостную руку Великобританія, готовая погубить свое собственное дѣтище“!

Проповѣдникъ, произнесшій эти горячія слова, былъ Дж. Дюшэ 38-лѣтній пасторъ церкви Христа (Christ Church), происходившій отъ старинной и вліятельной семьи въ Пенсильваніи. Дюше пользовался большой популярностью, благодаря значительнымъ ораторскимъ дарованіямъ, высокому образованію, пріятности манеръ. Популярность Дюшэ среди людей болѣе крайнихъ мнѣній увеличилась особенно послѣ того, какъ онъ рѣшился открыть молитвой засѣданіе конгресса, обсуждавшаго мѣры борьбы съ Англіей. Какъ мы знаемъ, это было совершенно незаконное и, можно даже сказать, чисто революціонное собраніе, и для духовнаго лица нужно было много смѣлости, чтобы показать свою солидарность съ собраніемъ такихъ лицъ, на которыхъ законное правительство смотрѣло, какъ на заговорщиковъ.

Дѣло было такъ. Какъ намъ извѣстно, первый континентальный конгрессъ состоялся 5 сентября 1774 года *). На слѣдующій день

*) Это былъ конгрессъ, выработавшій рядъ мѣръ для коммерческой борьбы съ метрополіей знаменитымъ „Соглашеніемъ“ и составившій декларацію правъ колонистовъ, нарушенныхъ англійскимъ правительствомъ. См. выше главу IX.

послѣ открытія конгресса одинъ изъ делегатовъ отъ Массачузэтса предложилъ, чтобы засѣданія каждый день открывались молитвой. Двое изъ членовъ конгресса возражали противъ этого, указывая на практическія затрудненія, являющіяся результатомъ крайняго разнообразія въ вѣроисповѣданіи членовъ конгресса, изъ которыхъ одни были конгрегаціоналисты, другіе пресвитеріане, третьи анабаптисты, четвертые квакеры и т. д. Тутъ всталъ Самуилъ Адамсъ и сказалъ, что хотя онъ конгрегаціоналистъ, „онъ, однако, не ханжа (bigot) и можетъ выслушать благоговѣйно молитву, произнесеную благочестивымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ другого христіанскаго исповѣданія, если только этотъ человѣкъ другъ своего отечества (т. е. сочувствуетъ задачамъ конгресса).

„Я не знаю Филадельфіи“, продолжалъ Адамсъ, „но слышалъ, что г-нъ Дюшэ именно такой человѣкъ, и поэтому я предлагаю пригласить завтра же открыть засѣданіе конгресса молитвой г-на Дюшэ,—пастора англиканской епископальной церкви“.

Предложеніе Адамса было принято, и приглашать Дюшэ отправился лично предсѣдатель конгресса. Случилось такъ, что какъ разъ въ это время весь городъ (Филадельфія) былъ взволнованъ слухомъ, оказавшимся впослѣдствіи ложнымъ, что британскія войска, стоявшія лагеремъ около Бостона, открыли огонь по этому несчастному городу. Вотъ при какихъ обстоятельствахъ открывалъ молитвой засѣданія конгресса пасторъ церкви Христа въ Филадельфіи 7 сент. 1774 года. „Онъ явился со своимъ причетникомъ (clerk), одѣтый въ полное облаченіе“, писалъ нѣсколько дней спустя Джонъ Адамсъ своей женѣ, „прочелъ нѣсколько молитвъ, какъ это полагается дѣлать, а затѣмъ 35 и 36 псалмы, которые назначены для седьмого сентября. Не забудь, что это пришлось какъ разъ на другой день послѣ того, какъ между нами разнеслась вѣсть о канонадѣ Бостона. Казалось, что самъ Богъ такъ устроилъ, чтобы были прочтены именно эти псалмы. Затѣмъ совершенно неожиданно для всѣхъ Дюшэ произнесъ „ex tempore“ подходящую случаю молитву, проникнувшую въ сердца всѣхъ слушавшихъ. Сознаюсь, я никогда не слышалъ лучшей молитвы... Общее впечатлѣніе было чрезвычайно сильно... Вообще г-нъ Дюшэ несомнѣнно одинъ изъ самыхъ умныхъ и достойныхъ людей и одинъ изъ лучшихъ проповѣдниковъ среди англикан-

скаго епископальнаго духовенства и въ то же время одинъ изъ наиболѣе ревностныхъ радѣтелей свободы своего отечества“.

То, что Адамсъ сообщилъ своей женѣ, стало скоро извѣстно всей Америкѣ, и популярность Дюшэ въ 1775 и 1776 г. вслѣдствіе этого была огромна. Казалось, Дюшэ былъ полонъ рѣшимости стоять за дѣло свободы и поддерживать такую же рѣшимость вь другихъ. Такъ, въ пламенной проповѣди, сказанной имъ въ церкви Христа первому батальону войскъ, сформированныхъ въ Филадельфіи, недѣли двѣ спустя послѣ сраженія при Бонкеръ Хиллъ, Дюшэ убѣждалъ солдатъ твердо стоять за свободу и не смущаться даже и тогда, когда дѣло дойдетъ до открытой борьбы съ Англіей, которая затѣваетъ эту борьбу, очевидно, изъ зависти къ растущему величію Америки. „Будьте тверды, непоколебимы, настойчивы“, говорилъ проповѣдникъ. „Могутъ возникнуть для васъ новыя и неожиданныя трудности, которыя способны смутить и наиболѣе закаленныя души. Будьте поэтому готовы къ худшему. Не тратьте своихъ силъ на слишкомъ рѣзкія и сильныя проявленія своего усердія. Не спѣшите доводить дѣла до крайности, чтобы не утомлять себя слишкомъ большимъ напряженіемъ силъ, думайте о томъ, чтобы сохранить въ себѣ достаточно силъ для критическихъ минутъ. Спокойно и хладнокровно ждите событій, теченіе которыхъ находится въ рукахъ Провидѣнія; надѣйтесь на одного Того, отъ Кого зависитъ дать вамъ силу и средства, необходимыя для предстоящихъ вамъ испытаній. Однимъ словомъ, друзья мои, если бы обстоятельства приняли даже самый дурной оборотъ, если бы мы лишились всѣхъ матеріальныхъ благъ жизни, если бы непріятель парализовалъ нашу торговлю и намъ пришлось бы, какъ это уже и было съ нѣкоторыми, бросить свои дома, имѣнія, будемъ все-таки твердо и безстрашно защищать дѣло свободы“.

Проповѣдь, изъ которой мы привели эти слова, произвела очень сильное впечатлѣніе и имѣла большое вліяніе не только на тѣхъ, кто слышалъ ее, но и на многія тысячи и даже десятки тысячъ американцевъ и англичанъ, никогда не видѣвшимъ и не слышавшихъ Дюшэ, такъ какъ эта проповѣдь, посвященная, кстати сказать, Вашингтону, была напечатана въ томъ же 1775 г. въ Филадельфіи и въ Лондонѣ. Къ сожалѣнію, какъ оказалось впослѣдствіи, никто такъ не нуждался въ прекрасныхъ совѣтахъ, въ мужественныхъ увѣ-

щаніяхъ Дюшэ и никто ими такъ скоро не пренебрегъ, какъ самъ краснорѣчивый проповѣдникъ церкви Христа въ Филадельфіи...

Нѣсколько дней спустя послѣ объявленія конгрессомъ независимости (4 іюля 1776 г.) Дюшэ получилъ оффиціальное извѣщеніе, что въ виду его „благочестія“, а равно и „постоянной и усердной преданности дѣлу американской свободы“, конгрессъ назначаетъ его своимъ проповѣдникомъ и „будетъ радъ видѣть его каждый день въ девять часовъ для открытія засѣданія молитвой“. Дюшэ съ тѣхъ поръ являлся въ теченіе трехъ мѣсяцевъ каждый день къ 9 час. утра въ залъ засѣданій конгресса и усерднѣйшимъ образомъ молилъ Бога о помощи американцамъ въ ихъ стремленіи уничтожить власть англійскаго короля въ Америкѣ.

Но вскорѣ для американцевъ настали черные дни: рядъ понесенныхъ ими пораженій подвергнулъ тяжелому испытанію души патріотовъ. Въ числѣ другихъ и Дюшэ не выдержалъ этого испытанія. Когда неудачи американцевъ привели къ тому, что Филадельфія попала во власть британскихъ войскъ, Дюшэ быстро перемѣнилъ фронтъ и, открывъ свою церковь для „жестокихъ притѣснителей“, о гибели которыхъ онъ такъ недавно и такъ горячо молился, сталъ съ такимъ же усердіемъ и краснорѣчіемъ молиться о ниспосланіи всякихъ благъ королю и всему королевскому дому...

Вскорѣ послѣ этого Дюшэ сдѣлалъ дальнѣйшій шагъ въ томъ же направленіи и обратился съ письмомъ къ „своему другу“ главнокомандующему американской арміей, убѣждая его „объяснить конгрессу всю безусловную необходимость отказаться поскорѣе отъ необдуманной и неумѣстной деклараціи независимости“... „Ваше вмѣшательство и совѣтъ, я въ этомъ увѣренъ, будутъ встрѣчены благопріятно конгрессомъ, а если бы это даже оказалось и не такъ, то у васъ есть вѣрное средство привести дѣло къ концу— начать самому переговоры съ англичанами въ качествѣ начальствующаго арміей“.

Можно себѣ представить, какое негодованіе возбудило среди американцевъ это письмо Дюшэ къ Вашингтону, когда оно стало извѣстнымъ. Негодованіе это было настолько сильно, что Дюшэ нашелъ даже неудобнымъ и, можетъ быть, небезопаснымъ оставаться долѣе въ Америкѣ: всего черезъ нѣсколько недѣль послѣ отправленія указаннаго письма къ Вашингтону, Дюше уже уѣхалъ въ Англію на одномъ изъ англійскихъ военныхъ судовъ.

XXVI.

Церковная проповѣдь, какъ одинъ изъ литературныхъ факторовъ американской революціи (окончаніе).

Въ весеннюю кампанію 1777 года въ одномъ изъ американскихъ полковъ, сформированныхъ штатомъ Пенсильваніей, появился молодой пасторъ Генри Брекенбриджъ, оказавшійся весьма увлекательнымъ и краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Впрочемъ, этотъ проповѣдникъ былъ такъ проникнутъ ненавистью противъ англичанъ и такъ преисполненъ пламеннымъ желаніемъ уничтожить враговъ отечества, что его проповѣди, по крайней мѣрѣ, тѣ, которыя были опубликованы затѣмъ въ газетахъ, полны всякаго рода сильнѣйшихъ чувствъ кромѣ тѣхъ, которыя чѣмъ нибудь напоминали бы нагорную проповѣдь Христа...

Брекенбриджъ родился въ 1748 г. въ Шотландіи и былъ привезенъ родителями—людьми крайне бѣдными—въ Америку, когда ему было всего 5 лѣтъ. Мы не находимъ возможнымъ передавать читателю сколько труда, сколько характера, сколько энергіи долженъ былъ проявить Генри Брекенбриджъ, чтобы получить образованіе, которое ему удалось закончить послѣ нѣсколькихъ невольныхъ перерывовъ въ Princeton College въ 1771 г. Получивъ въ этомъ году степень бакалавра, Брекенбриджъ остался въ колледжѣ въ качествѣ тутора и сталъ въ то же время заниматься богословскими науками.

Получивъ право церковной проповѣди, Брекенбриджъ занялся педагогической дѣятельностью въ качествѣ директора одного средняго учебнаго заведенія. Въ это время для Америки настали критическіе дни, и Брекенбриджъ, бросивъ школу, поспѣшилъ въ лагерь сражающихся за отечество, чтобы раздѣлить съ ними всѣ

лишенія и поддержать ихъ мужество своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ и непоколебимой вѣрой въ успѣхъ праваго дѣла.

Находясь среди войскъ, Брекенбриджъ произнесъ и затѣмъ опубликовалъ въ 1778 г. „Шесть политическихъ проповѣдей, основанныхъ на Священномъ Писаніи". О содержаніи и направленіи ихъ можно судить уже по однимъ заглавіямъ: „Кровавые слѣды тираніи", Сущность торизма и его уловки", „Судьба торизма и тираніи", „Помощь Бога дѣлу свободы", „Великое озлобленіе тирана и его причины".

Какъ значилось въ заглавіи сборника проповѣдей, всѣ онѣ были основаны на Священномъ Писаніи. Однако, говоря о Священномъ Писаніи, авторъ, очевидно, имѣлъ въ виду Ветхій Завѣтъ, въ особенности же тѣ части его, гдѣ разсказывается объ избіеніи хананеянъ Іисусомъ Навиномъ, о проклятіяхъ псалмопѣвца царя Давида, о свирѣпости братьевъ Маккавеевъ и т. п.

Первая проповѣдь „Кровавые слѣды тираніи" была произнесена вслѣдъ за пораженіемъ американской арміи при Брэндиуайнѣ (Brandywine) и представляетъ собой дикій призывъ къ патріотической ненависти и мести. Исходя въ своей проповѣди изъ части 11 стиха посланія апостола Іуды: „горе имъ, потому что идутъ путемъ Каиновымъ", Брекенбриджъ называетъ нѣсколькихъ знаменитыхъ продолжателей дѣлъ Каина,—„перваго въ ряду убійцъ": Неврода, Фараона *), Ахава, Александра Македонскаго, Чингисъ-Хана, Тамерлана. „Я опускаю", продолжаетъ далѣе Брекенбриджъ, „все, что говорится въ исторіи о гуннахъ, вандалахъ и готахъ. Я не буду говорить также о жестокихъ и кровожадныхъ государяхъ и народахъ новѣйшихъ временъ, когда Европа утопала въ крови. Я пропускаю ихъ, чтобы тѣмъ скорѣе перейти къ человѣку несравненно болѣе жестокому, вѣроломному и кровожадному,—человѣку, по сравненію съ которымъ всѣ другіе упомянутые злодѣи ничтожны. Я разумѣю жестокаго, неумолимаго, кровожаднаго англійскаго короля".

Охарактеризовавъ такимъ образомъ Георга III, Брекенбриджъ пытается далѣе изобразить въ самомъ отвратительномъ видѣ дѣй-

---

*) Такъ въ Библіи, какъ извѣстно, названъ египетскій царь, въ царствованіе котораго произошелъ исходъ евреевъ изъ Египта.

ствія исполнителей королевской воли въ Америкѣ. „Пусть городъ Бостонъ засвидѣтельствуетъ ихъ жестокость плачемъ дѣтей, стонами несчастныхъ матерей. Пусть высоты Канады и окрестности Квебека покажутъ слѣды тираніи въ этой несчастной странѣ. Пусть штаты, лежащіе между высотами Канады и далекимъ фортомъ Сёлливанъ, разскажутъ потомству все, что они вынесли отъ гессенскихъ наемниковъ, покушавшихся на честь американскихъ женщинъ, отъ жестокости англичанъ, раззорявшихъ поля и усадьбы... Но теперь эти злодѣи подошли и къ намъ. Они высадились въ сосѣдней колоніи и прошли уже часть ея, сжигая жилые дома, уничтожая пищевые запасы, предавая пыткамъ тѣхъ, кто, по ихъ подозрѣніямъ, скрывалъ деньги. Они выгоняли мирныхъ гражданъ изъ домовъ, насиловали женщинъ, предавали все огню и мечу... Они не щадятъ себя, чтобы только уничтожить насъ... Они готовы скорѣй разстаться съ собственной жизнью, чѣмъ дать намъ возможность остаться въ живыхъ... Что можетъ быть болѣе гнуснаго, что можетъ быть болѣе дьявольскаго“?

Проповѣдь Брекенбриджа заканчивается рядомъ проклятій врагу и призывомъ къ неумолимой къ нему ненависти. „Горе имъ, потому что они отвергли всѣ наши смиренныя просьбы и петиціи! Они отвергли ихъ съ пренебреженіемъ и грубостью. Они были глухи ко всѣмъ нашимъ мольбамъ... Они какъ будто бы задались цѣлью безжалостно стереть насъ съ лица земли. Они преслѣдуютъ эту цѣль съ жестокимъ упорствомъ. Они ведутъ войну со свирѣпостью, безпримѣрною среди цивилизованныхъ народовъ. Они кромсали тѣла нашихъ героевъ, павшихъ на полѣ брани. Они разоряли наши школы и университеты (colleges). Они сжигали церкви. Они пролили кровь безоружнаго и просящаго о пощадѣ священника. И все это они сдѣлали съ людьми, говорящими на одномъ съ ними языкѣ и одинаковой съ ними вѣры. Горе имъ, потому что они пролили кровь братьевъ! Они пошли путемъ Каиновымъ“.

... „Не будемъ же никогда, ни на минуту забывать всѣхъ этихъ злодѣяній. Проникнемся всѣ до единаго ненавистью къ тираніи и къ тирану, пусть Георгъ III будетъ для насъ вторымъ Каиномъ на землѣ. Пусть матери внушаютъ отвращеніе къ этому имени своимъ дѣтямъ, когда они еще сосутъ грудь! Покажемъ свою ненависть словомъ, дѣломъ, помышленіемъ, осо-

бенно дѣломъ! Старики, отпускайте съ радостью своихъ сыновей въ ряды войскъ! Жены, не смущайте слезами и сожалѣніями мужей своихъ, идущихъ защищать отечество! Солдаты,—къ вамъ я обращаюсь по преимуществу, — покажите врагамъ свою рѣшимость не останавливаться ни передъ чѣмъ для защиты своей родины! Пусть врагъ читаетъ всю вашу ненависть къ нему на вашихъ лицахъ, въ вашихъ глазахъ!.. Пусть каждый мужчина идетъ въ солдаты! Пусть каждый солдатъ не щадитъ своего живота! Пусть каждый рѣшитъ побѣдить или умереть! Будемъ грудью стоять за каждый холмъ, за каждую долину, за каждое поле, пока не прогонимъ врага, пока онъ не уйдетъ совсѣмъ изъ Америки, пока тиранъ не откажется отъ своей гнусной цѣли и не сознается, что нельзя наложить цѣпей на американцевъ, нельзя поработить свободныхъ людей"!...

Не одинъ Брекенбриджъ проповѣдывалъ съ церковной каѳедры дикую, неумолимую ненависть къ англичанамъ и къ тори; такія же проповѣди говорилъ и писалъ, напр., Нат. Уитэкеръ, пасторъ одного изъ конгрегаціонистскихъ приходовъ въ колоніи Массачузетсъ. Этотъ пасторъ пытался оправдать словомъ Божіимъ проповѣдываемую имъ ненависть къ тори, основываясь на аналогіи между ними и нѣкоторыми „злыми людьми" Ветхаго Завѣта, на которыхъ обрушился гнѣвъ Божій и проклятія пророковъ.

Изъ проповѣдей Уитэкера особенное вниманіе привлекли двѣ, произнесенныя имъ въ 1777 г. и тогда же напечатанныя, проповѣди, въ которыхъ особенно рѣзко выразилась страстная ненависть Уитэкера къ тѣмъ, кого онъ считалъ врагами отечества.

Первая изъ этихъ проповѣдей называется „Противоядіе противъ тори или проклятіе Мероза" (Meroz). Резюмируя основную мысль проповѣди изрѣченіемъ: „да будетъ проклятъ тотъ, кто удерживается отъ пролитія крови", онъ видитъ въ поведеніи тори, отказывавшихся взяться за оружіе и примкнуть къ революціонерамъ, такое преступленіе, за которое они заслуживаютъ вышеприведенныхъ словъ проклятія. Преступленіе тори, само по себѣ гнусное, усугубляется по мнѣнію Уитэкера двумя обстоятельствами: во-первыхъ, идя противъ братьевъ, они идутъ противъ природы, во-вторыхъ, они совершаютъ грѣхъ и по отношенію къ потомству. Имѣя въ виду послѣднее, проповѣдник восклицаетъ: „Что это за сцену я вижу передъ собой? По

на эти прекрасные, удобные дома, построенные нашими трудами: въ нихъ водворились королевскіе фавориты. Посмотрите далѣе на эти обширныя поля, надъ которыми въ потѣ лица трудились отцы наши и мы сами: они обогощаютъ приспѣшниковъ тирана, помогавшихъ ему въ его гнусныхъ стремленіяхъ насъ поработить. Прониклись ли вы къ нимъ достаточной ненавистью? Или, можетъ быть, вамъ надо показать картину еще болѣе отвратительную? Что за изможденныя худыя лица я вижу въ поляхъ,— лица рабочихъ въ поту за тяжелымъ трудомъ земледѣльца? Кто эти одѣтые въ тряпье люди, которые таскаютъ тяжести, носятъ на себѣ воду для надменныхъ баръ и затѣмъ съ низкими поклонами просятъ у тѣхъ же баръ куска хлѣба? Боже милосердый, поддержи духъ мой! Вѣдь это они, мои сыновья, мои дочери.., они въ тяжелыхъ кандалахъ, въ позорныхъ цѣпяхъ рабства!.. Но, можетъ быть, близокъ часъ ихъ освобожденія? Увы, мало на это надежды! Рабство губитъ человѣческія способности, ввергаетъ человѣка въ уныніе и апатію, дѣлаетъ его глупымъ, вселяетъ въ душу его отчаяніе... Эти люди не видятъ для себя никакого выхода, они страдаютъ отъ бѣдности и непосильнаго труда, чахнутъ и умираютъ, оставляя и дѣтей своихъ въ томъ же жалкомъ положеніи. Чего же послѣ этого заслуживаютъ, или вѣрнѣе, какихъ проклятій заслуживаютъ тѣ мерзавцы, тѣ гнусныя твари, которыя могутъ спокойно смотрѣть на попытки порабощенія нашего отечества.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были производить на души патріотовъ такія проповѣди и какую сильную поддержку имѣли революціонеры въ церковной каѳедрѣ, вліяніе которой въ Америкѣ, по традиціи, всегда было огромно, что въ значительной степени объясняется тѣмъ, что духовенство въ Америкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь жило (и, мы могли бы прибавить, живетъ и теперь) интересами своей паствы *) и стремилось такъ или иначе отвѣчать на вопросы, волновавшіе общество, не сводя своей роли на механическое отправленіе церковной службы и не ограничиваясь безцвѣтными проповѣдями съ прописной моралью...

*) Въ Англіи и Америкѣ духовенство играетъ крупную роль не только въ дѣлахъ благотворительности, но и въ другого рода—гораздо болѣе радикальныхъ—попыткахъ врачеванія современныхъ общественныхъ золъ.

Всѣ проповѣдники, о которыхъ мы говорили до сихъ поръ, родились или, по крайней мѣрѣ, воспитывались въ колоніяхъ Новой Англіи и собственно даже въ центральной колоніи Новой Англіи Массачузэтсѣ. Мы знаемъ, что эта колонія была душой возстанія; неудивительно, что въ ней же мы находимъ и проповѣдниковъ, которые отличались въ своихъ проповѣдяхъ наибольшей рѣзкостью выраженій, наибольшей ненавистью къ Англіи и въ особенности къ ея американскимъ союзникамъ—тори или лойялистамъ *).

Духовенство другихъ колоній было болѣе сдержанно въ своихъ проповѣдяхъ, да и въ самой Новой Англіи лишь немногіе проповѣдники обращали церковную проповѣдь въ политическую трибуну для возбужденія въ своихъ слушателяхъ неумолимой ненависти къ врагу. Приведенные выше образцы церковной проповѣди во время революціи надо, такимъ образомъ, разсматривать, какъ крайнее, хотя, какъ намъ кажется, весьма характерное для изучаемаго нами времени, выраженіе того настроенія, которое вызывали у революціонеровъ превратности ихъ борьбы съ англичанами, и въ особенности сознаніе, что среди нихъ самихъ, среди американцевъ, есть люди, радующіеся успѣхамъ ихъ враговъ.

Между наиболѣе рѣшительными сторонниками революціонеровъ изъ числа пасторовъ центральныхъ колоній особенно выдѣлялся Георгъ Дёффильдъ (Duffield), пресвитеріанскій пасторъ, окончившій въ 1752 г. Принстонъ Колледжъ. Къ опасностямъ походной жизни въ эпоху революціи Дёффильдъ получилъ прекрасную подготовку въ первые годы своего пастырскаго служенія на западной границѣ Пенсильваніи. Набѣги индѣйцевъ были тамъ такъ часты, что прихожане являлись въ церковь вооруженными. Въ одной изъ церквей, гдѣ служилъ Дёффильдъ, во все время службы часовые стояли на укрѣпленіяхъ, окружавшихъ церковь, чтобы тотчасъ дать знать вѣрующимъ, когда покажутся какіе-нибудь признаки опасности. Усердіе, краснорѣчіе и неустрашимость Дёф-

*) Массачузэтсъ поставилъ и больше всего войскъ въ теченіе борьбы за независимость: изъ всего числа солдатъ регулярной арміи, сформированной колонистами, на долю Массачузэтса (въ то время одной изъ наиболѣе населенныхъ колоній) приходится болѣе четвертой части См. Higginson A. larger history of Un. States, 292.

фильда создали ему извѣстность во всей Пенсильваніи, и въ 1766 г. онъ былъ приглашенъ въ одну изъ приходскихъ церквей Филадельфіи.

Дёффильдъ былъ рѣшительнымъ и смѣлымъ сторонникомъ революціонеровъ съ самаго начала разлада съ Англіей, и его горячія пропоѣди привлекали всегда наиболѣе видныхъ представителей партіи виговъ между жителями Филадельфіи и между другими американцами, попадавшими по тѣмъ или инымъ причинамъ въ этотъ городъ. Вотъ что писалъ, напр., своей женѣ 11 іюня 1775 г., когда народъ находился въ большомъ волненіи послѣ схватокъ при Лексингтонѣ и Конкордѣ, Джонъ Адамсъ, бывшій въ то время въ Филадельфіи въ качествѣ члена конгресса. „Сегодня утромъ я ходилъ слушать г-на Дёффильда, здѣшняго проповѣдника, который своими взглядами, молитвами (prayers) и проповѣдями напоминаетъ мнѣ духовенство Новой Англіи болѣе, чѣмъ какой-либо иной изъ проповѣдниковъ, которыхъ мнѣ приходилось здѣсь слышать. Его проповѣдь представляла собой толкованіе 35 главы Исаія, при чемъ онъ относилъ къ Америкѣ слова пророка о „пустынѣ“ *). Своимъ краснорѣчіемъ онъ вдохнулъ одушевленіе въ сердца всѣхъ своихъ слушателей“. Черезъ шесть недѣль Адамсъ снова пишетъ женѣ объ этомъ пресвитеріанскомъ пасторѣ, который, очевидно, приходился ему такъ по сердцу. „Сегодня я слышалъ проповѣдь г-на Дёффильда на 2 книгу Паралипоменонъ, XV глава, стихи 1 и 2. Этотъ пасторъ всегда старается свей проповѣдью отвѣтить на запросы времени. На этотъ разъ онъ указывалъ на особенную необходимость мужества и добродѣтелей въ переживаемые тяжелые дни и приводилъ въ качествѣ примѣра поведеніе американской арміи подъ Бостономъ. Ты можешь себѣ представить, какъ мнѣ пріятно было все это слышать“ **).

---

*) Вотъ что мы читаемъ въ 35 главѣ «Возвеселится пустыня... и разцвѣтетъ, какъ нарцисеъ. Великолѣпно будетъ цвѣсти и радоваться, будетъ торжествовать и ликовать... Укрѣпите ослабѣвшія руки и утвердите колѣни дрожащія. Скажите робкимъ душою: будьте тверды, не бойтесь, вотъ Богъ вашъ, пріидетъ отмщеніе, воздаяніе Божіе; Онъ пріидетъ и спасетъ васъ“ и т. д.

**) Дж. Адамсъ родился въ окресностяхъ Бостона и былъ однимъ изъ делегатовъ Массачузэтса на конгрессѣ.

Когда англичане лѣтомъ 1776 г. подошли къ Нью-Іорку Дёффильдъ служилъ полковымъ священникомъ въ американской арміи, стоявшей лагеремъ подъ Нью-Іоркомъ. Въ это время Дёффильду случилось однажды для исполненія своихъ пастырскихъ обязанностей, за недостаткомъ чего нибудь другого, болѣе подходящаго, влѣзть на дерево, сѣсть верхомъ на вѣтку и оттуда произносить проповѣдь. Скоро однако проповѣдь была прервана непріятельскими выстрѣлами въ дерево, столь оригинально замѣнявшее церковную каѳедру.

Деффильдъ былъ не только горячій патріотъ, онъ былъ человѣкъ высокихъ идеаловъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ проповѣди, произнесенной имъ 11 декабря 1783—въ день празднованія окончанія войны и заключенія мира. „Здѣсь Господь“, — сказалъ, между прочимъ, Деффильдъ, — „создалъ страну гражданской и религіозной свободы и приготовилъ убѣжища для бѣдныхъ и угнетаемыхъ во всѣхъ частяхъ земли. Здѣсь, если мы сумѣемъ мудро устроить свои дѣла, будетъ царствовать равенство. Благословенная свобода широко распространится отъ насъ по всему континенту. Будучи далеки отъ раздора, распрей и войнъ, раздирающихъ королевства и имперіи въ Европѣ, земледѣльцы будутъ здѣсь наслаждаться плодами трудовъ своихъ, купцы будутъ увѣрены въ безопасности своего имущества и въ невозможности незаконныхъ поборовъ, мастера будутъ охотно изощрять свою изобрѣтательность, увѣренные въ томъ, что никто не помѣшаетъ имъ воспользоваться выгодами своихъ изобрѣтеній. Люди науки будутъ свободно предаваться своимъ влеченіямъ и будутъ безпрепятственно распространять свѣтъ знанія до самыхъ далекихъ окраинъ континента, обращая въ людей нынѣшнихъ дикарей, бродящихъ по дальнимъ степямъ запада“.

Мы уже говорили, что далеко не всѣ духовныя лица, служившія дѣлу революціи съ церковной каѳедры, были такъ несдержаны въ своихъ проповѣдяхъ, какъ Брекенбриджъ или Уитэкеръ. Другіе проповѣдники, стараясь поднять духъ революціонеровъ, не считали нужнымъ въ то же время пробуждать въ своихъ слушателяхъ чувство дикой ненависти къ врагу. Среди такихъ проповѣдниковъ, получившихъ извѣстность не столько крайностью своихъ взглядовъ или рѣзкостью выраженій, сколько глубиною и

убѣдительностью высказываемыхъ мыслей, видное мѣсто занимаютъ Джонъ Уизерспунъ (Witherspoone) и Эзра Стайльсъ (Stiles). Описаніемъ дѣятельности перваго изъ нихъ мы и закончимъ нашу характеристику церковной проповѣди, какъ одного изъ факторовъ Американской революціи.

Уизерспунъ родился, воспитывался и прожилъ до 46 лѣтъ въ Шотландіи и, такимъ образомъ, уже далеко перейдя за половину обыкновенной человѣческой жизни, пріѣхалъ въ Америку. Это, однако, не помѣшало ему сыграть не маловажную роль въ движеніи, начавшемся вскорѣ послѣ его переселенія въ новый свѣтъ.

Уизерспунъ родился въ 1722 г. близь Эдинбурга и по матери былъ прямымъ потомкомъ знаменитаго Джона Нокса *). Двадцати лѣтъ Уизерспунъ окончилъ Эдинбургскій университетъ и тотчасъ поступилъ пасторомъ въ городѣ Бейтъ на западѣ Шотландіи. Въ теченіе 25 лѣтъ пастырскаго служенія Уизерспунъ пріобрѣлъ большую извѣстность, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ и какъ талантливый писатель по богословскимъ и частію по инымъ вопросамъ. Въ 1768 г. ему былъ предложенъ паствой пресвитеріанскій приходъ сначала въ Дунди, а затѣмъ въ Дублинѣ, но онъ предпочелъ принять предложеніе, пришедшее изъ Америки,—занять должность ректора (president) колледжа колоніи Нью-Джерси**) (одна изъ колоніи Новой Англіи).

Въ Америкѣ также были очень рады согласію Уизерспуна. Съ самаго того времени, когда онъ высадился въ Филадельфіи и до пріѣзда въ Принстонъ, онъ повсюду встрѣчалъ выраженія уваженія и радости. Въ день его пріѣзда колледжъ былъ иллюминованъ, при чемъ въ радости учебнаго заведенія принимало участіе не только населеніе мѣстечка, но и жители сосѣднихъ селеній и даже всей колоніи. Въ теченіе 26 лѣтъ своей жизни въ Америкѣ Уизерспунъ не только сумѣлъ оправдать всѣ тѣ ожиданія, всѣ тѣ надежды, которыя на него возлагались, но, можно сказать, далеко превзошелъ ихъ.

*) Религіозный реформаторъ XVI вѣка, роль котораго въ торжествѣ реформаціи въ Шотландіи, представляетъ нѣкоторыя аналогіи съ ролью Лютера въ Германіи.

**) Болѣе извѣстнаго подъ названіемъ Princeton College по мѣсту нахожденія колледжа (въ мѣстечкѣ Princeton). Колледжъ существуетъ до сихъ поръ и принадлежитъ къ числу лучшихъ высшихъ учебныхъ заведеній Америки.

Мы не можемъ касаться здѣсь заслугъ Уизерспуна, какъ ректора Принстонскаго колледжа, и ограничимся лишь характеристикой его, какъ политическаго дѣятеля. По выраженію одного американскаго историка, „Уизерспунъ сталъ американцемъ съ того момента, какъ высадился на берега новаго свѣта“. Пріѣхавъ въ то время, когда подготовлялся великій разладъ съ метрополіей, Уизерспунъ быстро освоился съ тѣми вопросами, которые волновали американское общество, и рѣшительно сталъ на сторону революціонеровъ, не раздѣляя впрочемъ нѣкоторыхъ ихъ крайностей.

Въ 1776 г. Уизерспунъ началъ свою активную политическую карьеру участіемъ въ трудахъ конвента, выбраннаго населеніемъ Нью-Джерси для выработки новой конституціи, которая должна была замѣнить прежнее гражданское устройство колоніи до начала борьбы съ Англіей. Труды Уизерспуна въ конвентѣ настолько подняли его репутацію, какъ практическаго дѣятеля, что въ томъ же году онъ былъ выбранъ въ качествѣ делегата Нью-Джерси въ американскій конгрессъ, куда прибылъ какъ разъ во время, чтобы вотировать и подписать знаменитую декларацію независимости.

Уизерспунъ принимамъ участіе въ трудахъ конгресса во все время войны, будучи однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ, наиболѣе здравыхъ и разумныхъ членовъ его. Въ то же время Уизерспунъ написалъ массу статей въ газетахъ и журналахъ, статей, имѣвшихъ большое вліяніе на общественное мнѣніе и отрезвлявшихъ иногда болѣе или менѣе значительную часть общества отъ опасныхъ увлеченій, проистекавшихъ отъ недостаточнаго образованія и развитія, какъ, напр., отъ увлеченія выпускомъ бумажныхъ денегъ и отъ другихъ подобныхъ рискованныхъ экспериментовъ.

Принимая столь дѣятельное участіе въ политической жизни своего новаго отечества и не переставая въ то же время исполнять обязанности ректора Princeton College, Уизерспунъ не могъ, конечно, найти много времени для подготовки и произнесенія проповѣдей. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ отношеніи вліяніе его было довольно значительно. Изъ проповѣдей Уизерспуна заслуживаетъ вниманія, какъ характеризующая самого Уизерспуна и его отношеніе къ американской революціи, проповѣдь, произнесенная имъ 17 мая 1776 г., въ день, назначенный конгрессомъ для

молитвы и поста во всѣхъ американскихъ колоніяхъ и для окончательной подготовки къ рѣшительному шагу (объявленію независимости) по отношенію къ Англіи, шагу, послѣ котораго уже нельзя будетъ болѣе отступать назадъ и идти на компромисы.

Проповѣдь Уизерспуна, изданная впослѣдствіи подъ заглавіемъ „Власть Провидѣнія надъ страстями людей“, заключала въ себѣ сдержанное, но рѣшительное изложеніе доводовъ, побуждавшихъ американцевъ настаивать на правѣ самостоятельнаго управленія собственными дѣлами.

„Нѣтъ ни одного примѣра въ исторіи“,—сказалъ, между прочимъ, въ своей проповѣди Уизерспунъ, — „чтобы народъ, который потерялъ гражданскую свободу, сохранилъ свободу религіозную. Если такимъ образомъ мы поступимся своей политической свободой, мы подготовимъ путь и для порабощенія нашей совѣсти“.

Переходя далѣе къ характеристикѣ дѣйствій англійскихъ министровъ, парламента и всего народа, Уизерспунъ говорилъ: „я не могу согласиться на ихъ несправедливыя притязанія вовсе не потому, что считаю этихъ людей продажными или безнравственными, хотя, можетъ быть, такое утвержденіе и было бы основательно по отношенію ко многимъ изъ нихъ, а просто потому, что это—люди, а, слѣдовательно, имъ присущи всѣ тѣ эгоистическія поползновенія и стремленія, которыя составляють одно изъ свойствъ человѣческой натуры, потому, далѣе, что они живутъ гдѣ-то вдали отъ насъ, не имѣя съ нами общихъ интересовъ, что легко можетъ дать имъ поводъ къ злоупотребленію своей властью надъ нами... Я всегда думалъ, что мы лишь ослабляемъ основательность нашихъ протестовъ, когда жалуемся на произволъ короля или на наглость, жестокость или упрямство англійскихъ министровъ. Мы просто хотимъ и должны оградить себя отъ людского невѣжества, пристрастія, несправедливости“...

Въ теченіе своей проповѣди Уизерспунъ коснулся и занимавшаго въ то время всѣхъ вопроса, не пора ли формально отложиться отъ Англіи (до тѣхъ поръ, хотя война фактически началась, все еще считалось возможнымъ найти какой-нибудь компромисъ для возстановленія связи съ метрополіей).

„Теперь намъ предстоитъ рѣшить вопросъ: будемъ ли мы

вести войну съ одной изъ сильнѣйшихъ державъ міра въ качествѣ мятежниковъ, возставшихъ противъ правительства, законность котораго мы не оспариваемъ, или въ качествѣ независимаго народа, поднявшагося противъ незаконно захваченной власти, которую мы ненавидимъ и презираемъ... Можно ли въ самомъ дѣлѣ думать, что и теперь еще осуществимо примиреніе при сохраненіи конституціонныхъ гарантій гражданской свободы въ Америкѣ? Неужели кто нибудь изъ васъ воображаетъ, что можно придумать такой порядокъ вещей, при которомъ Англія будетъ увѣрена въ нашей покорности, а мы будемъ увѣрены въ своей свободѣ"?..

„Всѣми признано, что англійскія колоніи въ Америкѣ достигли большаго процвѣтанія, чѣмъ колоніи какого-либо другого европейскаго народа. Чѣмъ же это объясняется? Не климатомъ, такъ какъ въ нихъ мы находимъ самые различные климаты, не характеромъ населенія, такъ какъ населеніе этихъ колоній составилось изъ выходцевъ изо всѣхъ странъ. Слѣдовательно, это преуспѣяніе можно объяснить лишь британской свободой, которую англичане принесли съ собой изъ своей родины, которой въ большей или меньшей степени проникнутъ гражданскій строй всѣхъ колоній... Неужели найдется человѣкъ со здравымъ смысломъ и свѣтлымъ умомъ, который пожелалъ бы, чтобы эти великія и процвѣтающія колоніи были подчинены, были обращены въ рабство далекой европейской державой? Неужели кто нибудь можетъ сомнѣваться въ томъ, что для американскихъ колоній согласиться на притязанія англійскаго парламента значило бы низвести себя на роль подвластныхъ провинцій, управляемыхъ заносчивыми сатрапами, находящимися подъ номинальнымъ контролемъ далекаго короля, до котораго не донесутся крики угнетаемыхъ, короля, окруженнаго къ тому же лицами, заинтересованными въ томъ, чтобы онъ оставался въ блаженномъ невѣдѣніи?..

„По всему этому я утверждаю — и думаю, что съ этими согласится всякій безпристрастный или не заинтересованный человѣкъ и что такъ разсудитъ дѣло и потомство, — я утверждаю, что мы всѣ должны теперь соединиться для обезпеченія свободы и независимости нашего отечества, такъ какъ мы не можемъ обезпечить одного, не достигнувъ другого".

Эта проповѣдь Уизерспуна получила широкое распространеніе какъ въ Америкѣ, такъ и въ Англіи, при чемъ въ Глазго она была перепечатана и снабжена примѣчаніями и негодующими возраженіями, въ которыхъ пресвитеріанскаго пастора называли измѣнникомъ и предателемъ отечества. Тотъ фактъ, что проповѣдь Уизерспуна получила широкое распространеніе въ Англіи, для насъ весьма важенъ въ томъ отношеніи, что онъ характеризуетъ ту свободу, съ которой можно было въ Англіи конца XVIII столѣтія распространять факты и взгляды, идущіе въ разрѣзъ съ политикой короля и министровъ.

XXVII.

Ретроспективный взглядъ на американскую революцію. Какъ понимаютъ эту революцію современные англичане и американцы.

Мы обозрѣли теперь наиболѣе замѣчательныя литературныя произведенія эпохи американской революціи, останавливаясь преимущественно на тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ особенно рѣзко выразились мысли и чувства, волновавшія колонистовъ передъ разрывомъ съ когда-то родной и любимой метрополіей и во время борьбы съ ней, стоившей обѣимъ сторонамъ и особенно американцамъ многихъ жертвъ и лишеній.

Мы видѣли, что литература играла весьма видную роль въ этомъ великомъ движеніи, что она дѣйствовала непрерывно на разумъ и на чувства американцевъ холоднымъ анализомъ законности актовъ парламента и страстнымъ призывомъ защищать, не щадя живота, отечество отъ деспотическихъ поползновеній короля и послушныхъ ему министровъ и парламента.

Вспомнимъ хотя бы какъ *генералъ* Ли привѣтствовалъ появленіе знаменитаго памфлета Т. Пэна „Здравый смыслъ": „я надѣюсь, что эта *книжка*... нанесетъ послѣдній ударъ Великобританіи". Вспомнимъ, что, по словамъ другихъ современниковъ, Пэнъ своимъ памфлетомъ „совершилъ чудо", обративъ тысячи рѣшительныхъ тори въ революціонеровъ.

Мы знаемъ далѣе, что въ такомъ же смыслѣ высказался о вліяніи этого литературнаго произведенія и самъ главнокомандующій американской арміи и цѣлый рядъ другихъ выдающихся американскихъ дѣятелей той эпохи. Мы напоминаемъ о памфлетѣ Пэна, такъ какъ чрезвычайное вліяніе его на формальный и

безповоротный разрывъ съ метрополіей представляетъ несомнѣнный историческій фактъ. Впрочемъ, если бы даже прямыя свидѣтельства современниковъ не давали намъ безспорнаго доказательства громаднаго вліянія литературы на развитіе и ходъ американской революціи, то достаточно убѣдительнымъ косвеннымъ доказательствомъ того же самаго могло бы служить то раздраженіе, та ненависть, которыя навлекали на себя наиболѣе талантливые литературные выразители революціонныхъ и лойялистскихъ тенденцій у людей противоположнаго образа мыслей. Мы знаемъ, что съ открытіемъ военныхъ дѣйствій и даже задолго до этого лойялистскіе писатели должны были нерѣдко искать спасенія отъ народной расправы въ бѣгствѣ...

Мы знаемъ, съ другой стороны, какимъ потокомъ брани, показывавшей крайнюю степень раздраженія, осыпали лойялисты вождей революціоннаго движенія, и что ихъ ненависть къ Адамсу, Пэну, дѣйствовавшимъ перомъ, едва ли уступала въ чемъ нибудь ненависти къ генераламъ Вашингтону и Грину, служившимъ родинѣ своей шпагой.

Огромное вліяніе литературы на развитіе и ходъ американской революціи доказывается, наконецъ, и тѣмъ извѣстнымъ намъ также фактомъ, что наиболѣе талантливыя произведенія лойялистовъ и въ особенности революціонеровъ расходились въ массѣ изданій и были перепечатываемы во всѣхъ колоніяхъ, а въ исключительныхъ случаяхъ даже и въ Англіи. Относительно же произведенія Пэна „Здравый смыслъ“ мы имѣемъ свидѣтельства современниковъ, удостовѣрявшія, что оно вѣроятно было прочитано всѣми взрослыми американцами безъ исключенія...

Мы полагаемъ, что факты, изложенные въ нашей работѣ, напомнили лишній разъ читателю ту вполнѣ доказанную исторіей, весьма важную — и тѣмъ не менѣе весьма часто забываемую — истину, что наиболѣе рѣзко протестуютъ противъ малѣйшихъ посягательствъ на свободу народы, уже широко пользующіеся свободой, что наиболѣе громко кричатъ о притѣсненіяхъ и несправедливостяхъ тѣ народы, которые относительно обезпечены отъ всякихъ грубыхъ формъ притѣсненій и произвола... Въ самомъ дѣлѣ изо всѣхъ заокеанскихъ колоній европейскихъ народовъ англійскія колоніи первыя подняли знамя возстанія и основали независимое государство. Почему? Потому что ихъ притѣсняли

больше чѣмъ колонистовъ другихъ странъ? Нѣтъ, американцы пользовались такими вольностями, о какихъ и не мечтали колонисты другихъ странъ (напр., французы или испанцы), не мечтали по той простой причинѣ, что они никакихъ вольностей не знали у себя дома... Намъ кажется даже, что мы безъ преувеличенія можемъ сказать, что американцы возстали въ XVII столѣтіи, защищая такія права, какихъ и теперь не удалось еще обезпечить себѣ народамъ континента Европы, кромѣ развѣ Франціи *).

Все это, а также упомянутое нами въ началѣ работы замѣчательное безпристрастіе американскихъ историковъ объясняетъ намъ тотъ взглядъ на американскую революцію, который въ настоящее время можно считать установившимся *въ Америкѣ*, взглядъ, рѣзко отличающійся отъ того, который распространенъ среди т. наз. образованнаго общества на континентѣ Европы и въ особенности въ Россіи.

Вотъ этотъ распространенный теперь среди американцевъ взглядъ на ихъ революцію, извлекаемый нами изъ много разъ цитированной превосходной книги *) профессора (одного изъ лучшихъ университетовъ въ Америкѣ и во всемъ мірѣ) Харвадскаго университета Ал. Бушнеля Харта, книги, вышедшей въ 1892 г. съ тѣхъ поръ имѣвшей уже нѣсколько изданій, введенной въ качествѣ учебнаго руководства и пособія во многихъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Америки и признанной въ своемъ родѣ образцовымъ произведеніемъ.

Заканчивая обзоръ событій американской революціи, проф. Бушнелль Хартъ выражается слѣдующимъ образомъ. „Окидывая взглядомъ все это критическое время, трудно признать (it is difficult to see), что колонисты дѣйствительно испытывали тяжелыя притѣсненія. За десять лѣтъ пошлинами и налогами съ колонистовъ не было собрано и 400,000 фун. стерл. (около 4,000,000 р.). Содержаніе (англійскихъ) армій не стоило колонистамъ ни копейки; находившіяся въ Америкѣ войска не вмѣшивались въ сферу

---

*) Да и это исключеніе можно принять лишь съ оговорками, такъ какъ американцы, напр., всегда пользовались ничѣмъ не стѣсняемымъ правомъ сходокъ и ассоціацій, какового права и *современная* французская *республика* не обезпечиваетъ въ той же мѣрѣ своимъ гражданамъ.

**) Epochs ofi Amercan history, vol. II, Formation of the Union, New-York, 1892, 67—68.

гражданской жизни за единственнымъ исключеніемъ Бостона. Законы о пошлинахъ и другія распоряженія относительно внѣшней торговли колоній были систематически нарушаемы (evaded, т. е. буквально „обходимы"). Истиннаго оправданія революціи надо искать не въ спискѣ неудовольствій на дѣйствія англійскаго правительства, составленномъ колонистами *) (catalogue of grievances drawn up by the colonies). Революція была законна (right), такъ какъ въ основѣ ея лежали два великихъ принципа человѣческаго прогресса.

„Во первыхъ, по мѣрѣ того какъ американскія колоніи становились значительнѣе, населеннѣе и богаче, колонисты все болѣе и болѣе негодовали на то, что развитію ихъ торговли мѣшаютъ нѣкоторыя стѣсненія, введенныя въ интересахъ людей, живущихъ за океаномъ. Такимъ образомъ, колонисты, поднимая возстаніе настаивали на неотъемлемомъ правѣ каждаго человѣка пользоваться трудами рукъ своихъ. Успѣхъ революціи открылъ для американской промышленности и торговли тысячи путей во всѣхъ концахъ міра.

„Во вторыхъ, революція представляла собой протестъ противъ попытки подчинить Америку безконтрольной власти (arbitrary power). Эти попытки были произведены отъ имени англійскаго парламента, но дѣло въ томъ, что какъ разъ въ это время въ силу нѣкоторой совокупности обстоятельствъ, представлявшихъ опасность для самой судьбы конституціоннаго режима въ Англіи, король вполнѣ подчинилъ своему вліянію парламентъ. Такимъ образомъ, колонисты, поднимая возстаніе противъ короля, дѣйствовали во имя тѣхъ же принциповъ и идей, какіе руководили тогда меньшинствомъ англичанъ, составлявшимъ оппозицію королю и его министрамъ.

„Вотъ почему въ 1879 г. англійскій посолъ въ Америкѣ сэръ Эд. Торнтонъ могъ съ полнымъ правомъ сказать, обращаясь къ

---

*) Намекъ на декларацію независимости, представляющую въ нѣкоторомъ родѣ обвинительный актъ по отношенію къ англійскому правительству или вѣрнѣе по отношенію къ королю Георгу III. Мы знаемъ также (см. конецъ IX главы), что первый континентальны конгрессъ (1774) указалъ парламенту рядъ совершенныхъ имъ (парламентомъ) нарушеній правъ колонистовъ.

американцамъ: „агличане понимаютъ теперь, что, поднимая возстаніе, вы боролись за *нашу* свободу".

Да не подумаетъ читатель, что взглядъ, высказанный Э. Торнтономъ и приведенный проф. Хартомъ, раздѣляется немногими англичанами и американцами. Нѣтъ, рѣшаемся мы повторить, это не такъ, и въ подтвержденіе своихъ словъ сошлемся на свидѣтельство талантливаго профессора государственнаго права въ Iowa College (колледжъ штата Айоуэй или, какъ у насъ принято произносить и писать, Іова) Джесси Мэси, который въ своемъ глубоко продуманномъ сочиненіи, „Англійская конституція", *) говоритъ: „въ настоящее время обратилось въ общее мѣсто какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ, что истиннымъ мятежникомъ, истиннымъ измѣнникомъ по отношенію къ англійской конституціи (the real rebel against English Constitution) былъ самъ король... и что успѣхъ колонистовъ въ значительной степени содѣйствовалъ реакціи противъ деспотическихъ поползновеній Георга III" (стр. 379, 386).

Резюмируя все вышесказанное, мы, кажется, можемъ съ полнымъ правомъ утверждать, что американцы возстали не тогда, когда послѣ ряда притѣсненій и угнетеній у нихъ были отняты послѣдніе слѣды свободы, а тогда, когда ихъ свободѣ въ первый разъ стала грозить серьезная опасность

---

*) Jesse Macy. The English Constitution, commentary on its nature and growth. New-York, 1898.

Первая декларацiя правъ колонистовъ и причинъ ихъ неудовольствiй.

(1765).

Декларацiя правъ американскихъ колонiй *), вотированная 19 октября 1765 г. на конгрессѣ делегатовъ колонiй, собравшемся 7 октября 1765 г. въ Нью-Iоркѣ, по предложенiю законодательнаго собранiя колонiи Массачузэтсъ.

Конгрессъ состоялъ изъ двадцати восьми делегатовъ отъ девяти колонiй (отсутствовали делегаты отъ Виргинiи, Нью-Гемпшира, Георгiи и Сѣверной Королины). Делегаты много спорили по поводу того, слѣдуетъ ли основать вольности американцевъ на теорiи естественныхъ правъ человѣка или на хартiяхъ, данныхъ колонистамъ англiйскими королями. Въ концѣ концовъ получила перевѣсъ первая точка зрѣнiя. 25 октября тѣ делегаты, которые имѣли соотвѣтственныя полномочiя (а именно делегаты Массачузэтса, Нью-Джерси, Родъ Айлэнда, Пенсильванiи, Делавэра и Мэрилэнда) подписали декларацiю правъ и конгрессъ закрылся.

Резолюцiя конгресса американскихъ колонiй.

«По тщательномъ обсужденiи вопроса конгрессъ пришелъ къ соглашенiю относительно слѣдующей декларацiи правъ американскихъ колонистовъ и ихъ неудовольствiй на правительство метрополiи».

Члены конгресса, будучи искренно и глубоко преданы какъ особѣ Его Величества, такъ и Его правительству, будучи неизмѣнно (inviolably) привязаны къ нынѣ царствующей въ Англiи къ великому благу ея про-

*) Переводъ сдѣланъ съ текста декларацiи, напечатанной въ сборникѣ „Documents illustrative of American history — by Howard Preston, New-York. 1899. Оттуда же заимствованы и предварительныя объясненiя.

тестантской династіи и глубоко чувствуя въ то же время бѣды, которыя переживають теперь и которыхъ ожидаютъ въ будущемъ британскія колоніи въ Америкѣ, послѣ самаго серьезнаго разсмотрѣнія состоянія колоній, какое только было возможно по имѣвшемуся въ распоряженіи конгресса времени, считаютъ своимъ священнымъ долгомъ представить нижеслѣдующее заявленіе своихъ сужденій касательно наиболѣе существенныхъ правъ и вольностей колонистовъ (rights and liberties) и касательно неудовольствій тѣхъ же колонистовъ, неудовольствій вызванныхъ нѣсколькими изданными въ послѣднее время парламентскими актами.

1) Подданные Его Величества, живущіе въ здѣшнихъ (in these) колоніяхъ, подчинены въ такой же мѣрѣ верховной власти королей Великобританіи, какъ и другіе подданные, родившіеся въ другихъ частяхъ королевства. Такимъ же образомъ они въ должной мѣрѣ подчинены и высокому (august) законодательному собранію, именуемому парламентомъ Великобританіи.

2) Подданнымъ (subjects) Его Величества, живущимъ въ здѣшнихъ колоніяхъ, принадлежатъ всѣ права и вольности (rights and liberties), какими пользуются всѣ вообще лица, родившіяся британскими подданными въ какой бы то ни было части владѣній Великобританіи.

3) Существеннымъ и неотъемлемымъ правомъ всякаго свободнаго народа и несомнѣннымъ (undoubted) правомъ англичанъ былъ всегда тотъ принципъ, въ силу котораго народъ не можетъ быть облагаемъ налогами иначе какъ съ его собственнаго согласія, даннаго лично (personally) или черезъ народныхъ представителей.

4) Жители здѣшнихъ колоній не имѣютъ,—а въ силу отдаленности колоній (local circumstances) и не могутъ,—имѣть своихъ представителей въ великобританской палатѣ общинъ.

5) Единственными представителями населенія здѣшнихъ колоній могутъ считаться только лица, имъ самимъ избранныя въ качествѣ таковыхъ представителей. До сихъ поръ населеніе здѣшнихъ колоній не платило другихъ налоговъ (taxes),—да и не могло быть привлекаемо къ уплатѣ таковыхъ на законномъ основаніи (constitutionally) — кромѣ тѣхъ, которыми облагали колонистовъ ихъ собственныя законодательныя собранія

6) Такъ какъ всѣ сборы (supplies), уплачиваемые правительству должны считаться добровольнымъ даромъ (free gifts) народа, то противно разуму, равно какъ и принципамъ и духу британской конституціи,

чтобы населеніе Великобританіи опредѣлялъ такіе дары Его Величеству изъ достоянія и собственности американскихъ колонистовъ.

7) Судимость только по суду присяжныхъ, есть неотъемлемое и неоцѣнимое право всякаго британскаго подданнаго, живущаго въ здѣшнихъ колоніяхъ.

8) Недавній актъ парламента, называющійся «Актомъ, разрѣшающимъ взиманіе и расходованіе нѣкоторыхъ гербовыхъ и другихъ сборовъ въ британскихъ колоніяхъ въ Америкѣ», въ силу того, что этимъ актомъ парламентъ обложилъ налогомъ жителей здѣшнихъ колоній, тотъ же парламентскій актъ и нѣкоторые другіе въ силу того, что они распространяютъ юрисдикцію такъ наз. адмиралтейскихъ судовъ (courts of admiralty) за предѣлы границъ, установленныхъ для этихъ судовъ традиціей *),—всѣ эти акты служатъ очевиднымъ доказательствомъ стремленія парламента нарушить права и вольности колонистовъ.

9) Налоги, введенные въ колоніяхъ въ силу послѣднихъ нѣсколькихъ парламентскихъ актовъ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, въ какихъ находятся американскія колоніи, будутъ чрезвычайно тягостны и обременительны; вслѣдствіе же недостатка въ денежномъ обращеніи уплата этихъ налоговъ совершенно не осуществима на практикѣ (absolutely impracticable).

10) Такъ какъ доходы отъ торговли здѣшнихъ колоній въ концѣ концовъ стекаются въ Великобританію въ видѣ платы хозяевамъ фабрикъ и промышленныхъ предпріятій, у которыхъ колонисты вынуждены покупать разные товары, то этимъ самымъ колонисты уплачиваютъ весьма значительную долю сборовъ, взимаемыхъ правительствомъ метрополіи съ англичанъ (живущихъ въ Англіи П. М.).

11) Ограниченія, введенныя нѣсколькими небольшими парламентскими актами въ торговыя сношенія здѣшнихъ колоній, лишатъ колонистовъ средствъ пріобрѣтать продукты великобританской промышленности.

12) Для прогресса, благоденствія и счастія здѣшнихъ колоній необходимо, чтобы колонисты свободно пользовались всѣми своими правами и вольностями и чтобы всѣ отношенія колоній и метрополіи были регулируемы ко взаимному удовольствію и выгодѣ.

13) Британскимъ подданнымъ, живущимъ въ здѣшнихъ колоніяхъ

*) Courts of admiralty или admiralty courts по традиціи подлежали вѣдѣнію лишь дѣла, возникающія изъ-за нарушенія законовъ и обычаевъ морской торговли и вообще такъ наз. „морскія дѣла“ (maritime cases).

принадлежитъ право подавать петиціи королю и обѣимъ палатамъ парламента.

Наконецъ (Lastly). Колонисты изъ святого чувства долга по отношенію къ истиннымъ интересамъ англійскихъ королей, метрополіи и, наконецъ, по отношенію къ своимъ собственнымъ интересамъ считаютъ необходимымъ сдѣлать попытку—черезъ посредство вѣрноподданнической петиціи Его Величеству и смиренныхъ (humble) обращеній къ обѣимъ палатамъ парламента—добиться отмѣны вышеназваннаго акта о взиманіи гербоваго сбора, равно какъ и соотвѣтственныхъ статей всѣхъ другихъ актовъ парламента, статей, какъ было сказано ранѣе, чрезмѣрно распространившихъ юрисдикцію адмиралтейскихъ судовъ, и вообще отмѣны всѣхъ послѣднихъ актовъ парламента, которыми введены разныя ограниченія и стѣсненія для американской торговли.

Приложеніе II.

Протестъ англичанина противъ обложенія американскихъ колоній англійскимъ парламентомъ.

(1766).

Рѣчь, произнесенная въ англійскомъ парламентѣ Вильямомъ Питтомъ (впослѣдствіи лордомъ Чатамомъ).

«Господа (gentlemen), меня обвиняютъ въ томъ *), что я являюсь виновникомъ мятежнаго (sedition) настроенія американцевъ. Все дѣло въ томъ, что колонисты совершенно открыто высказали свои мысли и чувства по поводу этого несчастнаго парламентскаго акта (о гербовомъ сборѣ. П. М.), и теперь самую свободу, съ которой они высказали свои сужденія, вмѣняютъ имъ въ преступленіе. Грустно, господа, слышать, что здѣсь, въ парламентѣ оказывается возможнымъ свободу рѣчи вмѣнять кому-нибудь въ преступленіе! Но я не боюсь такихъ упрековъ. Я самъ хочу вполнѣ свободно и смѣло высказать вамъ свои мысли. Ни одинъ порядочный человѣкъ (по gentleman) не долженъ бояться открыто высказывать свои мысли и чувства»...

«Господа, предшествующій ораторъ **) говорилъ вамъ, что Америка упорствуетъ, что Америка открыто возстала. Я радуюсь этому сопротивленію американцевъ. Трехмилліонный народъ, у котораго настолько заглохло стремленіе къ свободѣ, чтобы его можно было безъ сопротивленія

---

*) Рѣчь Питта заимствована нами изъ сборника проф. A. Bushnell Hart'a. American History as told by Contemporaries, vol. II, 404.

**) Какъ видно изъ сочиненія Lecky. History of England in XVIII century (vol. III, 337) Питтъ въ своей рѣчи возражалъ лорду Гренвилю, бывшему первымъ министромъ и министромъ финансовъ въ то время, когда былъ изданъ правительствомъ законъ о гербовомъ сборѣ. Гренвилю съ большимъ трудомъ удалось добиться принятія закона парламентомъ.

обратить въ рабство, могъ бы сдѣлаться удобнымъ орудіемъ для порабощенія остальныхъ англичанъ.

«Выступая передъ вами, господа, для защиты дѣла свободы, я не подготовилъ какой-нибудь тяжелой артиллеріи изъ разныхъ актовъ парламента и судныхъ дѣлъ (law cases), которыми я могъ бы подкрѣпить высказываемые мной сужденія... Мнѣ, однако, не трудно было бы доказать, что даже и при прежнихъ самовластныхъ царствованіяхъ (arbitrary reigns) парламенты стыдились облагать населеніе тѣхъ или иныхъ областей Англіи налогами безъ согласія населенія этихъ областей, распроставивъ поэтому на всѣ части Англіи право посылать представителей въ парламентъ *)...

«Предшествующій ораторъ указывалъ намъ на то, что многіе платятъ налоги, но не участвуютъ активно въ выборахъ народныхъ представителей,—какъ напр., индійская компанія, купцы, фабриканты (manufacturers). Но вѣдь многіе изъ такихъ лицъ являются избирателями въ качествѣ поземельныхъ собственниковъ, въ качествѣ полноправныхъ гражданъ городовъ, имѣющихъ представителей въ парламентѣ (as freemen of boroughs), или инымъ образомъ. Конечно, очень жаль, что избирательными правами не пользуется большая, чѣмъ теперь, часть плательщиковъ налоговъ. Но вѣдь всѣ плательщики налоговъ живутъ по крайней мѣрѣ въ Англіи, а потому, если юридически и не пользуются избирательными правами, могутъ по крайней мѣрѣ de facto оказывать извѣстное вліяніе на ходъ избирательныхъ компаній. Многіе могутъ, если пожелаютъ, пріобрѣти право и на прямое участіе въ выборахъ **). Наконецъ многіе имѣютъ тѣ или иныя связи съ избирателями или могутъ на нихъ оказывать извѣстное вліяніе...

Предшествующій ораторъ указывалъ на преміи (bounties), уплачи-

*) Здѣсь Питтъ вспоминаетъ событія изъ англійской исторіи, когда графство Дургамъ (въ XVI вѣкѣ) и графство Честеръ (въ XVII вѣкѣ) заявили протестъ парламенту, что они, платя наравнѣ съ прочими частями Англіи всѣ налоги, не имѣютъ однако своихъ представителей въ парламентѣ. Парламентъ удовлетворилъ ихъ претензію.

**) Вѣроятно Питтъ въ этомъ случаѣ разумѣлъ богатыхъ людей, которые могли обезпечить себѣ право на участіе въ выборахъ, пріобрѣтя поземельную собственность въ городахъ или мѣстечкахъ (boroughs), посылавшихъ въ то время въ Англію представителей въ парламентъ. Какъ извѣстно, до реформы 1832 г. избирательныя права въ Англіи распредѣлялись крайне несообразно въ территоріальномъ и иныхъ отношеніяхъ.

ваемыя правительствомъ *) американцамъ! Но вѣдь, господа, всѣ такія преміи имѣютъ все-таки конечной цѣлью выгоды самой Англіи, въ противномъ случаѣ деньги, взимаемыя съ англійскаго народа, расходуются ненадлежащимъ образомъ.

Господа, я не желаю льстить Америкѣ, я защищаю интересы Англіи. Я утверждаю, что парламентъ имѣетъ право возлагать извѣстныя обязательства на Америку (to bind, to restrain America). Англіи принадлежитъ верховная законодательная власть надъ колоніями... Когда двѣ страны такъ связаны, какъ Англія соединена съ ея колоніями, и когда эти страны не слились въ одно цѣлое, то, конечно, одна часть неизбѣжно должна управлять другой, болѣе значительная **) должна управлять менѣе значительной и притомъ управлять такъ, чтобы не нарушать нѣкоторыхъ основныхъ принциповъ, регулирующихъ жизнь обѣихъ частей.

Если предшествующій ораторъ дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, не понимаетъ разницы между внутреннимъ и внѣшнимъ обложеніемъ (податями и таможенными пошлинами П. М.), я тутъ ничего не могу сдѣлать. Однако для всякаго должна представляться очевидной разница между податями, имѣющими главной цѣлью доставленіе государственному казначейству извѣстнаго дохода, и пошлинами, конечной цѣлью которыхъ является регулированіе торговыхъ сношеній, направленное ко благу самихъ гражданъ ***), хотя, конечно, и сборы послѣдняго рода могутъ давать между прочимъ нѣкоторый доходъ казначейству.

Предшествующій ораторъ спрашиваетъ, когда колонистамъ была дана свобода? А я бы желалъ знать, когда колонисты были лишены таковой?

---

*) Имѣя въ виду обезпечить себѣ обильный привозъ корабельнаго лѣса, необходимаго для судостроенія (въ то время исключительно деревяннаго), Англія поощряла преміями ввозъ изъ американскихъ колоній лѣса и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ, нужныхъ для развитія ея флота и морского могущества. См. Adam Smith. Wealth of Nations, книга IV, глава VII.

**) Greater. Великобританія (Собственная Англія, Шотландія и Ирландія), имѣя населеніе почти въ *пять* разъ болѣе значительное, чѣмъ ея американскія колоніи, составившія впослѣдствіи С. Штаты, занимала территорію почти въ *десять* расъ меньшую территоріи тѣхъ же колоній. Впрочемъ, если принимать во вниманіе другія колоніальныя владѣнія Великобританіи, то она оказалась бы и по пространству значительно превосходящей свои американскія колоніи.

***) Т. е. не для выгодъ фиска.

Впрочемъ не будемъ терять времени на споры о словахъ! Когда я имѣлъ честь быть министромъ Его Величества, я пользовался всѣми имѣвшимися въ моемъ распоряженіи средствами для полученія необходимыхъ мнѣ свѣдѣній; слѣдовательно, господа, я говорю со знаніемъ дѣла. Данныя мои были надежныя, я употребилъ всѣ старанія къ тому, что бы собрать, обдумать, взвѣсить ихъ; поэтому я теперь смѣло утверждаю, что доходы Великобританіи отъ торговли съ колоніями во всѣхъ ея отрасляхъ достигаютъ почти двадцати милліоновъ рублей (двухъ милліоновъ фунт. стерл.) въ годъ. Вотъ, господа, что позволило намъ побѣдоносно закончить недавнюю войну (вѣроятно, Питтъ здѣсь разумѣетъ войну съ Франціей, закончившуюся въ 1763 году присоединеніемъ Канады къ владѣніямъ Англіи П. М.). Имѣнія, которыя отдавались въ аренду 60 лѣтъ тому назадъ по 20,000 рублей въ годъ, теперь сдаются за 300,000 руб. Прежде продажная цѣна имѣнія капитализировалась изъ 15 или 17 годичной арендной платы, теперь продажная цѣна капитализируется изъ 30-годичной аренды. Вы обязаны, господа, этимъ Америкѣ. Вотъ, господа, плата, вносимая Америкой за покровительство Англіи. И неужели найдется такой жалкій финансистъ, который станетъ хвастливо говорить вамъ, что предлагаемая имъ мѣра дастъ лишній грошъ казначейству и поставить на карту потерю милліоновъ гражданъ!

Мнѣ трудно было бы опредѣлить, господа, насколько могутъ еще увеличиться наши доходы отъ американской торговли, хотя это увеличеніе во всякомъ случаѣ можетъ быть весьма значительнымъ. Я убѣжденъ, что наши торговыя отношенія съ Америкой могутъ быть измѣнены къ великой пользѣ для насъ, не говоря уже о томъ приращеніи нашихъ выгодъ, которыхъ можно ожидать отъ одного естественнаго увеличенія населенія въ сѣверныхъ колоніяхъ и отъ притока эмигрантовъ въ Америку со всѣхъ концовъ Европы. Возвращаясь къ вопросу о нашихъ торговыхъ связяхъ съ Америкой, я долженъ сказать, что парламентъ налагалъ стѣсненія тамъ, гдѣ надо было поощрять, и поощрялъ тамъ, гдѣ лучше было бы ограничивать...

Внѣ парламента много говорилось о силѣ Америки. По этому поводу слѣдовало бы выражаться осмотрительнѣе. Защищая правое дѣло, дѣйствуя во имя очевидной справедливости, Англія можетъ раздавить въ прахъ (crush to atoms) Америку. Мнѣ хорошо извѣстна храбрость нашихъ войскъ. Я знаю доблесть нашихъ офицеровъ. Среди войскъ, дравшихся съ французами въ Америкѣ, нѣтъ такой роты (company), въ которой

нельзя было бы найти человѣка съ достаточнымъ опытомъ и познаніями, чтобы годиться въ губернаторы той или иной изъ американскихъ колоній. Но нельзя, господа, начинать войну изъ-за разбираемаго вопроса, изъ-за закона о гербовомъ сборѣ, сборѣ, который столь многіе изъ самихъ англичанъ считаютъ вопіющей несправедливостью, и противъ котораго и я самъ возвышаю рѣшительно свой голосъ.

Начинать войну при такихъ обстоятельствахъ было бы весьма рискованно. Если бы Америка была повергнута, она пала бы какъ сильный человѣкъ. Она увлекла бы въ своемъ паденіи государственные устои и самую конституцію. И это вашъ хваленый миръ *)! Вмѣсто того, чтобы вложить мечь въ ножны, вы хотите его вонзить въ грудь своихъ согражданъ? Неужели вы поднимете междоусобную войну теперь, когда весь домъ Бурбоновъ соединился противъ васъ?..

Правда, американцы не всегда поступали благоразумно и сдержанно. Но вѣдь мы были къ нимъ несправедливы. Своей несправедливостью мы ихъ довели до безумія. Неужели вы теперь хотите ихъ наказывать за безумные поступки, къ которымъ вы ихъ сами вызвали! Нѣтъ, покажемъ сначала сами благоразуміе и сдержанность! Ручаюсь, господа, что тогда и Америка послѣдуетъ нашему примѣру. Есть, господа, двѣ строки въ одной балладѣ Прайора (Prior); въ этихъ строкахъ выражено, какъ мужъ долженъ относиться къ женѣ. Онѣ такъ примѣнимы къ отношеніямъ, которыя должны бы существовать между Англіей и ея колоніями, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести ихъ вамъ **).

Будь немножко слѣпъ къ ея недостаткамъ
И очень внимательнымъ къ ея добродѣтелямъ!

Въ концѣ концовъ я прошу позволенія парламента высказать безъ обиняковъ въ чемъ заключается мое мнѣніе по обсуждаемому вопросу. По моему мнѣнію законъ о гербовомъ сборѣ долженъ быть отмѣненъ *безусловно, вполнѣ и немедленно* (absolutely, totally and immediately). Слѣдуетъ указать также и причину таковой отмѣны, такъ какъ законъ имѣлъ въ основаніи дурной принципъ. Въ то же время слѣдуетъ въ самыхъ твердыхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ подтвердить

*) Т. е. миръ съ иностранными державами. Мы знаемъ, что только въ 1763 г., т. е. всего за три года передъ моментомъ произнесенія Питтомъ настоящей рѣчи и за два года до введенія гербоваго сбора въ Америкѣ, Англія кончила продолжительную войну съ Франціей.

**) Be to her faults a little blind,
Be to her virtues very kind!

верховную власть Англіи надъ колоніями, право ничѣмъ неограниченной законодательной власти надъ ними (every point of legislation whatsoever). Слѣдуетъ заявить, что мы считаемъ себя въ правѣ регулировать торговыя сношенія колоній и развитіе въ нихъ промышленности; однимъ словомъ, что мы имѣемъ надъ колоніями всякую власть (every kind of power whatsoever), кромѣ лишь власти брать деньги изъ кармановъ колонистовъ *) безъ ихъ на то согласія.

(Какъ говоритъ извѣстный англійскій историкъ Хартполь Лекки, Питтъ всталъ больной съ постели для того, чтобы принять участіе въ парламентскихъ преніяхъ по поводу отмѣны закона о гербовомъ сборѣ. Во время этихъ преній онъ произнесъ въ высшей степени сильныя рѣчи, которыя, по выраженію цитированнаго англійскаго историка «имѣли поразительное вліяніе по обѣимъ сторанамъ Атлантическаго океана». Бывшій въ то время первый министръ Рокингамъ написалъ на другой день послѣ этого достопамятнаго засѣданія королю: «то, что происходило вчера въ палатѣ общинъ, доказываетъ поразительную силу и вліяніе г. Питта, всякій разъ, когда онъ принимаетъ участіе въ преніяхъ» **).

---

*) Out of their pockets.

**) Цитиров. въ сочин. W. E. Hartpoll Lecky. A. History of England in XVIII century, vol. III, 338.

Вторая декларація правъ и соглашеніе о прекращеніи торговыхъ сношеній съ Англіей *).

(1774)

5 сентября 1774 г. собрался въ Филадельфіи конгрессъ делегатовъ американскихъ колоній Англіи. На второй же день по открытіи конгресса „было единогласно рѣшено назначить коммиссію (a committee) для того, чтобы эта коммиссія формулировала права колонистовъ вообще, перечислила случаи, когда эти права были нарушены правительствомъ метрополіи, а также указала и наиболѣе подходящія средства для возстановленія нарушенныхъ правъ колонистовъ". Докладъ, представленный коммиссіей по исполненіи возможнаго на нее порученія 21 сентября, вызвалъ продолжительные споры, при чемъ окончательное соглашеніе относительно декларація состоялось (14 октября 1774 г.) лишь тогда, когда было рѣшено ограничить содержаніе декларація перечисленіемъ тѣхъ правъ колонистовъ, которыя были нарушены правительствомъ метрополіи послѣ 1763 г., такъ какъ предшествующія нарушенія были уже предметомъ обсужденія со стороны конгресса, собиравшагося въ 1765 г.

Конгрессъ составилъ также декларацію о прекращеніи торговыхъ сношеній съ Англіей, возвратившись такимъ образомъ къ политикѣ, въ первый разъ принятой Америкой въ 1765 г. во время движенія, направленнаго къ протесту противъ закона о гербовомъ сборѣ. Такъ называемое «соглашеніе» (agreement) о прекращеніи торговыхъ сношеній съ Англіей (non importation agreement, то есть буквальное соглашеніе о не ввозѣ или о прекращеніи ввоза изъ Англіи) было подписано 20 октября членами конгресса, образовавшими, по выраженію Дж. Адамса,

*) Заимствуемъ изъ цитированнаго сборника „Preston'a", откуда беремъ и предварительныя общія свѣдѣнія.

«достопамятную лигу (league) 1774 года, въ первый разъ провозгласившую верховную волю свободнаго американскаго народа».

Столь же рѣшительнымъ образомъ выражается и одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ американскихъ историковъ *), говоря, что съ момента подписи «соглашенія» членами конгресса можно считать начало Американскаго Союза» (American Union).

Декларація правъ.

(1774).

Имѣя въ виду, что со времени заключенія послѣдней войны (окончившейся, какъ мы говорили выше, въ 1763 г. уступкой французами Канады англичанамъ П. М.), британскій парламентъ, исходя изъ присвоеннаго имъ себѣ права издавать законы, нормирующіе всѣ стороны жизни американскаго народа (in all cases whutsoever), въ самомъ дѣлѣ нѣсколькими законодательными актами обложилъ американцевъ нѣкоторыми налогами, издавъ въ то же время другія законодательныя мѣропріятія, преслѣдовавшія якобы разныя иныя цѣли, въ дѣйствительности же имѣвшія также задачей взиманіе извѣстнаго дохода съ Америки путемъ сбора разныхъ таможенныхъ и иныхъ пошлинъ.

Имѣя въ виду далѣе**) что парламентъ учредилъ въ Америкѣ особую чрезвычайную коммиссію (a board commissioners), давъ ей права, несогласныя съ конституціей и расширивъ въ то же время юрисдикцію такъ назыв. адмиралтейскихъ судовъ (courts of admiralty), которыя стали вѣдать не только судебныя дѣла, возникающія въ приморскихъ областяхъ, но даже и тѣ, которые возникли внутри колоній.

Такъ какъ, вслѣдствіе другихъ законодательныхъ актовъ парламента судьи въ отношеніи полученія жалованія стали всецѣло въ зависимость только отъ правительства метрополіи (on the crown alone), такъ какъ въ то же время правительство стало держать въ колоніяхъ постоянную армію (называемую такъ въ отличіе отъ милиціи, состоящей изъ *мѣстныхъ* гражданъ и призываемой только въ военное время П. М.) даже въ мирное

*) Hildreth.

**) Декларація имѣетъ форму огромнаго періода, въ первой части котораго перечислены въ видѣ положеній основанія, послужившія къ составленію деклараціи. Вслѣдъ за англійскимъ оригиналомъ мы пишемъ съ большой буквы и новой строки отдѣльныя положенія или частями періода, такъ какъ иначе было бы трудно слѣдить за теченіемъ мысли

время, такъ какъ недавно парламентъ рѣшилъ, что на основаніи закона изданнаго въ 38-ой годъ царствованія короля Генриха VIII (1509—1547) колонистовъ можно по обвиненію въ прикосновенности къ государственной измѣнѣ (treason) доставлялъ для суда въ Англію, чтои въ самомъ дѣлѣ было сдѣлано относительно нѣсколькихъ дѣлъ согласно недавно изданному закону, въ которомъ перечислены категоріи дѣлъ, по которымъ возможно перенесеніе суда въ Англію.

Такъ какъ въ послѣднюю сессію парламента были изданы три закона изъ которыхъ одинъ носитъ названіе «Актъ, имѣющій цѣлью указаннымъ ниже оброзомъ и на указываемый ниже срокъ прекращеніе всякой выгрузки съ кораблей и нагрузки на корабли всякаго рода товаровъ въ гавани города Бостона, находящагося въ колоніи Массачузэтсъ», другой (законъ) называется: «Актъ для лучшаго регулированія дѣйствій правительства Массачузэтса», третій (актъ или законъ) называется, «Актъ для обезчепенія безпристрастнаго разбора дѣлъ, возникающихъ относительно разныхъ лицъ нарушающихъ законныя требованія властей въ колоніи Массачусэтса, или мѣшающихъ тѣмъ же властямъ прекращать своевременно возмущенія и безпорядки въ той же колоніи», такъ какъ притомъ всѣ перечисленные законы неразумны, несправедливы и жестоки, равно какъ и противны конституціи, будучи въ высшей степени опаснымъ нарушеніемъ правъ американцевъ.

Такъ какъ часто—вопреки правамъ американскаго народа—были распускаемы разныя собранія (assemblies; надо думать, что здѣсь разумѣются законодательныя собранія разныхъ колоній П. М.), какъ только эти собранія дѣлали попытки подвергать обсужденію причины неудовольствій на правительство митрополія, такъ какъ, наконецъ, почтительныя, вѣрноподданныя и разумныя петиціи указанныхъ собраній, адресованныя правительству метрополіи (to the crown) и заключавшія въ себѣ указаніе неудовольствій колонистовъ, встрѣчали неоднократно пренебрежительное отношеніе со стороны министровъ Его Величества.

Имѣя въ виду все вышесказанное, добропорядочное населеніе (the good people) колоній Нью-Гемпширъ, Массачузэтсъ, Родъ—Айлендъ, Коппектикутъ, Нью-Іоркъ, Нью-Джерси, Пенсильванія, Делаваръ, Мэрилэндъ, Виргинія, Сѣверная Каролина, Южная Каролина, подъ вліяніемъ основательныхъ опасеній, вызванныхъ перечисленными самовластными дѣйствіями парламента и администраціи метрополіи, выбрало изъ каждой колоніи особыхъ депутатовъ, которые съѣхались для составленія общаго американскаго конгресса въ городѣ Филадельфіи съ цѣлью совокупными

силами добиться установленія такого порядка вещей въ Америкѣ, при которомъ не было бы болѣе основанія опасаться за религію, законы и вольности американцевъ. Избранные такимъ образомъ депутаты, являясь свободнымъ собраніемъ народныхъ представителей населенія всѣхъ американскихъ колоній, послѣ самаго серьезнаго обсужденія наилучшихъ путей къ достиженію указанныхъ выше цѣлей, считаютъ долгомъ во-первыхъ, подобно тому, какъ дѣйствовали въ подобныхъ случаяхъ ихъ предки, англичане, когда имъ приходилось защищать свои права и вольности, *провозгласить* (*declare*) *).

Что жителямъ англійскихъ колоній въ Америкѣ, въ силу неизмѣнныхъ законовъ природы, принциповъ англійской конституціи и разныхъ дарованныхъ имъ хартій, принадлежатъ нижеслѣдующія *права* (*rights*).

1) Колонистамъ принадлежитъ право на жизнь, свободу и собственность; они никогда не уступали какой бы то ни было верховной власти распоряженія этими своими правами безъ ихъ на то согласія.

2) Наши предки, впервые заселившіе эти колоніи, въ то время, когда они оставляли свою родину, пользовались всѣми правами, вольностями (liberties) и привилегіями (immunities) свободныхъ (free) англійскихъ подданныхъ, живущихъ въ Англійскомъ королевствѣ.

3) Эмигрируя изъ своей родины, колонисты ни въ коемъ случаѣ вслѣдствіе этого не теряли и не отказывались отъ какихъ бы то ни было изъ принадлежавшихъ имъ правъ и потому они и въ Америкѣ сохраняли,—а теперь сохраняютъ ихъ, живущіе въ Америкѣ, потомки,—всѣ тѣ права пользованію которыми не препятствуютъ особенности ихъ положенія, заключающіяся въ отдаленности ихъ мѣстожительства и въ другихъ особыхъ условіяхъ ихъ жизни.

4) Основаніемъ англійской свободы, какъ и вообще всякаго свободнаго правительства, слѣдуетъ считать право народа на представительство въ законодательномъ собраніи. Такъ какъ, однако, англійскіе колонисты въ Америкѣ не имѣютъ представителей,—и въ силу территоріальныхъ и иныхъ особенностей своего положенія, и не могутъ имѣть представителей,— въ британскомъ парламентѣ, то имъ принадлежитъ свободное и исключительно право законодательства черезъ посредство собственныхъ законодательныхъ собраніи (каждой колоніи), каковыя собранія только и могутъ считаться дѣйствительными выразителями желаній колонистовъ, при чемъ это право

*) Въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ при переводѣ оффиціальныхъ документовъ, курсивъ принадлежитъ подлиннику.

законодательства распространяется на все, что касается обложенія населенія налогами, и на все, что можетъ считаться внутренними дѣлами колоніи, правительству же метрополіи (или его представителю въ колоніи— губернатору П. М.) принадлежитъ лишь право veto, примѣняемое такимъ образомъ и въ такой формѣ, какъ это всегда бывало до сего времени.

Однако, имѣя въ виду крайнюю важность вопроса и соображаясь со взаимными интересами обѣихъ странъ (countries), мы охотно соглашаемся подчиняться такимъ актамъ британскаго парламента, которые *bona fide* направлены къ регулированію нашей внѣшней торговли въ цѣляхъ обезпеченія метрополіи выгодъ отъ коммерческихъ сношеній съ разными колоніями и въ цѣляхъ коммерческихъ выгодъ самихъ этихъ колоній. Но мы совершенно не допускаемъ какихъ бы то ни было попытокъ правительства метрополіи путемъ тѣхъ или иныхъ фискальныхъ мѣръ—таможенныхъ пошлинъ или внутреннихъ налоговъ или сборовъ— взимать извѣстный доходъ съ англійскихъ подданныхъ, живущихъ въ Америкѣ, безъ ихъ на то согласія.

5) Всѣ англійскія колоніи въ Америкѣ, и каждая изъ нихъ въ отдѣльности, должны пользоваться полной защитой обычнаго англійскаго права (the common law of England). Отъ колонистовъ не можетъ быть ни въ коемъ случаѣ отнята великая и безцѣнная привилегія быть судимыми, согласно закону, судомъ присяжныхъ и на мѣстахъ ихъ жительства.

6) На колонистовъ распространяется также покровительство всѣхъ тѣхъ англійскихъ законовъ, которые существовали во время ихъ переселенія въ Америку, и которые, какъ выяснилось колонистамъ на основаніи опыта, примѣнимы къ ихъ мѣстнымъ и инымъ условіямъ.

7) Равнымъ образомъ колонистамъ принадлежатъ права и привилегіи дарованныя имъ разными королевскими хартіями, и входящія въ своды основныхъ законовъ разныхъ колоній (codes of provincial laws).

8) Колонистамъ принадлежитъ право организовывать мирныя сходки и собранія для обсужденія тѣхъ или иныхъ неудовольствій и для составленія соотвѣтственныхъ петицій королю, почему мы считаемъ незаконными всякія преслѣдованія, запрещенія и аресты, вызываемые такими собраніями гражданъ.

9) Содержаніе постоянной арміи въ американскихъ колоніяхъ въ мирное время и безъ согласія законодательнаго собранія той колоніи, гдѣ стоятъ войска, есть актъ противозаконный.

10) Необходимыя условія правильной организаціи правительственной власти и существенно необходимыя условія правильнаго примѣненія англійской конституціи требуютъ, чтобы основные элементы власти были независимы другъ отъ друга, а слѣдовательно предоставленніе законодательной власти въ нѣсколькихъ колоніяхъ особымъ совѣтамъ (counsel), члены которыхъ назначаются и смѣняются по усмотрѣнію правительства метрополіи (by the crown), есть фактъ противный конституціи, опасный и подрывающій самую основу американской свободы.

Всѣ и каждый изъ народныхъ депутатовъ (deputies), какъ за себя такъ и за населеніе, представителями котораго они выступаютъ, заявляютъ, требуютъ и настаиваютъ (claim, demand and insist) на всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ правахъ и вольностяхъ, каковыя права не могутъ быть законнымъ образомъ измѣнены или сокращены какой бы то ни было властью безъ согласія самихъ колонистовъ, даннаго черезъ посредство ихъ представителей, составляющихъ законодательныя собранія разныхъ колоній.

Обсуждая разбираемые нами вопросы, *) мы обнаружили многіе случаи нарушенія только что перечисленныхъ нашихъ правъ, но, движимые пламеннымъ желаніемъ скорѣйшаго установленія взаимнаго доброжелательства и согласія между колоніями и метрополіей, мы не хотимъ вспоминать прошлаго и перечисляемъ ниже лишь такія нарушенія нашихъ правъ, которыя состоялись послѣ окончанія послѣдней войны (оконченной въ 1763 году П. М.) и въ которыхъ видно систематическое стремленіе поработить Америку (be enslave America).

Слѣдующіе акты парламента являются нарушеніемъ правъ колонистовъ, почему отмѣна ихъ безусловно необходима для возстановленія согласія между Великобританіей и ея американскими колоніями:

Акты, изданные въ царствованіе нынѣшняго короля Георга III (далѣе слѣдуютъ нумера *семи* актовъ, обозначаемыхъ, какъ это дѣлается и теперь въ Англіи, годомъ *отъ начала царствованія* короля и номеромъ закона для этого года) въ силу которыхъ американцы обложены налогами (duties) въ цѣляхъ доставленія извѣстнаго дохода англійскому казначейству, въ силу которыхъ далѣе—значительно расширена установившаяся по традиціи юрисдикція и власть т. наз. адмиралтейскихъ судовъ (admlralty courts), въ силу которыхъ наконецъ амери-

*) Вслѣдъ за переводимымъ нами документомъ и намъ приходится переходить часто отъ третьяго лица къ первому и обратно.

канцы лишены суда присяжныхъ,—всѣ эти законы являются нарушеніемъ правъ американскихъ гражданъ.

Такой же характеръ имѣетъ парламентскій актъ (12 George ch. 24), называемый закономъ, имѣющимъ цѣлью лучшее огражденіе доковъ, складовъ, кораблей и арсеналовъ Его Величества, актъ создающій новое преступленіе для американцевъ и лишающій американцевъ принадлежащаго имъ въ силу конституціи права мѣстнаго суда присяжныхъ, такъ какъ упомянутымъ закономъ разрѣшается всѣхъ привлекаемыхъ на основаніи его къ отвѣтственности судить въ любой части англійскаго королевства.

То же самое мы утверждаемъ относительно трехъ актовъ, (законовъ), изданныхъ въ послѣднюю сессію парламента, которыми пріостановлена торговля порта Бостона, измѣнены характеръ и форма правленія колоніи Массачузэтса и стѣснено отправленіе правосудія въ Америкѣ.

То же самое мы утверждаемъ относительно акта, изданнаго въ ту же сессію и имѣющаго цѣлью облегчить расквартированіе офицеровъ и солдатъ, несущихъ службу Его Величества въ сѣвероамериканскихъ колоніяхъ.

Равнымъ образомъ противозаконно содержаніе постоянной арміи въ нѣсколькихъ колоніяхъ въ мирное время безъ согласія законодательныхъ собраній этихъ колоній.

Американцы ни въ коемъ случаѣ не могутъ согласиться на подчиненіе всѣмъ перечисленнымъ зловреднымъ законамъ и распоряженіямъ правительства метрополіи. Однако, надѣясь на то, что наши сограждане, живущіе въ Великобританіи, пересмотрятъ и измѣнятъ означенныя мѣры и распоряженія и этимъ возстановятъ прежнее положеніе, которымъ обезпечивалось счастіе и благоденствіе обѣихъ сторонъ, мы рѣшили ограничить свои дѣйствія слѣдующими мирными мѣрами.

1. Организовать соглашеніе не ввозить и не потреблять англійскихъ товаровъ и не вывозить своихъ продуктовъ въ Англію.

2. Составить обращеніе (address) къ населенію Великобританіи и меморандумъ (memorial) къ населенію англійскихъ колоній въ Америкѣ.

3. Составить вѣрноподданническую петицію (address) Его Величеству согласную съ тѣми резолюціями, къ которымъ мы пришли при обсужденіи настоящаго положенія дѣлъ въ Америкѣ.

Приложеніе IV.

Соглашеніе.

(1774)

Мы, вѣрнѣйшіе подданные Его Величества (his Majesty's most loyal subjects), делегаты (delegates) колоній Нью-Гемпширъ, Массачузэтсъ, Родъ-Айлэндъ, Коннектикутъ, Нью-Іоркъ, Нью-Джерси, Пеннсильванія, Делавэръ, Мэрилэндъ, Виргинія, Сѣверная Каролина и Южная Королина, посланные въ качествѣ представителей этихъ колоній на континентальный конгрессъ, собравшійся въ Филадельфіи 5 сентября 1774 г., выражая свои вѣрноподанническія чувства Его Величеству, любовь и уваженіе къ нашимъ согражданамъ, живущимъ въ Великобританіи (метрополіи П. М.), и въ другихъ частяхъ Британской имперіи, переживаемъ въ настоящее время величайшую тревогу и величайшія опасенія по поводу тѣхъ бѣдъ и неудовольствій, которыя испытываютъ теперь подданные Его Величества живущіе въ Америкѣ. Обсудивъ самымъ серьезнымъ образомъ состояніе всего американскаго континента, мы пришли къ тому убѣжденію, что современное тягостное состояніе нашихъ дѣлъ имѣетъ причиной разорительную систему управленія колоніями, которой стало держаться англійское правительство съ 1763 г., систему, имѣющую очевидной цѣлью поработить населеніе американскихъ колоній, а затѣмъ и всей британской имперіи вообще.

Слѣдуя вышеуказанной системѣ дѣйствій парламентомъ были изданы разные акты, имѣвшіе цѣлью взиманіе извѣстнаго дохода съ Америки лишившіе во многихъ случаяхъ американцевъ принадлежащаго имъ по конституціи права суда присяжныхъ и подвергающіе ихъ жизнь опасности привлеченіемъ ихъ къ суду за океаномъ за преступленія, совершенныя въ Америкѣ, притомъ суду новому и противозаконному. Слѣдуя той же системѣ, парламентъ издалъ недавно нѣсколько жестокихъ и стѣснительныхъ (cruel und oppressive) актовъ относительно города Бостона и колоніи Массачузэтсъ, равно какъ и актъ расширяющій границы провинціи (колоніи) Квебекъ, вслѣдствіе чего эта провинція стала прилегать къ западнымъ границамъ здѣшнихъ *) колоній (these colonies); тѣмъ же актомъ въ этой провинціи было организовано самовластное (arbitrary) управленіе и стѣснено поселеніе британскихъ подданныхъ въ этой обширной области**). Создавая такимъ образомъ въ областяхъ, сосѣднихъ со старыми колоніями, иные общественные порядки, поддерживая оставшуюся по традиціи взаимную непріязнь (prejudices) между населеніемъ новыхъ и старыхъ колоній, англійское правительство обезпечиваетъ себѣ поддержку со стороны первыхъ въ случаѣ, если бы какое-нибудь злонамѣ-

ренное (wicked) министерство вздумало обрушиться на свободныя протестанскія колоніи Америки (европейское населеніе областей, отнятыхъ у французовъ, состояло конечно, изъ католиковъ П. М.).

Чтобы добиться уничтоженія всѣхъ этихъ бѣдъ, грозящихъ жизни свободѣ и собственности подданныхъ Его Величества, живущихъ въ Америкѣ, мы полагаемъ, что наиболѣе быстрой, дѣйствительной и мирной мѣрой,—въ томъ случаѣ, если ее свято исполнять,—будетъ соглашеніе о прекращеніи ввоза и потребленія англійскихъ товаровъ, равно какъ и вывоза товаровъ въ Англію. Поэтому мы лично за себя и за жителей колоній, представителями которыхъ мы являемся, обязуемся во имя требованій добродѣтели, чести и блага родины на нижеслѣдующее.

Во-первыхъ. (First) Съ перваго декабря (конгрессъ закрылся 26 октября 1774 года П. М.) не ввозить въ Америку изъ Великобританіи или Ирландіи никакихъ продуктовъ или товаровъ, равно какъ не вывозить и изъ другихъ странъ никакихъ товаровъ и продуктовъ, привезенныхъ туда изъ Великобританіи или Ирландіи. Съ того же дня мы не будемъ ввозить въ Америку остъ-индскаго чаю ни изъ какой страны въ мірѣ, равно какъ не будемъ вовсе ввозить патоки, сироповъ и кофе съ острова Доминика (самый большой изъ группы Малыхъ Антильскихъ островов, уже въ то время принадлежавшій Англіи. П. М.).

Во-вторыхъ. Мы не будемъ ни ввозить рабовъ, ни покупать ввезенныхъ рабовъ съ перваго декабря, съ каковаго числа мы вообще прекратимъ всякую торговлю рабами. Не только мы прекратимъ торговлю сами, но мы не будемъ сдавать въ наймы нашихъ судовъ тѣмъ, кто занимается такой торговлей; мы не будемъ даже продавать своихъ товаровъ или продуктовъ тѣмъ, кто занимается торговлей рабами.

---

*) Т. е. къ границамъ старыхъ англійскихъ колоній, образовавшихся въ Америкѣ въ теченіе XVII и XVIII вѣка, тогда какъ Квебекъ былъ частью территоріи только что завоеванной правительствомъ метрополіи (при содѣйствіи американскихъ колонистовъ) у французовъ, гдѣ англійское правительство, опираясь на военную силу, могло дѣйствовать совершенно самовластно.

**) Есть основанія думать, что англійское правительство не особенно сочувственно относилось къ переселенію въ только-что завоеванныя области Канады эмигрантовъ изъ старыхъ своихъ американскихъ колоній, привыкшихъ къ полной свободѣ дѣйствій и самостоятельности. Узкое пониманіе своихъ интересовъ побуждало также англійское правительство относиться несочувственно ко всему, что содѣйствовало объединенію американскихъ колоній и облегченію сношеній между ними.

Въ третьихъ. Такъ какъ обязательство не потреблять извѣстныхъ продуктовъ, если его строго исполнять, представляетъ наилучшую гарантію въ исполненіи соглашенія не ввозить тѣхъ же продуктовъ, мы съ настоящаго дня торжественно обязуемся не покупать и не пить никакого чая, ввезеннаго Остъ-Индской компаніей и вообще какого-бы то ни было чая, съ котораго уплачена или имѣетъ быть уплачена пошлина (duty); съ перваго же слѣдующаго марта мы не будемъ ни покупать, ни потреблять никакого вообще остъ-индскаго *) чая. Мы не будемъ также ни прямо, ни черезъ посредство кого-нибудь другого покупать или потреблять какихъ бы то ни было товаровъ или продуктовъ, которые мы согласились не ввозить въ Америку, если намъ будетъ извѣстно, или даже если мы будемъ имѣть основаніе подозрѣвать, что эти товары ввезены послѣ 1 декабря, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, которые указаны ниже въ пунктѣ десятомъ настоящаго соглашенія.

Въ четвертыхъ. Искреннее желаніе не причинять по возможности ущерба нашимъ согражданамъ, живущимъ въ Великобританіи, Ирландіи и Вестъ-Индіи, побуждаетъ насъ отложить соглашеніе относительно вывоза въ Англію до 10 сентября 1775 года. Если же до этого времени нижеперечисленные акты парламента не будутъ отмѣнены, мы не будемъ прямо или косвенно (черезъ посредничество другихъ странъ П. М.) вывозить какіе бы то ни было свои товары или продукты въ Великобританію, Ирландію или Вестъ-Индію, за исключеніемъ риса, который мы будемъ по прежнему вывозить въ Европу.

Въ пятыхъ. Тѣ изъ купцовъ, которые ведутъ торговыя сношенія съ Великобританіей или Англіей, какъ можно скорѣе сообщатъ своимъ агентамъ и коммиссіонерамъ въ Великобританіи и Ирландіи, чтобы тѣ ни подъ какимъ видомъ не посылали болѣе товаровъ въ Америкѣ, такъ какъ этихъ товаровъ нельзя будетъ принять. Если же какой-нибудь купецъ, живущій въ Великобританіи или Ирландіи, прямо или черезъ чье-либо посредство отправитъ какіе бы то ни было продукты или товары въ Америку съ цѣлью нарушить или какъ-нибудь обойти настоящее соглашеніе, о таковомъ поступкѣ надлежатъ довести до общаго свѣдѣнія; съ того же времени, какъ это станетъ извѣстнымъ, мы прекратимъ всякія коммерческія сношенія съ такимъ купцомъ.

---

*) Т. е. китайскаго (другого чая въ то время не было; такимъ образомъ приведенныя слова равносильны полному отказу отъ чая).

Въ шестыхъ. Судохозяева отдадутъ самыя положительныя приказанія капитанамъ своихъ кораблей не грузить болѣе никакихъ товаровъ перечисленныхъ въ соглашеніи, подъ опасеніемъ немедленнаго увольненія отъ службы.

Въ седьмыхъ. Мы употребимъ всѣ старанія къ тому, чтобы улучшить породу овецъ и довести до возможно большей величины число нашихъ овецъ и барановъ, для чего мы обѣщаемся рѣзать ихъ возможно меньше, особенно тѣхъ барановъ и овецъ, которые принадлежатъ къ лучшимъ породамъ. Мы не будемъ равнымъ образомъ вывозить овецъ въ Вестъ-Индію или въ другія мѣста. Тѣ изъ насъ, у которыхъ имѣется теперь большое число овецъ или у которыхъ можетъ быть впослѣдствіи очень много овецъ, равно какъ и тѣ, кто безо всякаго ущерба для себя можетъ уменьшить число своихъ овецъ, будутъ продавать ихъ своимъ сосѣдямъ, особенно тѣмъ, кто побѣднѣе, по умѣренной цѣнѣ.

Въ восьмыхъ. Мы всѣ, каждый въ кругу лицъ, съ которыми онъ приходитъ въ сношеніе, обѣщаемся поощрять воздержаніе, экономію и трудолюбіе, будемъ содѣйствовать развитію земледѣлія, ремеслъ и промышленности въ нашихъ колоніяхъ, особенно же овцеводства (wool т. е. шерсти). Мы будемъ воздерживаться сами и будемъ удерживать другихъ отъ мотовства и пустыхъ развлеченій, особенно же отъ скачекъ, всякаго рода азартныхъ игръ, боя пѣтуховъ, разныхъ зрѣлищъ и выставокъ и вообще отъ всякихъ дорогихъ развлеченій и удовольствій. Въ случаѣ смерти какого нибудь родственника или друга никто изъ насъ, или изъ членовъ нашихъ семействъ не будетъ носить другихъ законовъ траура кромѣ крепа или ленты на рукѣ или шляпѣ у мужчинъ или черной ленты или воротника у женщинъ; вмѣстѣ съ этимъ мы прекратамъ раздачу на похоронахъ перчатокъ и шарфовъ

Въ девятыхъ. Тѣ, кто занимается продажей товаровъ или продуктовъ, не будутъ пользоваться уменьшеніемъ въ количествѣ этихъ товаровъ или продуктовъ, которое можетъ быть вызвано настоящимъ соглашеніемъ, но будутъ продавать эти продукты и товары по такой цѣнѣ по какой они продавались въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ Если же какой нибудь купецъ будетъ продавать такіе товары по высшей цѣнѣ и вообще какимъ бы то ни было способомъ или какой бы то ни было уловкой нарушать или обходить настоящее соглашеніе, никто не будетъ и никто не долженъ впредь имѣть какихъ бы то ни было торговыхъ сношеній съ такимъ купцомъ или его коммиссіонерами или агентами.

Въ десятыхъ. Въ случаѣ, если бы для какого либо купца и во-

обще для кого бы то ни было, привезли какой-нибудь товаръ послѣ 1 декабря и ранѣе 1 февраля (1775 г.), такой товаръ по желанію получателя или отправляется обратно или сдается общественнымъ властямъ той мѣстности, куда ввезенъ товаръ. Эти власти по желанію получателя или сдаютъ товаръ въ особые склады, гдѣ онъ долженъ храниться до прекращенія настоящаго соглашенія, или же разрѣшаютъ отправителю продать товаръ подъ ихъ наблюденіемъ и контролемъ. Въ случаѣ таковой продажи хозяину товара возмѣщаются всѣ издержки, прибыль же, если таковая окажется, должна пойти на оказаніе помощи тѣмъ изъ бѣдныхъ жителей города Бостона, которые пострадали отъ парламентскаго акта прекратившаго морскую торговлю Бостона. Подробный отчетъ о всѣхъ полученныхъ такимъ образомъ товарахъ, какъ сданныхъ въ склады, такъ и проданныхъ, долженъ быть объявленъ во всеобщее свѣдѣніе въ газетахъ. Всѣ товары и продукты, которые будутъ ввезены въ Америку послѣ перваго февраля (1775 г.), должны быть отсылаемы немедленно назадъ нераспечатанными.

Въ одиннадцатыхъ. Въ каждомъ графствѣ, городѣ и сельскомъ обществѣ лица, имѣющія право на участіе въ выборахъ членовъ законодательнаго собранія, должны избрать особый комитетъ для бдительнаго наблюденія за отношеніемъ всѣхъ американцевъ къ настоящему соглашенію Когда большинство членовъ какого либо комитета убѣдится, что то или иное лицо изъ числа жителей ихъ участка нарушило это соглашеніе, комитетъ долженъ немедленно оповѣстить объ этомъ въ газетахъ для того, чтобы всѣ знали такихъ противниковъ правъ американскихъ колоній и презирали ихъ какъ враговъ американской свободы, послѣ чего мы всѣ прекратимъ всякія сношенія съ такимъ лицами.

Въ двѣнадцатыхъ. Комитеты *) сношеній (Committee of Correspondence) во всѣхъ колоніяхъ должны часто осматривать таможенныя записи о ввезенныхъ товарахъ и отъ времени до времени обмѣниваться таковыми свѣдѣніями, равно какъ и всякими иными, имѣющими отношеніе къ настоящему соглашенію.

Въ тринадцатыхъ. Всѣ здѣшніе мануфактурные товары должны продаваться по умѣреннымъ цѣнамъ безъ всякихъ попытокъ пользоваться случаемъ нажиться отъ возможнаго въ будущемъ недостатка въ таковыхъ товарахъ.

Въ четырнадцатыхъ. Мы обязуемся, далѣе, прекратить, какъ торговыя, такъ и всякія иныя сношенія со всякой колоніей или провинціей

*) См. главу VII.

въ Сѣв. Америкѣ, которая откажется присоединится къ настоящему соглашенію или, присоединившись, нарушитъ его. На жителей такихъ колоній мы будемъ смотрѣть, какъ на лицъ, недостойныхъ правъ свободныхъ людей и какъ на враговъ вольностей американцевъ.

Мы обязуемся за себя и своихъ согражданъ, представителями которыхъ мы являемся, неуклонно держаться настоящаго соглашенія до тѣхъ поръ, пока не будутъ отмѣнены разные акты парламента, изданные со времени окончанія послѣдней войны, акты обложившіе новыми пошлинами или оставившіе въ силѣ прежнія пошлины (duties) на чай, вино, патоку, сиропы, кофе, сахаръ, перецъ, индиго, привозную бумагу, стекло и краски, расширившіе юрисдикцію адмиралтейскихъ судовъ, лишившіе американцевъ суда присяжныхъ. Мы будемъ далѣе держаться того же соглашенія, пока не будетъ отмѣнена та часть закона (12 th. George III, ch. 24), называющагося «Актомъ, имѣющимъ цѣлью лучшее ограждение доковъ, складовъ, кораблей и арсеналовъ Его Величества», которой разрѣшается всякаго человѣка, обвиняемаго въ совершеніи въ Америкѣ какого нибудь изъ преступленій, перечисляемыхъ въ этомъ актѣ, привлекать къ суду въ любой части Британской имперіи (т. е. не въ мѣстѣ совершенія преступленія П. М.).

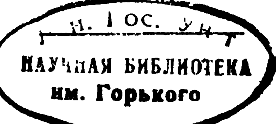
Мы будемъ держаться того же соглашенія, пока не будутъ отмѣнены слѣдующіе четыре акта, изданные въ послѣднюю сессію парламента: актъ о пріостановкѣ морской торговли Бостона, актъ, вводящій измѣненія въ хартіи колоній Массачузэтсъ, актъ нарушающій нормальное отправленіе правосудія и называемый «Актомъ для лучшаго отправленія правосудія», актъ, расширяющій границы провинціи Квебекъ.

Мы рекомендуемъ также всѣмъ народнымъ собраніямъ (Conventions) разныхъ колоній и всѣмъ комитетамъ (Committees—вѣроятно комитетамъ сношеній, см. текстъ П. М), издать дальнѣйшія правила и распоряженія, какія они найдутъ полезными для болѣе точнаго осуществленія настоящаго соглашенія.

Когда состоялось окончательное рѣшеніе относительно настоящаго соглашенія, членамъ конгресса было предложено подписаться подъ нимъ вслѣдствіе чего мы всѣ и подписали внизу свои имена и фамиліи.

Конгрессъ, Филадельфія, 20 октября 1774 года.

Пейтонъ Рандольфъ, президентъ конгресса.
Peyton Randolph, president.

ТРУДЫ П. Г. МИЖУЕВА.

Очеркъ развитія и соврем. состоянія народнаго образованія въ Англіи, цѣна 30 коп.

Очеркъ развитія и совр. сост. средняго образ. въ Англіи, ц. 80 к.

Женское образованіе и обществ. дѣят. женщинъ въ Америкѣ, ц. 50 к.

Вліяніе народнаго образованія на народное богатство, здоровье, нравственность и друг. стороны обществен. жизни; ц. 80 к.

Трэси. Психологія перваго дѣтства, перев. съ англійск. П. Г. Мижуева; цѣна 80 коп.

(Всѣ пять книгъ изданы журн. „Русская Школа“);

Образованіе во Франціи: низшее, среднее высшее; ц. 1 р. (изданіе книжн. склада М. Залшупина).

Взгляды и дѣятельность Націон. Ассоц. для распростр. техническаго и реформы средн. образ. въ Англіи; цѣна 40 к.

Морантъ. Дополнительныя народныя школы во Франціи, перев. съ англ. П. Г. Мижуева.

Сидней Веббъ и С. Вельсъ. Универсальныя учрежденія для рабочихъ въ Лондонѣ (Лондонскіе политехникумы), перевелъ и дополнилъ двумя статьями П. Г. Мижуевъ; ц. 40 к.

(Три послѣднія книги изданы журн. «Техническое Образованіе»).

Французская грамматика для русскихъ (допущ. Учен. Комит. Мин. Нар. Просв.); ц. 60 к.

Mosaïque Française. Французская Хрестоматія со словаремъ (Одобр. Учен. Комит. М. Нар. Просв., цѣна (въ перепл.) 1 р. 15 к.

Изданія Л. Ф. Пантелѣева.

Джевонсъ, С. Основы науки. Трактатъ о логикѣ и научномъ методѣ, пер. съ англ. М. А. Антоновича. Ц. 4 р. 50 к.

Тэнъ, И. Объ умѣ и познаніи. 2-ое изд. Пер. съ франц. исправл. и дополн. по послѣдн. изд. подлинника, подъ ред. Н. Н. Страхова. Ц. 3 р.

Топинаръ, Антропологія. Пер. съ франц. подъ ред. проф. И. Мечникова. Ц. 4 р.

Шимкевичъ, В. Наслѣдственность и попытки ея объясненія. Ц. 1 р.

Овелакъ, Аб. Лингвистика. Пер. съ франц. 2 р.

Спиноза, Б. Этика. Пер. съ лат. подъ ред. проф. В. И. Модестова. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.

Гюйо, М. Искусство съ точки зрѣнія соціологіи. Пер. со 2-го франц. изд. подъ ред. А. Н. Пыпина. Ц. 2 р. 50 к.

Фриманъ, Э. Сравнительная политика и единство исторіи. Пер. съ англ. Н. Коркуновъ. Ц. 2 р. 50 к.

Исторія и теорія статистики въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Эттингена и Швабе. Пер. съ нѣм. подъ ред. и съ дополн. проф. Янсона. Ц. 2 р.

Дарестъ, Р. Изслѣдованія по исторіи права. Перев. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.

Зайцевъ, В. Руководство всемірной исторіи. Древняя исторія Востока, съ 4-мя картами и 2-мя таблицами іероглифовъ и клинообразныхъ письменъ. Ц. 2 р.

Его же. Древняя исторія Запада. Т. I. Эллинская эпоха, съ 2-мя картами. Ц. 4 р.

Джеббъ, Р. Гомеръ. (Введеніе къ Иліадѣ и Одиссеѣ). Пер. съ англ. А. Семеновъ. Ц. 1 р. 50 к.

Платонъ. Апологія Сократа. Критонъ. Пер. съ греч. проф. Д. Лебедевъ. Ц. 50 к.

Модестовъ, В. Лекціи по исторіи римской литературы. Ц. 5 р.

Тацитъ, К. Сочиненія: Т. I. Агрикола. Германія. Исторіи. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Лѣтописи. Разговоръ объ ораторахъ. Ц. 3 р. 50 к. Пер. съ примѣч. и статьей о Тацитѣ В. И. Модестова.

Апулей, Золотой оселъ. Пер. съ лат. Н. Соколовъ. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к. веленев. 2 р. 50 к.

Тома, Э. Римъ и Имперія въ два первые вѣка новой эры, пер. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Симонъ, Ж. Срединное царство. Основы китайской цивилизаціи. Пер. В. Ранцевъ. Ц. 2 р.

Мюллеръ, А. Исторія Ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Пер. съ нѣм. 4 тома. Ц. за четыре тома 10 р.

Народы Турціи. Пер. съ англ. въ 2-хъ томахъ. Ц. 3 р.

Куглеръ, Б. Исторія крестовыхъ походовъ. Пер. съ нѣм. съ рис., картами и планами. Ц. 3 р.

Сорель, А. Европа и французская революція. Пер. съ франц., съ предисл. проф. Н. И. Карѣева. 4 тома. Т. I. Политическіе нравы и традиціи. II. Паденіе монархіи. III. Война съ монархами. IV. Естественныя границы (1794—1795 гг.). Цѣна за два первые тома 6 р., за III и IV 5 р. 50 к.

Наказъ Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторыя. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Ц. 3 р., велен. 5 р.

Монтескье. Персидскія письма. Пер. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.

Лесажъ. Исторія Жиль Блаза де Сантильяна. Перев. съ франц. Ц. 2 р. 50 к.

Бобржинскій, М. Очеркъ исторіи Польши. Пер. съ польск. подъ ред. Н. И. Карѣева. 2 т. Ц. за оба тома 5 р. 50 к.

Эварницкій, Ц. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. 2 части, съ 55 рис. и 7-ю планами. Ц. за обѣ части 6 р.

Ждановъ, Ив. Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованія и матеріалы. Ц. 5 р.

Бѣловъ, Е. Русская исторія до реформы Петра Великаго. Ц. 3 р.

Майковъ, Л. Н. Пушкинъ. Біограф. и историко-литературные очерки. Ц. 1 р. 50 к., велен. 2 р. 50 к. Съ портр. Пушкина, гравюра Уткина.

Его же. Историко-литературные очерки. Ц. 2 р.

Мануйловъ, А. Аренда земли въ Ирландіи. Ц. 2 р. 50 к.

Дайси, А. Основы государственнаго права Англіи. Введеніе въ изученіе англійской конституціи. Пер. съ англ. Ц, 2 р. 50 к.

Градовскій, А. Д. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ. Лекціи, читанныя въ 1886 г. Ц. 3 р.

Куторга, М. С. Собраніе сочиненій. 2 т. Ц. 9 р.

Минаевъ, И. П. Очерки Цейлона и Индіи, 2 ч. Ц. 2 р. 50 к.

Сѣрошевскій, В. На краю лѣсовъ. Съ иллюстр. Ц. 1 р. 25 к.

Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Ц. 1 р. 50 к.

Мерцаловъ, А. Е. Вологодская старина. Матеріалы для исторіи сѣв. Россіи. Ц. 1 р.

Историческія чтенія: Масперо, Г. Древняя исторія. Египетъ и Ассирія, съ 192 рис., изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к. Гиро, П. Частная и общественная жизнь грековъ, съ 70 рис. Ц. 3 р. Гиро, П. Частная и общественная жизнь римлянъ, съ 107 рис. Ц. 3 р. Ланглуа, Ш. Исторія среднихъ вѣковъ (305—1270), съ 81 рис. Ц. 2 р. 50 к. Марьежоль, Ж. Г. Исторія среднихъ вѣковъ и новаго времени (1270—1610), съ 111 рис. Ц. 2 р. Лакуръ-Гайэ, Ж. Исторія новаго времени (1610—1789), съ 76 рис. Ц. 2 р. 50 к. Мерцаловъ, А. Г. Очерки изъ исторіи смутнаго времени. Ц. 1 р.

Шереръ, В. Исторія нѣмецкой литературы. Пер. съ нѣм. подъ ред. А. Н. Пыпина. 2 т. Цѣна за оба тома 5 р. 50 к., отдѣльно каждый томъ по 3 р.

Кенетъ Грэемъ. Золотой возрастъ, пер. съ англ. Ц. 75 к.

Его же. Дни грезъ. Ц. 75 к.

Вновь вышедшія изданія Л. Ф. ПАНТЕЛѢЕВА.

Генри де Уокеръ. Развитіе австралійской демократіи, пер. съ англ. съ дополненіями Д. Сатурина. Ц. 1 р. 80 к.

Эмиль Бутру. Паскаль. Пер. съ фр. Е. В. Лавровой-Поповой. Ц. 80 к.

Вотье Мѣстное управленіе въ Англіи. Перев. съ франц. В. Водовозова Цѣна 2 р.

Фонъ Шаккъ, А. Ф. Исторія норманновъ въ Сициліи. Пер. съ нѣмецкаго. Н. М. Соколова. Ц. 2 р. 50 к.

Лазарилло изъ Тормезъ. Пер. съ испанск. Ц. 75 к.

Могра. Послѣдніе дни одного общества. Перев. съ франц. Ц. 3 р.

Спенсеръ, Г. Основныя начала. Перев. съ англ. Ц. 2 р.

Штраусъ, Ф. Ульрихъ ф. Гуттенъ. Перев. съ нѣм. подъ ред. Э. Л. Радлова. Ц. 3 р.

Поль Луи Курье. Сочиненія. Политическіе памфлеты. Цѣна 2 р.

Нидерле. Люди въ доисторическую эпоху. Пер. съ чешскаго, подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. Ц. 5 р.

Тенъ-Бринкъ. Шекспиръ. Пер. П. И. Вейнберга. Ц. 75 к.

Сеайль. Леонардо да-Винчи. Пер. съ франц. Ц. 2 р.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. I. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Ц. 2 р. 75 к.

Ларра. Общественные очерки Испаніи.Пер. М.В.Ватсонъ. Ц. 2 р. 50 к.

Левесъ. Женскіе типы Шекспира. Пер. съ нѣм. Ц. 2 р.

Метенъ. Соціализмъ въ Англіи. Пер. съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

Рейбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ соціальнаго положенія. Цѣна 1 р. 25 коп.

Паскаль. Письма о морали и политикѣ іезуитовъ. Ц. 2 р.

Генри Джорджъ. Прогресъ и бѣдность. Ц. 2 р.

Риголажъ. Соціологія Конта. Ц. 2 р. 50 к.

Бельшовскій. Жизнь Гёте. Пер. подъ ред. П. И. Вейнберга, т. I. Ц. 2 р. 50 коп.

П. Л. Болье Новыя англо-саксонскія общества. Австралія и Новая Зеландія. Южная Африка (нѣсколько главъ посвящено Трансваалю). Ц. 2 р.

Бернштейнъ. Общественное движеніе въ Англіи XVII вѣка и квакеры. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к.

Ибервегъ-Гейнце. Исторія новой философіи. Пер. Я. Н. Колубовскаго. Изд. 2-ое. Ц. I вып. 2 р. 50 к., II вып. 3 р. 50 к.

Лихтенбергъ. Афоризмы. Пер. съ нѣм. Н. М. Соколова. Ц. 1 р. 50 к.

Дриль, Д. Ссылка во Франціи и Россіи. Ц. 1 р.

Ланге, Ф. А. Исторія матеріализма. Перев. подъ ред. Н. Н. Страхова. 2-е изд. въ одномъ томѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Елпатьевскій, С. Разсказы и очерки. Ц. 1 р. 50 к.

Бойезенъ, Гіальмаръ. „Фаустъ“ Гёте. Комментарій къ поэмѣ. Перев. съ нѣм. съ дополненіями Н. В. Арскаго. Ц 1 р. 50 к.

Пауль Бартъ. Философія исторіи какъ соціологія. Перев. съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 75 к.

Кохъ, М. Исторія нѣмецкой литературы. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 25 к.

Ф. Грегоровіусъ. Исторія города Аѳинъ въ средніе вѣка. Отъ эпохи Юстиніана до турецкаго завоеванія. Пер. съ нѣм. 2 т. Ц. 3 р. 50 к.

Тома, Э. Римъ и Имперія въ первые два вѣка новой эры. Ц. 1 р. 50 к.

Бецольдъ. Исторія реформаціи въ Германіи. Пер. съ нѣм. Т. I. Ц. 3 р., Т. II. Ц. 2 р. 50 к.

Гаусратъ, А. Средневѣковые реформаторы. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. Э. Л. Радлова. Т. I. Абеляръ.—Арнольдъ Брешіанскій. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Арнольдисты. Вальденцы. Францискъ Ассизскій. Вѣчное Евангеліе. Сегарелли. Дольчино. Ц. 2 р.

Альфредъ Штернъ. Исторія революціи въ Англіи. Перев. съ нѣм. Ц. 2 р.

Морганъ, Л. Г. Первобытное общество. Пер. П. П. Румянцева, подъ ред. проф. Д. Н. Кудрявскаго и съ предисл. М. М. Ковалевскаго. Ц. 3 р.

Монтескье. О Духѣ Законовъ, съ предислов. М. М. Ковалевскаго. Ц. 4 р.

